

ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА

Издание Московской штаб-квартиры
Международной ассоциации
«Детектив и Политика»
(МАДПР)

**Издание
Московской штаб-квартиры
Международной ассоциации
«Детектив и Политика»
(МАДПР)**

*Почетный президент,
основатель МАДПР*
Юлиан СЕМЕНОВ

Главный редактор
Артем БОРОВИК

Зам. главного редактора
Сергей УСТИНОВ

Редакционный совет:

Алесь АДАМОВИЧ, писатель
(Беларусь)

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, писатель
(Грузия)

Карл Арне БЛОМ, писатель (Швеция)

Лаура ГРИМАЛЬДИ, писатель
(Италия)

Павел ГУСЕВ, журналист (Россия)

Хуан МАДРИД, писатель (Испания)

Ян МАРТЕНСОН, писатель, зам.
генерального секретаря ООН (Швеция)

Андреу МАРТИН, писатель (Испания)

Раймонд ПАУЛС, композитор (Латвия)

Иржи ПРОХАЗКА, писатель
(Чехо-Словакия)

Роджер САЙМОН, писатель (США)

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ, поэт
(Казахстан)

Микаэл ТАРИВЕРДИЕВ, композитор
(Россия)

Александр ЭЙДИНОВ, издатель
(Россия)

ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА

№ 3(19) 1992

Издается с 1989 года

Читайте в номере:

СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Сергей Иванов
Николай Ламм

ЧИСТЫЕ
ДЕНЬГИ

5

...Из заметки о смерти Хоффмана следовало, что он вкладывал деньги для покупки неких "третьих лиц" еще до того, как в Москве стала работать фабрика по изготовлению гэдэзровских марок. Мало того, "Странник" был создан, когда товарищам со Старой площади и в самом радужном сне не снилось, что можно будет восточную "бумагу" менять на западную валюту. Следовательно... Следовательно, "Странник" поначалу отмывал другие деньги. Какие? Весьма вероятно, деньги КПСС...

НОВОСТИ

Москва, 1992

ЭКСПЕРТИЗА

Аркадий Ваксберг

СТАЛИН ПРОТИВ ЕВРЕЕВ

150

...Почва в стране была уже подготовлена, не хватало простейшего и безотказно действующего сюжета, который безо всяких усилий смог бы ошеломить и призвать патриотов к таким действиям, по сравнению с которыми всемирно известная "хрустальная ночь" в гитлеровской Германии тридцать восьмого года показалась бы детской забавой. Такой сюжет Рюмин нашел: врачи-убийцы. Его детищем, его голубой мечтой стало именно это "дело". Публичное, а не тайное — за закрытыми дверями. Дело Еврейского антифашистского комитета становилось прологом к тому, самому Главному. Первым актом двухактной кровавой трагедии. Первый состоялся. Второй не наступил: вмешалась Божья Воля.

Ярослав Голованов

СВЕТ И ТЕНИ ЛУННЫХ ДОРОГ 209

...Гриссом, Уайт и Чаффи тренировались в "Аполлоне". Сидящие на связи с кораблем вдруг услышали тревожный голос Чаффи: — Пожар... Небольшой пожар...

Через три секунды:

— Сильный пожар в космическом корабле!

Это был уже не крик, а леденящий душу вопль...

...Последнее, что услышали операторы, был крик человека, жить которому оставалось миг:

— Мы горим! Вытащите нас отсюда!!!

ЭТОТ УЖАСНЫЙ, УЖАСНЫЙ МИР

Линдсей Стюарт

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДЛЯ ПТИЦ

226

Многие из нас идут по жизни, даже не подозревая, что это реальное зло действительно существует, пока сами не

столкнутся с каким-нибудь отвратительным, жестоким, не поддающимся осмыслению, преступлением...

Я хочу рассказать о том, как моя жена потеряла рассудок, а сам я приобрел привычку спать с открытыми глазами.

Мартин Армстронг

**ТОТ, КОТОРЫЙ
КУРИЛ ТРУБКУ 231**

Он перевел взгляд с пустого оконного стекла на них, а они смотрели на него или на что-то позади него, и ужас застыл в их глазах. И вот он начал задыхаться — задыхаться, потому что его горло сжимали руки, сжимали и душили его.

— Вы хотите сказать, что это были руки пятого? — спросил я...

Питер Флеминг

ДОБЫЧА 240

Оборотень — это человеческое существо... Человеческое существо, которое время от времени превращается в волка со всеми присущими ему повадками и желаниями. Превращение это происходит ночью. Оборотень убивает людей, а при отсутствии таковых — животных, и пьет их кровь...

**Сэмюэл Хопкинс
Адамс**

**ТРУП ЗА
СТОЛОМ 252**

Доктор распахнул дверь — его встретили холод и тишина. За столом сидели два мертвеца. Оба были застрелены в голову. Голова Истлоу покоилась на столе в луже свернувшейся крови. На полу лежал револьвер...

ББК 94.3
Д38

ДЕТЕКТИВ И ПОЛИТИКА
№ 3

Редактор С.А.Морозов
Художники А.Д.Бегак, В.Г.Прохоров
Художественный редактор А.И.Хисиминдинов
Младший редактор Е.Б.Тарасова
Корректоры Л.П.Агафонова, Л.В.Устинова
Технический редактор Л.А.Крюкова
Технолог С.Г.Володина
Наборщики Т.В.Благова, Р.Е.Орешенкова

Сдано в набор 28.04.92. Подписано в печать 18.06.92
Формат издания 84x108/32. Бумага газетная 50 г/м².
Гарнитура универс. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 17,49.
Тираж 50 000 экз.
Заказ № 865. Изд. № 9034 *30-60*

Издательство "Новости"
107082, Москва, Б.Почтовая ул., 7

Московская штаб-квартира МАДПР
103786, Москва, Зубовский б-р, 4

Типография Издательства "Новости"
107005, Москва, ул. Ф.Энгельса, 46

В случае обнаружения полиграфического брака просьба
обращаться в типографию Издательства "Новости"

Детектив и политика. — № 3. — М.:
Изд-во "Новости", 1992. — 256 с.

ISSN 0235—6686

4700000000
067 (02)—92 Без объявл.

©Составление, перевод, оформление.
Московская штаб-квартира Международной ассоциации
"Детектив и Политика" (МАДПР)
Издательство "Новости", 1992

СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Сергей Иванов
Николай Ламм

ЧИСТЫЕ ДЕНЬГИ

(Авантюрный роман)

Памяти М.А.Келлермана

КЛОК ГАЗЕТЫ

Два чемодана, разинув пасти, лежали посреди огромного, не по-гостиничному роскошного холла в единственном трехкомнатном люксе отеля "Орванда".

Полторы недели безмятежного отпуска, казавшиеся сначала такими бесконечными, вдруг... Словно корова языком. Кстати, та же самая корова слизнула и немалую сумму денег! Шутка ли: только номер — сто рублей в сутки. Но Марк об этом не жалел. Он помнил изумленный вопль Маринки, когда они ввалились сюда — липкие от пота и полуживые после долгой дороги.

Правда, Маринка под страхом отлучения от совместной постели запретила ему читать газеты, а также слушать какое бы то ни было радио и смотреть какой бы то ни было телевизор. Что, надо сказать, было для Марка суровым лишением.

Но зато...

Он вышел на балкон. Солнечные зайцы раскачивались на складках морского ковра. Прямо под балконом гудела и жарко переливалась лава ялтинских курортников. Джинсы, голые ноги, цветные майки, шорты, оголенные животы, шоколадные плечи, снова голые ноги... И, он знал, дни, проведенные здесь, останутся с ним навсегда, до самой, не такой уж, видимо, далекой, смерти. Потому что полторы этих коротких недели были неделями счастья.

К старости он слаб стал на слезу. Умилялся, старый пес, окружающей жизнью, Маринкой. Скорее, именно Маринкой. Поскольку она и была для него жизнью. Сейчас, подумав о любимой своей, Марк почувствовал, что в глазах у него защипало — как в детстве.

Усмехнулся, аккуратно промакнул слезы рукавом... Чего ты плачешь-то? Не плачь! И улыбнулся.

— Надо же, какой веселый! Лучше бы помог...

Маринка, пыхтя и сдувая со лба длинную прядку волос, пыталась закрыть явно перекормленный вещами чемодан. Марк обеими руками надавил на крышку, замок щелкнул.

— Уф-ф! — Маринка уселась на побежденный чемодан, наконец убрала с лица волосы. — Ой! Что ты наделал! — она выскочила из его объятий. — Ты же мне забыл свои тапки отдать!

— Ну, тапки, тапки!.. — теперь он обиженно сел на диван, босой. Следил за ее метаниями по номеру.

— Мне нужна газета! — Маринка потрясла в воздухе злосчастными тапками.

Марк невольно рассмеялся:

— Ага! И ты без газет не можешь!

Пошел в кабинет.

— Какой позор! У тебя там были запрятаны газеты! А я ведь специально просила!

Как будто бы с нею что-то случилось, если бы он правда немного почитал.

— Да старые, старые! Остались от прежних обитателей. И я их не читал... — эту последнюю реплику он произнес после какой-то подозрительной паузы. Маринка заглянула в дверь кабинета — Марк замер над мятой, действительно старой газетой.

— Господи, Марк! А я там жду!

— Видишь ли, Мариночка, какая штука, — он обнял ее за плечи. Газета зашуршала в руке. Марк-то знал, что Маринка дергается не из-за какой-то глупой газеты, а лишь потому, что праздник кончился, и уже завтра нырять в московскую жизнь с поисками жратвы, ранними вставаниями, дрязгами на работе...

Она была актрисой. Не очень знаменитой, а может, совсем не знаменитой. Она была чтицей в Москонцерте — это значит мотайся по разным филармониям, по школам, по клубам... Стихи, сказки, рассказы, объявление номеров — практически "чего изволите". Не о том мечталось ей когда-то. Однако дело свое она делала неплохо. И цену себе знала! И потому любила похандрить, подергать окружающим нервы. И этими "окружающими" чаще всего оказывался Марк.

— Видишь ли, Мариночка, какая штука, — он притянул ее к себе.

Подлая газета опять зашуршала. Это для Маринки было уже слишком:

— Вот интересно! Вот что ты здесь нашел? Дай сюда! — она вырвала из его рук газету. — Так. "Колонка

фактов". Очень завлекательно! "Мексиканка Росита Гонсалес родила четырех близнецов. Малыши чувствуют себя..." Зачем тебе знать про эту крольчиху?! "Недавно обнаружен автомобиль, на котором Аль-Капоне... Лимузин весит на 500 кг меньше..." Боже! Какая пища для ума!

Не отвечая и улыбаясь, Марк смотрел на нее. Гроза явно шла на убыль.

— А! Вот он, верх изыска и остроумия. Называется: "Деньги на ветер".

— Про неудачливых изобретателей мельниц? — предположил Марк, стараясь попасть в тон.

— Увы, нет! — она пробежала глазами заметку. — Про ГДР. Там сгорела фабрика по производству денежных знаков. Что тебя тут может волновать?! — с этими словами она безжалостно завернула в газету его тапочки. — Терпеть не могу эту плебейскую манеру заворачивать все в газеты!

Он расхохотался ее нелогичности.

— Что ты опять смеешься?

— Пойдем купим пакеты!

Однако дошли они только до спальни.

А потом еще успели искупаться, ибо, как сказала Маринка: "Обожаю приезжать в Москву с невысохшим купальником в сумке".

"В РОССИИ, ЧТОБ НАЧАТЬ..."

Но где же обещанный авантюрный роман? Где погони и убийства?

Все будет, честное слово!

Таковы уж русские писатели: им обязательно нужен разгон. А вышеописанная сцена, кстати, еще очень пригодится — в самом неожиданном и опасном месте этой истории.

Теперь же, пока наши герои, извините, занимаются любовью, а затем купаются, едут в такси к аэропорту, летят в самолете и так далее, займемся анкетой. Поскольку еще с блаженной памяти тридцатых годов известно: в России, чтоб начать, нужна бумажка да печать.

Итак, герой романа. Имя — Марк, фамилия — Халдей. Возраст — шестьдесят шесть лет. И возраста этого Халдей опасался, предполагая, что если суждено ему вляпаться в историю, то именно в шестьдесят шесть. А что хорошего можно ждать от двух шестерок: еще одна и вот вам 666 — "число зверя".

Пятый пункт всякой советской анкеты — национальность. Халдей был евреем. Причем евреем, всю жизнь

прожившим в Советской России, — а это, поверьте, особые люди, и у вас еще будет повод в том убедиться!

Сюда же — что он участвовал в Великой Отечественной войне, служил в разведке. На фронте познакомился со своей будущей женой Фаиной, которая умерла в середине семидесятых.

А сейчас у него была любовница. Впрочем, по-русски это слово звучит как бы с оттенком осуждения: любовница — следующим за ним должны следовать: разврат, похоть.

Поэтому лучше скажем, что Халдей страстно любил женщину, которую он страстно любил. И которая по возрасту годилась ему то ли в дочки, то ли во внучки. Скорее, все-таки в дочки. Потому что Маринка была старинной, еще школьной подругой его дочери Сони, благополучно проживающей ныне в ФРГ.

Скажем немного и о ней, как положено по правилам советской анкеты. К тому же дочь Марка Халдея сыграет в нашей истории заметную роль. Еще при жизни матери Софа, тогда совсем юная филологиня, вступила в конфликт с брежневскими властями. Лишь по счастливой случайности избежав тюрьмы, она была выслана из СССР — ну почти как Александр Солженицын, только, конечно, с куда меньшей помпой. Поскиталась по Европе и осела в ФРГ, где вполне удачно вышла замуж... Чистокровная еврейская девочка за чистокровного немца и даже доктора философии!

Пять минут, которые Соня простояла где-то около Красной площади с вполне невинным, по сегодняшним советским представлениям, плакатиком "Свободу узникам совести!", совершенно невероятно изменили ее жизнь. И жизнь того юнца, секретаря комитета комсомола их курса, за которого она собиралась замуж... И естественно, судьбу самого Халдея.

Кто подсчитает, сколько тогда прибавилось у него седых волос на тех плантациях, которые еще устояли перед могучей лысиной... А потом вдруг это замужество! Ведь в Марке — как и во многих жителях России, особенно бывших фронтовиках! — жила вполне осязаемая неприязнь к немцам, ко всему немецкому. Даже знание языка, приобретенное в школе, а потом на двух первых курсах юрфака и усовершенствованное далее в полковой разведке, лежало после войны где-то в самом дальнем чулане памяти — запыленное, полуистершееся за полной ненужностью.

И вот родная дочь становится чуть ли не натуральной немкой! Волей-неволей Халдей начал интересоваться Западной Германией, немцами! Но полностью примирило его с некогда освобожденной им от фашистского гнета

страной недавнее посещение ФРГ. Тогда-то был извлечен из чулана памяти язык, на котором общался он с захваченными в тех или иных обстоятельствах "фрицами". Оказалось, его "чулан" не самое плохое место для хранения, а вещи в нем отнюдь не трачены молью.

Теперь Халдей регулярно почитывал немецкие газеты, где понимал не все, скажем, но многое!

Итак, мы прошлись практически по всем пунктам типичной советской анкеты: имя, фамилия, национальность, семейное положение, участие в Великой Отечественной войне, родственники за границей... Впрочем, два важных пункта все же упущены: профессия и место работы.

Халдей был юристом: При чем юристом довольно необычного для СССР профиля: он занимался авторским правом, которого у нас практически не существует. Собственностью на произведение в СССР обладает скорее не творец, а тот, кто данное произведение покупает — государство. Вот это государственное право, сражаясь в различных издательствах, и охранял Марк Халдей всю свою послевоенную жизнь. Официально... А неофициально, будучи от природы человеком приличным и к тому же до мелочей познавшим великое разнообразие юридических закорючек, всегда старался помочь авторам. Чем и снискал себе их любовь и уважение. Говорят, один советский классик лично утверждал, что как только сделал Марка Халдея своим поверенным в делах, доходы его увеличились вдвое. Но и доля Марка, при возрастающих доходах клиентов, тоже, естественно, была немалой.

Словом, у Халдея вполне хватало средств на достойную, по его понятиям, жизнь, и, наверное, Маринка вполне могла бы отказаться от своих дурацких гастролей. Но — актриса есть актриса!

Этот устоявшийся порядок вещей однажды нарушил телефонный звонок. Не сват, не брат, не кум, даже не дальний знакомец, а так — седьмая дырка троюродного бублика, назвавшийся Валерием Мельником, настоятельно испрашивал аудиенции. Халдей отнекивался, ссылаясь на дела, но под напором чудовищной энергии собеседника уступил. Уже перед самой встречей он ясно вдруг вспомнил этого Мельника — встречались по издательским делам. Мельник обретался где-то в средних партийных звеньях — работал то ли в ЦК, то ли в горкоме. А может, и в КГБ. Халдей никогда не мог разобраться, где кончается ЦК и начинается КГБ.

Но на сей раз Мельник явился в совершенно ином качестве — президентом совместной фирмы. Плотный, спортивно подтянутый, стрижен ежиком. Говорил умно, азартно. Выложил перед Марком несколько весьма серьезных бумаг, а главной, несомненно, было распоря-

жение Совмина за подписью самого Рыжкова — о создании на территории Дании совместной советско-датской торгово-издательской фирмы "Странник" с широкой распространительской сетью на Западе и в СССР.

— Будем издавать и продавать книги советских писателей по всему миру. Платим авторам валютой! — Мельник бил кулаком воздух. — И только вы, Марк, с вашим умом, авторитетом, знаниями можете возглавить московское отделение. Дело благородное. Соглашайтесь!

Халдей, который — чего тут скрывать — и сам был уверен, что с его "умом, авторитетом, знаниями...", обещал с денек подумать. И согласился. И даже поблагодарил судьбу, что под конец жизни ему дано действительно настоящее и действительно благородное дело. К тому же Марку за него обещали вполне приличную по советским меркам зарплату — тысячу рублей. А пойдет прибыль — определенный процент в валюте!

К моменту заполнения данной анкеты Халдей уже два года верой и правдой служил менеджер-директором московского отделения "Странника".

На чем можно и закончить анкету. Тем более герои наши уже приземлились в аэропорту "Внуково", такси отвезло их в один из старых столичных переулков, где в уютной и просторной квартире Марка, не распаковав чемоданов, они заснули, едва добравшись до постели.

Ибо уже была поздняя ночь.

ПРОШЛОЕ

Словно кто-то его позвал... И Халдей проснулся. Аккуратно поворочался, чтобы не разбудить Маринку и чтобы самому не разгуляться.

Но, как говорят в Одессе, оставьте ваших глупостей! Старые плохо спят и рано просыпаются. А очень старые, сказал он себе, спят очень плохо и просыпаются раньше раннего. Электронный будильник показывал 4.23... Некоторое время Халдей смотрел на то, как моргают две вертикальные точки: раз — улетела секунда, два — улетела вторая, три... А ведь это улетали секунды его жизни!

Он повернул голову направо и теперь мог видеть Маринку, освещенную зеленоватой, ядовито-лунной водичкой, льющейся из описанной выше электроники. Мариночка спала легко и тихо. И не было сейчас в ее лице ни капризности обычной, ни вздорности.

Спали они вместе — как всякие любящие друг друга люди. Но при этом Маринка была от него бесконечно далеко: основные свойства арабских кроватей — их мяг-

кость и невероятная ширина. Это была старая кровать, однако с ней буквально ничего не сделалось за длинные годы. Прекрасный волосяной матрац остался все таким же упругим и одновременно готовым с наибольшей нежностью принять твое тело. А спинки, ножки, деревянная рама в этих кроватях вообще практически вечные.

Да, это было почти библейски древнее лежбище! На нем спала еще Фаня, притом немало лет. Она его и приобрела.

— Зачем, — хмыкнул Марк, — в еврейском доме арабская кровать?

— Именно в еврейском доме и должны быть арабские вещи, — веселилась Фаня. — Это ж наши трофеи!

Тогда, после знаменитой семидневной войны, в Союзе почему-то появилась масса арабских товаров — от сигарет до мебели. И наверное, Фаня одной из первых назвала эти вещи "трофейными". Позже шутка получила довольно широкое распространение. Впрочем, она была очевидна.

Марк вспомнил, как на тридцатилетие Победы они сидели вдвоем — за картошкой, за селедкой и за рюмкой водки. Фаня перебирала фотографии однополчан — из разведки. Она такая умная была аж с восемнадцати лет: требовала, чтоб ребята дарили ей фотографии. И вот теперь разглядывала эти молодые лица.

— Я тебя спрашиваю, Марик, ты знаешь, зачем они все погибли?

Это она хотела сказать, что при Брежневе объявилось много всякого дрека, а проще говоря, дерьма.

Но Фаня даже в голове не могла держать, сколько его полезет в девяностом! На счастье, она до этого не дожила. На горе ему, на счастье себе!

Фаня, между прочим, и умерла на этой же арабской кровати — на том самом месте, где сейчас обычно спала Маринка...

Он тихо встал, надел халат, лежавший поверх одеяла, вышел на кухню, поплотнее закрыл дверь... Много раз он просил себя не курить натошак, тем более в шестом часу утра. Но теперь закурил. Услышал, как сердце на миг остановилось, словно в горестном удивлении перед этой первой затажкой, а потом ударилось, тяжело заворочалось, погнало по телу кровь, испачканную никотином.

Окурок вяло зашипел в капле воды, оставшейся на дне пепельницы. Кто-то сказал: я люблю женщин с прошлым, а мужчин — с будущим. Теперь у него все меньше оставалось будущего, зато прошлого — хоть отбавляй. Однако и будущего — пусть немножко, но хотелось. Халдей на цыпочках вернулся в спальню, посмотрел на спящую свою красавицу. Картина под названием "Сусанна и старцы".

Были времена, когда он очень страдал от подобных мыслей, но теперь привык — потому что слишком ее любил.

Наглядевшись вволю, он опять покинул спальню, не скрипнув при этом даже половицей. Хотелось скорее принять душ, побриться... Вы никогда не замечали, как быстро отрастает щетина у стариков? Значит, вы еще молоды. Но и вы когда-нибудь заметите.

А вот Маринка не будет знать об этом никогда!

Он подробнейшим образом брился, стоя под душем. Вода плясала на его лысине и уносила воспоминания туда, где им и надлежало в данный момент находиться — в канализацию. Марк посмотрел на свои не боящиеся никакой влаги часы — ему по-мальчишески нравилась эта западная игрушка. Однажды он целый день продержал их в банке с водой — и ничего!

Все, пора. Теперь можно, не торопясь, начинать будить Маринку. А это было не самым неприятным занятием в жизни!

— Марик, мы еще в Ялте? — не открывая глаз, она уткнулась носом в его седую грудь.

Не хотелось начинать утро скрипучей правдой, и он промолчал.

— Вот за это я тебя и люблю, Халдей! — Маринка обняла его, — я тебя люблю, понятно!

Нет, у него еще было немножко будущего!

“ЗВЕРЬ-МАШИНА”

— Большущее вам мерси! — Маринка энергично отодвинула кофейную чашку и чмокнула его в щеку. — Накормил, напоил. За что и будешь отвезен на службу своим личным водителем. Через десять минут спускайся. Машина — зверь! Водитель — ас!

С этими словами она выскочила из квартиры. Чистюля Халдей аккуратно поставил посуду в раковину, сбросил остатки еды в мусоропровод, оделся и пошел вслед за своей любимой.

Машину Маринке купил он — был грех. Но Марк о том нисколько не жалел, хотя стоило это приобретение — ужас! — и нервов, и денег!

Как мы уже говорили, весной нынешнего года Халдей побывал по приглашению Сони в Западной Германии, во Франкфурте — естественно, на Майне! О, вы сперва побывайте во Франкфурте весной, а потом сами будете вздыхать про то, как там хорошо в эту пору. И только об одном жалел и грустил Халдей — что не было с ним Маринки. “Видишь, деточка, вон ту башню? Это ведь знаешь

что?.. А это, милая, знаменитый Цайль. Здесь делали покупки Тургенев и Достоевский..." И с влюбленной осторожностью держал бы ее за локоть. А она, повернув к нему лицо и слегка прищурившись, так что заметны стали бы первые морщинки у глаз, с улыбкой слушала его и слушала, поскольку совершенно верила в почти безграничность эрудиции своего Марика и несомненно гордилась ею!

Но ничего этого не было, потому что дочка — чертова Сонька — прислала приглашение только ему. Хотя и знала, конечно, о тех отношениях, которые... ну и так далее. А уж что сыграло тут решающую роль — одному Богу известно! То ли благоприобретенная в Германии добропорядочность, то ли поцелуйчики, а может, и кое-что посерьезней, что было у Соньки и Маринки с их школьными и послешкольными кавалерами, то ли память о матери... Так или иначе, Марк получил приглашение на одного, а просить второе, тем более настаивать, не мог.

Софа и ее муж осыпали Халдея подарками, кормили, поили, возили по ресторанам. И даже, как он ни отказывался, заставили взять немного денег, "чтобы ты не чувствовал себя неуютно", как выразилась его повзрослевшая дочь.

Эти-то деньги, а также то совсем небольшое, что ему обменяли в СССР, Марк и собирался потратить на Маринку. Предоставленный днем самому себе, он разгуливал по улицам и не столько осматривал достопримечательности, сколько разыскивал, что бы такое привезти Мариночке. А разыскивая, естественно, заходил во все попадавшиеся по пути магазины.

Они, надо сказать, производили на Марка сильное впечатление. Потому что, несмотря на эрудицию и опыт, он оставался "простым советским человеком". А советский человек не привык к выбору: что "дают", то и бери. Здесь же было все... Значит, и покупать надо было все! А можно лишь что-то одно — денег-то гроши. И потому Халдей не покупал ничего!

Конечно, он мог попросить помощи у Сони. И она бы наверняка... Но, во-первых, Соня за все время пребывания Марка во Франкфурте ни разу даже не спросила о "по-друге дней своих суровых", что Халдея весьма огорчало. А во-вторых, он хотел купить подарок САМ.

И с тем промучился почти до самого отъезда. Помогла случайная встреча с, прямо скажем, не очень близким Сониным знакомым, Борисом Абаровым. Девять лет назад человек этот женился на немке, переехал в ФРГ, быстро развелся, но возвращаться на родину не спешил. Не спешил он и устраиваться на работу. Получал от добрых бундесвластей положенную социальную помощь, имел

бесплатную квартиру, какая ему на родине и не снилась, — словом, прекрасно себя чувствовал!

— А вы не хотите приобрести машину? — спросил он у Марка. — Здесь это очень дешево... Могу устроить!

И Халдей загорелся. Он представил себе Маринку, подруливающую к Москонцерту на импортном автомобиле. Представил сослуживцев, глядевших на нее желтыми завистливыми глазами. Рассмеялся веселым мальчишеским смехом и решил: умру, а куплю!

Загвоздка была прежняя: в деньгах, но Борис оказался тут как тут.

— Не переживайте! Тысяча марок у вас есть? О'кей! Пятьсот заплатите за переправку. Это я вам устрою в лучшем виде — получите ее целехонькой, в Ленинграде, прямо с корабля. Еще пятьсот — дадите мне в качестве задатка. А остальные две с половиной тысячи вернете через год. Вам же на фирме валюту платить собираются?

Так Марк Халдей стал обладателем вишневой "Вольво-244ДЛ". Правда, выпуска 1978 года. И правда также, что, увидев свое приобретение, Халдей несколько загрустил: больно уж неказистым и обшарпанным показался ему "заграничный автомобиль". Вездесущий Борис опять же разрешил все сомнения:

— Сделайте в Москве жестянку и все о'кей. У вас это гораздо дешевле. Зато внутренности у нее все новенькие. Машина зверь!

Умиленный Халдей не знал, как благодарить "милого Борю".

В "Шереметьеве" ему бросилась на шею Маринка, она с несколько наивной искренностью спрашивала, как там в ФРГ да что у Софы, и целомудренно помалкивала о том, что ее несомненно интересовало больше всего: какие подарки привез ей Марик. Не гнушающийся театрального жеста Халдей вынул из кармана ключи от машины:

— Тебе!

— Что это?

— "Вольво"...

— Ма-рик!!!

Оказалось, она всю жизнь мечтала о машине, и именно о "вольво" — особенно с тех пор, как получила водительские права, учась в автодорожном институте, и какой-то начальник, катая под нее шары, дал разок проехаться на своей личной машине именно этой марки.

Через неделю "вольво" действительно прибыла в Ленинград. И тут Маринку постигло некоторое разочарование. Как и Халдея в свое время. Оказалось, "милый Боря" попросту надул их. Такая машина в лучшем случае могла стоить не более полутора тысяч. А уж насчет новеньких внутренностей... Господи, что только не начало сыпаться

у бедной старушки буквально с первого дня. Какие-то диски-шмиски, тросики сцепления, полуоси...

— Вот тебе и "зверь", — сокрушался Халдей.

— Ладно, не горюй, — успокоила его Маринка, — зато у тебя водитель — ас!

Ей пришлось обзванивать всех своих знакомых по автомобильному институту, подвизающихся теперь на ниве автосервиса. А Халдею выкладывать и выкладывать деньги, чтобы машина приобрела хотя бы какой-то вид и хотя бы немного ездила.

108 000 000 МАРК

— Герр директор, вы доставлены. Машина — зверь! Водитель — ас! — Теперь она повторяла эту фразу к месту и не к месту. — Обедаем вместе?

— Конечно. Я позвоню.

Улыбка, которая предназначалась Маринке, еще не успела слететь с его губ, когда Халдей открыл массивную дверь небольшого флигелька, где в четырех слегка захламленных комнатах располагалось московское отделение советско-датской торгово-издательской фирмы "Странник".

Господи! Что за шторм бушевал в его всегда такой спокойной приемной. Какие-то бесцеремонные люди тотчас обступили Халдея, совали ему прямо в рот свои идиотские магнитофончики, жужжали видеокамерами, щелкали фотоаппаратами и спрашивали, спрашивали, спрашивали:

— Где сейчас Валерий Мельник?

— Господин Халдей, как вы объясняете происхождение 108 миллионов на счетах "Странника"?

— Правда ли, что ваша фирма учреждена ЦК партии?

— Кто из немецких коммунистов лично передавал деньги вам и Мельнику?..

То, что произошло с Халдеем, можно было бы обозначить крепким русским глаголом... Впрочем, давайте пропустим это слово. Скажем изысканнее. Марк совершенно ничего не мог сообразить. И, как писали в романах XIX-го века, "растерянно озирался, блуждая взглядом" по всем этим орущим рылам, фотовспышкам, телеобъективам, пока не наткнулся наконец на единственное знакомое человеческое лицо: за своим столом, тихо, как мышка, сидела его добрая секретарша Инайка. Халдей было рванулся к ней, но увидел в глазах секретарши то, что, видимо, читалось сейчас и в его собственных — отчаяние.

Тогда Халдей вдруг вспомнил давным-давно забытое — как он командовал некогда взводом разведчиков.

— Молча-а-а-а! — рявкнул Марк, стараясь не сорваться на старческий визг. — Что тут происходит, в конце концов?!

Репортеры от неожиданности замолкли. И в то же мгновение распахнулись двери его кабинета. На пороге стоял некто розовощекий, в сером костюме, при галстуке, и до того заглаженный, что не оставалось никаких сомнений по поводу его принадлежности к определенной организации. Сердце холодной лягушкой прыгнуло куда-то в живот...

— Здравствуйте, Марк Соломонович, — протокольно улыбнулся розовощекий. — А мы вас ждем-ждем...

Потом все с той же протокольной улыбкой, но решительно выпроводил журналистов.

— Прошу вас, Марк Соломонович, — розовощекий указал рукой на открытую дверь кабинета.

Сердце еще не вернулось на предназначенное ему природой место, однако Марк постепенно приходил в себя. Первой пришла на помощь ирония:

— Премного благодарен, что вы так любезно приглашаете меня в мой собственный кабинет!

Человек, расположившийся за его столом, даже не подумал подняться с законного халдеевского места. Он был совершеннейшим близнецом розовощекого. Правда, лет на десять старше. Не поздоровавшись, протянул Халдею красную книжечку. Буквы плясали перед глазами.

И тогда "близнец" пришел на помощь.

— Старший следователь Комитета государственной безопасности Духовнин. — Удостоверение захлопнулось и вернулось в боковой карман серого пиджака.

Марк огляделся. У дверей продолжал стоять розовощекий. Рядом на стуле, демонстрируя прекрасную выправку, восседал третий "близнец". У окна, сиротским рядком, разместились сотрудники московского отделения фирмы "Странник". Отсутствовала только одна редакторша — Татьяна Николаева. Но Марку сейчас было не до нее!

Духовнин указал Халдею на кресло, которое обычно сам Марк предлагал посетителям:

— Надеюсь, Марк Соломонович, вам не надо объяснять причину нашего визита?

— Нет, как раз надо!

Старший следователь картинно повел бровью:

— Вы что же, газет не читаете?

— Представьте себе, не читал. Почти две недели.

— Тогда... — Духовнин протянул Марку пять или шесть газет. — Там отмечено.

Халдей долго возился с очками — чертовы дужки никак не хотели цепляться за уши. Он понимал, что это выдает его состояние, и нервничал еще больше. Наконец очки уселись на место...

Читал он долго, пережевывая каждый абзац, и все больше убеждался: дурная история-таки настигла его именно в 66 лет.

Коротко содержание строчек, отмеченных красным кагэбэшным фломастером, было следующим. Несколько дней назад некто Хоффман попытался наличными получить в одном из банков Осло 108 миллионов западногерманских марок. Служащие сочли это подозрительным и вызвали полицию, которая Хоффмана задержала. Но тот странным образом из участка сбежал.

Все это не имело бы к Марку Халдею ровно никакого отношения, если бы Хоффман не пробовал получить деньги со счета "Странника"!

Норвежская полиция объявила розыск. К нему подключился Интерпол. Выяснилось, что за последние два месяца — то есть за август—сентябрь 1990 года — Хоффман умудрился получить в крупных европейских банках около полумиллиарда западногерманских марок наличными. Причем, все эти суммы были взяты со счетов "Странника"! Само собой, напрашивались вопросы: откуда у тихой советско-датской фирмы столь значительные средства, кто такой Хоффман и почему именно он распоряжался наличностью "Странника"?

Однако офис в Копенгагене оказался закрыт, а президент фирмы Валерий Мельник, как и Хоффман, бесследно исчез. Журналисты стали копать, кто же такой Хоффман. Оказалось, что это довольно крупный функционер Социалистической единой партии Германии. Правда, в недавнем прошлом он пропал с политического горизонта дышащей на ладан ГДР, зато стал регулярно появляться на биржах Франции и Голландии, где через подставных лиц вел весьма крупную игру. Полиция считала, что на данный момент в руках Хоффмана сосредоточены внушительные пакеты акций не одной известной западной фирмы. Вот только ответить, каких именно, следователи затруднялись, хотя и обещали со временем внести ясность. Естественно, заподозрили, что Хоффман отмывает деньги своей бывшей партии. Масла в огонь подлило неожиданное заявление пожелавшего остаться инкогнито члена ЦК СЕПГ. Он сообщил, что деньги, которые Хоффман получал со счетов "Странника", принадлежали немецким коммунистам и предназначались якобы для уплаты долга ЦК КПСС за обучение в партийных школах СССР "немецких товарищей".

В этом месте Халдей невольно усмехнулся. Полмил-

лиарда западногерманских марок! За такую сумму можно дать высшее образование всей ГДР! Плюс Карлу Марксу с Фридрихом Энгельсом в придачу.

СЕПГ тотчас опровергла эту версию. Но колесо уже закрутилось, и полиция ФРГ, ворвавшись ночью в здание ЦК, арестовала все финансовые документы.

А поскольку второй след явно вел в СССР, то Интерпол обратился в соответствующие советские организации с просьбой помочь разобраться в деятельности "Странника" и его президента Валерия Мельника.

"Соответствующие организации" с пониманием восприняли просьбу и быстро ответили, что для них разыскать гражданина Мельника сейчас не представляется возможным, поскольку данный субъект находится за пределами СССР. Зато в Москве найден филиал "Странника". В котором, возможно, и отыщутся следы преступной деятельности Мельника. Тогда все материалы непременно будут переданы западным коллегам.

Отчеты советских журналистов — которые и читал Халдей — были составлены по заметкам зарубежной прессы. И почти ничем не отличались друг от друга. Но за этим "почти" хорошо просматривались позиции газет.

"Комсомолка" громила гдээрзовскую партократию и непрозрачно намекала на ее давние связи с ребятами из отечественного ЦК. "Известия" дули в трубы объективности. А "Правда" изо "всей партийной мочи" клеймила кооператоров и теневиков — "этих новоявленных буржуа, вошедших в преступную сделку с западной мафией", а теперь нагло и неприкрыто старающихся бросить тень на имя братской партии. "Только слепец может не видеть в столь хорошо разыгранном спектакле заранее спланированную провокацию".

Этими словами заканчивал свою заметку "правдист", и они особенно не понравились Халдею.

Он положил на стол последнюю газету. Духовнин среагировал моментально:

— Ну, что вы собираетесь сообщить по этому поводу?

— Чушь! — буркнул Халдей себе под нос.

— Простите, что?

— Я хочу сказать, что это все чушь собачья!

— Зачем же вы так, Марк Соломонович? Мы-то здесь лишь скромные проверяющие. А вот Запад гудит!

— Да-да, конечно... Я и забыл, мы ведь теперь, — Халдей подчеркнул слово "теперь", — равнение на Запад держим.

Духовнин сделал вид, что не заметил этого выпада. Молчание затягивалось. И Марк первым нарушил его:

— Я хочу официально заявить: торгово-издательская

фирма "Странник" создана распоряжением Совета Министров СССР. Этим же постановлением создан и московский филиал фирмы. В его функции входит отбор рукописей советских писателей, пересылка этих рукописей в Копенгаген, где по ним проводится маркетинг. Никаких других функций у московского филиала не было и нет.

Марк глянул на своих сотрудников, которые дружно и согласно кивали.

— Все платежи авторам, — продолжал Халдей окрепшим голосом, — мы вели исключительно в рублях! У филиала нет даже своего собственного валютного счета. Книги печатаются и продаются за границей. И ведает этим исключительно копенгагенское отделение. Так что мы к данной истории не можем иметь никакого отношения.

— А много ли книг заказали у вас западные партнеры?

— Вот, пожалуйста. — Марк взял со стола три красочных каталога.

— Сколько же из них выпущено?

— Пока... ни одной...

— Марк Соломонович... За два-то года! — В голосе следователя послышалась прямо-таки отеческая укоризна.

— А что вы хотите? Западный рынок — попробуйте влезть!

— Но откуда на счетах у "Странника" такие суммы?

Марк лишь пожал плечами:

— Понимаете, какая штука, с моей стороны было бы совершенно нелепым занятием доказывать, что я не верблюд! В нашей стране это еще никому не удавалось. В конце концов, существует такое понятие — презумпция невиновности. Вам поручено вести следствие — вот и разбирайтесь!

— Разберемся, Марк Соломонович. — Духовнин поднялся. — А теперь разрешите и мне сделать официальное заявление. Прокуратурой СССР возбуждено против совместного предприятия "Странник" уголовное дело по подозрению в совершении валютных операций, противоречащих советским и мировым законам. Вот постановление. Сегодня утром мы закрыли ваш счет. Сейчас заберем все документы и опечатаем помещение. А с вами, Марк Соломонович, мы встретимся завтра, в десять ноль-ноль на Малой Лубянке. Поговорим, что называется, под протокол. Возьмите, пожалуйста, повестку. Остальных вызовем позже. Всё. Все свободны, кроме редакции.

НОЧЬЮ И ПРИ СВЕТЕ ДНЯ

Халдей уходил последним. Розовощекий молча кивнул на прощание и закрыл входную дверь. На ключ. В конторе остались лишь кагэбэшники, невесть откуда взявшиеся понятые и завредакцией Надька, обязанная сдать по списку документы московского отделения "Странника".

Он даже обрадовался, что сейчас рядом не было никого. Тем более Маринки. Чувствовал себя старым, большим каким-то. Ничего не хотелось объяснять...

— Марк Соломонович...

За углом стояла его секретарша Инна.

— А... Инаяка, — он через силу улыбнулся. — Не так уж все плохо, если тебя ждут такие девушки!

— Марк Соломонович, я понимаю... Может, я нехстати... Хочу ков-что сказать... Вернее, рассказать... Ну, одну вещь...

— Да что вы, милая! Конечно, рассказывайте.

— Понимаете, когда все это случилось... ну, я имею в виду газеты и прочее... мы хотели сразу связаться с Мельником. А он ни на звонки, ни на факсы... Вообще как вымер. А вчера я пошла в "Детский мир". Там распродажа была, нам талоны выдали... И встретила Татьяну. Ну Николаеву нашу. И Таня мне говорит: вчера, говорит... ну в субботу то есть, встречала в "Шереметьеве" дочку. Из Америки. А когда встречала, вдруг видит: Мельник Валерий Иванович с женой. Она кричит: "Валерий!" Но их, Мельника с женой, какие-то люди встретили, сразу чемоданы подхватили, и они куда-то ушли... Я думала, Татьяна сегодня придет — сама все расскажет. А ее нету. Вы извините, Марк Соломонович! Я подумала, может, это для вас интересно?

Халдей молчал, осмысливая информацию. Инаяка растерянно улыбалась:

— Я побежала тогда? До свидания... Пете вашему передайте, пожалуйста, привет от меня!

Казалось, он даже не слышал, что она там прочирикала под конец. Почти не заметил, как ушла... Нет, он слышал все же. И теперь с недоумением размышлял: "Пете привет?... Какому Пете?!"

А, вспомнил! Есть у него такой замечательный сосед — Петя Бакин. Месяца два назад Халдей приболел, Маринка укатила на гастроли, а один настырный автор требовал отправить срочный факс Мельнику. Пришлось просить того самого Петю. Он отвез послание в контору, где вместе с Инаякой его и отправил. От той встречи у обоих остались, как видно, самые теплые воспоминания,

и теперь при случае они всякий раз передавали друг другу приветы.

Вспомнив о Пете Бакине, Марк немного повеселел, огляделся вокруг. Хорошенький, наверное, видок у него: стоит посреди улицы старый еврей и бормочет себе что-то под нос...

На противоположной стороне Халдей увидел телефонную будку... Она-то нам и нужна! Набрал номер Мельника. Никого. Не брали трубку и у Татьяны Николаеввой.

Хм... Он дошел до бульвара, уселся на лавочку и стал думать.

По идее, бояться нечего. Он действительно не имел никакого отношения к финансовым операциям "Странника"...

Однако то, что Марк попал в историю, — это, как тот же Петя Бакин скажет, "и к гадалке не ходи!"

Скандал разразился крупный... Допустим... Но чего так засуетился КГБ? Если Мельник и впрямь химичил с валютой, подарите его Интерполу вместе с документацией московского филиала, из которой и дурак поймет, что никакой аферы попросту не существует. Можно вроде бы и Западу помочь, и свою невинность соблюсти...

Стоп! А вдруг Мельник действовал отнюдь не по своей инициативе, а по... Тут Марк почувствовал, что ему опять "нездоровится"... Вдруг вся "фирма" вообще придумана лишь для прикрытия валютных гешефтов гэдээровских партийных бонз или, не дай Бог, наших отечественных товарищей. Тогда все свои делишки они постараются списать на... А что? Еврей, руководитель совместного предприятия... Удобнейшая фигура! И можно громко кричать о кооператорах, распродающих Родину. Можно раздуть такое! История с АНТом покажется игрой в бирюльки.

И тогда уж КГБ раскрутит его по полной программе. Шутка ли, Интерпол голову ломал, а гэдэшники — бац — и раскрыли. И к тому ж всему советскому народу показали подлинное лицо "рвущихся к власти дельцов".

Марк вспомнил концовку правдинской статьи... Тут можно и шпионаж приплести...

Ну нет уж, товарищи, фиг вам в позвоночник, как говорила дочка Софа своим знакомым мальчишкам. Вы привыкли хорошо работать в темноте. Посмотрим, что вы запоете, когда мы начнем защищаться при свете дня!

ЛЕВА ЯКОВЛЕВ

С чем у него всегда было хорошо, так это с памятью на разные фамилии. Кто бы мог объяснить, зачем оно ему надо. И вот — пригодилось. А.Репин — такая подпись стояла под заметкой в "Известиях"... Кстати, помнил он фамилии авторов и других статей. Однако правые вовсе не подходили для его целей. Левые?.. Больно уж они суетятся. А Марк все-таки был человеком пожилым и суеты не любил. Ему нравилась известинская основательность.

Через двадцать минут он уже стоял у окошечка редакционного бюро пропусков:

— Будьте любезны, не подскажете номер внутреннего телефона Репина. Так! Александр Леонидович... 22—34... Спасибо!

И еще через минуту:

— Здравствуйте, могу я попросить к телефону товарища Репина?

— Александр Леонидович с сегодняшнего дня в редакции не работает.

— А как бы мне его?..

— Он перешел в другое место. И не уполномочивал меня сообщать, куда именно!

— Извините, а кто вместо Александра Леонидовича занимается делом "Странника"?

— Никто!

Трубка на том конце провода упала на рычаг.

Но Халдей не позволил себе расстроиться. Что ж — человек перешел на другую работу. Он волен трудиться на благо Родины там, где считает нужным. А если кто-то другой не желает вешать на себя чужой хомут (да еще такой, как дело "Странника"! — это вполне естественно.

Жаль, конечно, но придется идти в "Комсомолку". Газетка пожиже. Ну да на бесптичье, как говорится... и заднепроходное отверстие — соловей!

Маршрутка буквально за несколько минут привезла его от "Известий" в самый конец улицы "Правды", где в громадных корпусах располагались газеты и журналы самого крупного в стране партийного издательства.

— Льва Яковлева? — переспросил веселый девичий голос, после того как Марк выяснил номер телефона необходимого ему отдела. — Он вышел.

— Но ведь он в редакции?

— Я же сказала: он вышел. Перезвоните минут через десять.

— Видите ли, девушка, какая штука... У нас с ним на-

значена встреча, а он, видимо, забыл заказать мне пропуск.

— Ваша фамилия?

— Халдей... Марк Соломонович Халдей.

— Сейчас закажу.

Марк поднялся на шестой этаж. Он хорошо знал это здание. Когда-то у него здесь было немало друзей. Но, как говорится, "иных уж нет, а те далече"... Халдей шел, с интересом поглядывая на группки ребят, оживленно — пожалуй, даже слишком оживленно — обсуждающих свои проблемы. Что-то в их поведении казалось ему неестественным, неправильным... Ему подумалось: такие молодые, а уже пенсионеры...

Отыскав нужную комнату, Халдей на секунду остановился. "Ты с ума сошла!" — донеслось из-за двери. Тогда он постучал и, не дождавшись ответа, вошел в кабинет. Растерянная девица в чуть прикрывающей ее худенькую попку юбочке тотчас прошмыгнула мимо. Они остались один на один. С лица журналиста еще не сошло напряжение от только что разыгравшегося здесь скандала.

— Здравствуйте. Моя фамилия Халдей.

— Да-да, я знаю...

Марк внимательно глянул на своего собеседника. Вполне еще молодой парень... голубоглазый... Э-э! Да ведь он его видел сегодня, в приемной "Странника"!

— Вы — Лев Яковлев? Очень приятно, — Марк был сама любезность. — Видите, как бывает: утром вы у меня мечтали взять интервью, а теперь я взял да и сам пришел!

Яковлев мрачно стоял посреди комнаты.

— Не пойму, вы, кажется, не очень рады моему визиту?

— Если честно, не очень, — еле разжал рот тот, чья заметка в газете показалась Марку такой бойкой и смелой.

— Странно. Утром вы... Что же, собственно, изменилось?

— Изменились мои планы.

— Почему, позвольте спросить?

— Это, извините, мое дело...

— Да, к-конечно...

Но сдаваться он просто не имел права!

— Послушайте, молодой человек. В конце концов, я старше вас в два раза. Предложите мне хотя бы стул!

Яковлев дернул щекою, однако Халдей уже сел:

— Вы что? Действительно считаете, будто я переправлял куда-то эти чертовы деньги?

— Я так не считаю!

— Тогда почему?..

— Я же сказал, у меня изменились планы. Есть другое

задание редакции, — Яковлев старался не глядеть Халдею в глаза.

— Ну так поменяйте его обратно! Я хочу вам предложить уникальное журналистское расследование. Вы получите имя... Я не знаю!.. Станете знаменитым... Понимаете, тут ключевая фигура Мельник. И я докажу, что КГБ лжет, когда утверждает, будто этот человек за границей. Он — в Союзе! Я это могу...

— Марк Соломонович, вы напрасно тратите время...

— Послушайте, я же у вас ничего не прошу. Не надо верить мне на слово. Только не бросайте расследования! Иначе... Эх! Вы же сами потом будете горько сожалеть об этом! — он едва сдерживался, чтобы не перейти на крик или на плач. — Тут речь вовсе не о судьбе старого еврея по фамилии Халдей. Речь о вещах гораздо более значимых...

— Извините, мне пора идти, — Яковлев встал, по-прежнему пряча от Марка глаза.

Халдей постарался взять себя в руки. Медленно встал:

— Да-да, я понимаю... А в статье вы были такой... приличный...

У двери журналист вдруг окликнул Халдея:

— Извините, вы тут забыли...

Марк с удивлением и, кажется, впервые за весь разговор сумел глянуть ему в глаза. Яковлев протягивал какую-то бумажку. Что-то во взгляде журналиста заставило Халдея взять листок: "Простите. Ничем не могу Вам помочь. Они грозят моим детям".

Еще раз переглянулись... В сущности, очень человеческое лицо... Спросил шепотом:

— Кто?

Яковлев неопределенно пожал плечами, махнул рукой куда-то в сторону телефона.

...

Халдей присел на мраморный парапет, разорвал записку Льва Яковлева в мелкие клочки... Ветер подхватил бумажные снежинки, понес их в сторону Масловки.

Халдей не любил чувствовать свое сердце. Он лишь любил знать, что сердце у него есть. А сейчас чувствовал. И значит, ему было плохо.

Вариант с борьбой при свете дня не проходил. Свободная демократическая пресса помогать отказывалась... Да, видать, вцепились в него крепко. И по-прежнему будут вести свои дела в темноте...

А может, умереть... Лечь тут на камушке и приказать сердцу не биться. Только вряд ли у него это получится. И

ровным счетом ничего не даст. Просто его не будет. А они радостно навешают на него всех собак...

И что будет с Маринкой, Соней? С Инайкой и другим из его конторы?.. Слишком мало осталось будущего, чтобы отдавать его каким-то хмырям.

Значит, надо пососать валидолчику и не спеша подумать...

А что если к зарубежным корреспондентам? Неплохо. Однако с чем?.. Ну, расскажу им, откуда растут у Мельника ноги... А доказательства? Предположим, сообщу также, что он на самом деле в Москве и даже дам адресок... А Мельника дома нету... Татьяна — вот мой козырь!

Хотите доказательства, господа иностранные корреспонденты, так я добуду вам доказательства!

Зашел в телефонную будку, набрал номера Мельника, Татьяны — в ответ лишь длинные гудки.

Поиск доказательств временно откладывался... Уже выходя из будки, Марк вспомнил, что обещал Мариночке вместе пообедать. Вдруг жутко захотелось ее увидеть! Стал крутить телефонный диск.

— Здравствуйте, Валечка!

Маринкина толстая администраторша очень неплохо относилась к Халдею.

— Здравствуйте, Марк Соломонович! А Мариночки, к сожалению, нет. Но она просила, если вы позвоните, все сказать мне.

— Пожалуйста, передайте ей, что я в ресторане гостиницы "Советская". И жду ее.

— Везет же некоторым красавицам! Передам непременно...

Дойти до гостиницы "Советская" даже в его теперешнем состоянии было для Марка десятиминутным делом. Главное — в нее проникнуть. Но совершенно неожиданно Халдей не встретил никаких препятствий. И метрдотель тут же усадил его за столик, а официант подлетел с такой сияющей улыбкой, словно Марк уже вручил ему на чай по крайней мере четвертной.

Сделав заказ, Халдей оглядел зал. Публики было немного. Официанты толпились у входа. И тут за их спинами Марк заметил знакомое лицо... Да это же еще один "близнец"! Как все они похожи друг на друга! В инкубаторе выращивают что ли?

Стало весело. Во всяком случае враг хоть немного, а проступил из темноты. Обозначил правила игры. И старый разведчик готов был их принять... Трудись, стукачок, отработывай получку. Нам от тебя покуда скрывать нечего.

Официант поставил закуски и удалился. Начинать без Маринки не хотелось, Халдей опрокинул рюмку, запил

фантой и вышел из зала. "Близнец" заметно прятался за колоннами — стало быть, атаковал психологически. Да шут с тобой. Халдей не обращал на него никакого внимания. Купил в киоске все немецкие газеты — так или иначе, ждаты.

Положив газетную кипу рядом на стул, он начал перебирать номера, листая по обыкновению с конца.

"Кто выйдет в европейский финал..." "Диего Марадона отказывается..." "Правящая семья Монако снова в трауре..." "Самоубийство банкира..." "Падение доллара скажется на политике ЕЭС"... "Самая крупная книжная ярмарка в мире"... "Советник Горбачева дает советы западным бизнесменам"... "Буш отказывается вести переговоры с Хусейном"...

И наконец то, что надеялся найти: "Вальтер Хоффман — самый загадочный миллионер года". Марк углубился в чтение. Однако ничего нового в статье не обнаружил. Разве что какие-то мелкие детали, вроде точных чисел — когда Хоффман получал деньги со счетов "Странника". Единственное, что действительно поразило Халдея, — отсутствие каких-либо следов утечки денег из кассы СЕПГ. Марк долго разглядывал фотографию. Откуда ж ты брал деньги, шлемазл?! И что тебя связывало с Мельником?

Вдруг Халдею показалось, что он видел этого человека... Нет, совершенно определенно очень знакомое лицо! Но где же и когда?

Тут словно что-то повернулось в его мозгу... Взял уже просмотренные газеты, начал их быстро листать... Вот! Заметка называлась: "Самоубийство банкира". Марк побежал глазами по строчкам... В своем доме в Висбадене... подающий надежды... муж и отец... револьвер... управляющий франкфуртским отделением Немецкого банка Отто Штилике...

Отто Штилике!

Перед его отъездом к Соне в Москве неожиданно объявился Мельник.

— Едете? — чуть ли не с порога спросил он Марка. — Прекрасно, мой хороший! А как с валютой? Обменяли?

— Ох, не говорите... Две недели в очереди отмечался. Но теперь, слава Богу!

— Наличными дали?

— Господь с вами, Валерий! На всю сумму — исключительно "тревелсчеки".

— Вот собаки!

— Да не все ли равно?..

— Ну, мой хороший, вы даете! От старого юридического волка... не ожидал!

— А в чем дело? — заволновался Марк, который, как

нам уже известно, связывал с этими деньгами вполне определенные планы.

— Марик, у вас паспорт с собой?

Взяв протянутый Халдеем паспорт, Мельник уверенно развернул его на последней странице:

— Читайте... вот тут, внизу.

— Паспорт является собственностью Союза Советских Социалистических Республик, — прочитал Халдей. — Ну и что из этого следует?

— А то, что данный паспорт вам не принадлежит! И, значит, в нем нет и подписи владельца — вашей подписи.

— Ну и?..

— Нет, вы, ей-богу, меня удивляете, мой хороший... По всем западным законам лишь документ с подписью владельца удостоверяет его личность, так сказать, юридически... А тем более в банке! Да еще при получении по чекам. Тут подпись вообще является основой основ!

— То есть, вы хотите сказать?..

— Да нет, в конце концов вы получите! Но я знаю случаи, когда люди чуть не весь отпуск тратили на обмен этих паскудных "трэвелсчеков"...

— Просто невероятно!

— А вы, мой хороший, разве не знаете, в какой стране мы живем? Если здесь и делают одной рукой добро, то уж другой тут же стараются нагадить!

Мельник быстро посмотрел на него и рассмеялся, видимо, довольный произведенным впечатлением... как теперь понимал Халдей.

— Но в данном-то случае волноваться как раз не стоит! Вы ведь во Франкфурт? Так у меня там приятель-капиталист, — он снова засмеялся, — управляющий отделением Немецкого банка Отто Штилике. Наша фирма открыла у него счет. Мне как раз надо передать туда бумаги. Вы их и передадите! А Штилике обменяет вам "трэвелсчеки". Заодно вручит и презент от "Странника". Я думаю, марок пятьсот вам не помешают?

— Я, право, не знаю, Валерий... Спасибо, конечно. Однако...

— Да бросьте вы, мой хороший! Мировой империализм от этого не обеднеет. И потом вы же действительно их получите за выполнение делового поручения в ваш законный отпуск...

Мельник весело подмигнул, вытащил из кармана конверт... И Халдей — черт подери эти паршивые пятьсот марок! — не усмотрел ничего подозрительного в том, что письмо у Мельника было уже приготовлено...

На второй день жителя во Франкфурте Марк сходил в местное отделение Немецкого банка. Господин Штилике принял его корректно и мило. Они побеседовали о пого-

де, о Мельнике, о положении в Советском Союзе... В самом начале разговора Штилике вызвал служащего и отдал ему бумаги Халдея. Буквально минут через пять клерк возвратился с наличными: к сумме, указанной в "тревелсчеках", были приплюсованы и пятьсот марок, обещанных Мельником. После того как кофе был допит, Марк вежливо поблагодарил господина управляющего и откланялся.

Во время этого визита в кабинете Штилике находился еще один человек. Он принимал довольно живое участие в беседе, и на прощание Халдей не без удовольствия пожал ему руку.

Теперь Вальтер Хоффман — тот самый человек — глядел на него с газетной страницы.

Ну и что делать с этим свалившимся на него открытием?

Пожалуй, без допинга не обойтись. Налил еще рюмку, вместо закуски сунул в рот сигарету с оторванным фильтром и, как старый преферансист, начал считать варианты.

Штилике безусловно участвовал в делишках Мельника и Хоффмана. А теперь, когда все открылось, "бежал" на тот свет.

При этом никто не связывает его смерть с делом Хоффмана. Так сказать, рядовое самоубийство нерядового гражданина — только потому и попало в газету.

Тогда непонятно, зачем господину управляющему "так волноваться". Ведь о нем нигде ни словечка, да и Хоффман с Мельником как в воду канули.

Так может, Штилике помогли "самоубиться"? Знал-то, наверное, много.

А из этого следует... следует... что Халдею надо показать связь: Мельник—Хоффман—Штилике, и пусть Интерпол вплотную займется деятельностью франкфуртского отделения НБ. А также обстоятельствами смерти его управляющего. И уж в этом случае они непременно доберутся до сути!

Но как нам доскрипаться до Интерпола?.. Впрочем, это дело техники. Как говорилось в одной некогда популярной книге, заграница нам поможет. Ведь кроме забитых блюстителей отечественной свободы слова действительно есть еще и западные журналисты. И, кстати, Софка!

Марк повеселел, подцепил на вилку очень симпатичный ломоть белужьего бока... Рыбка, лишь изредка появляющаяся нынче на столах избранных ресторанов, оказалась, видимо, более сильным допингом, чем водка.

Неожиданно мысли Марка пошли в другую сторону.

Что же получается? Единственный козырь, каковым он

собирается побить крапленые карты КГБ, — связь между Штилике и Мельником. Которую выдал ему сам Мельник. То есть та же гэбуха...

Оплошность "хорошего моего" Валерия?.. Мельник, конечно, не гений. Но и далеко не идиот! Вряд ли он мог устроить такое без приказа. А значит?.. Значит, козырь Марка не играет!

Наоборот: только заикнись он о Штилике, гэбэшники сразу докажут связь Марка с этими типами.

И в банке, конечно, найдутся люди, которые вспомнят о визите Халдея к управляющему... И весьма возможно, что существует видеопленка, где они со Штилике, как шерочка с машерочкой... Да просто там остались его, Халдея Марка Соломоновича, собственноручные подписи!

Ему уже не хотелось ни водки, ни "коллекционной" рыбы. Сердце подумывало об инфаркте... Но кто же так безжалостно и точно все просчитал на много ходов вперед? КГБ? ЦК? Номенклатурная мафия?

По тому, как круто и профессионально за него принялись, это скорее всего ГБ. Хотя — где кончается ЦК и где начинается ЧК... Впрочем, об этом он уже думал однажды.

Паршивое ощущение — чувствовать себя игроком, против которого "сыграли на лапу", и твой козырь оказался козырем противника... Что делать-то?.. Хотя бы понять, во что его собираются обыгрывать!

Он поднял со стула газету, стал смотреть в подтянутое, "партийное" лицо Хоффмана: "Что за игру вы придумали, сволочи?.."

— Попался, милый! Не успели расстаться, как он опять за газетную отраву!

Перед ним стояла Маринка — молодая, веселая, любимая. Но увидела лицо Халдея:

— Господи, Марк, что? В твоих глазах вся скорбь еврейского народа!

Он улыбнулся кое-как, приказал Маринке есть.

— Да я буду, не бойся. Накупил такой жратвы, сумасшедший. Я ем!.. Ты рассказывай...

А ему и нужен был слушатель. Не для того, чтобы оплакаться в жилетку. Проговаривая всю историю, он сам мог взглянуть на нее со стороны, каждый фактик сажал на свое место. И все больше убеждался: влип основательно.

Маринка слушала его, к чертовой матери забыв о разносолах. И в ее глазах Халдей не видел страха. Но надо ли было этому радоваться?

— Марик, ты не прибавляешь?

А он ей только что рассказал об Инайке и Татьяне, Мельнике.

Эх вы, молодое, непуганое поколение!

И Халдей выложил все остальное: от визита в "Известия" до последних своих "открытий".

— Ну и... — Она поерзала на стуле в поисках какого-нибудь энергичного жеста. — Давай чего-нибудь делай! Нельзя же тупо сидеть здесь и ждать, когда за тобой придут!

Халдей слишком хорошо понимал, куда впутывает Маринку. И поэтому он обязан был... Тут Маринка, потянувшись через стол, взяла его за руку:

— Мар, ты что, с ума сошел?

Удивленно и внимательно он смотрел ей в глаза.

— Неужели ты правда, Марик, собираешься произнести пошлятину, что нам следует расстаться и тому подобное?

— Мариночка...

— Я тебе изменяла?! Зачем же ты хочешь сделать из меня шлюхенду! Лучше придумай что-нибудь.

— Что?!

— Ну смекни...

Тут он неожиданно рассмеялся. Такая уж у него была сегодня погода в душе: то дождь, то солнце — пришел на ум анекдот. Называется "Про солдатскую смекалку": рядового Иванчука окружил взвод фашистов. "Пиздец!" — смекнул рядовой Иванчук.

Это в соответствующей редакции он рассказал Мариночке. По обыкновению своему она рассмеялась, как девчонка:

— Классно! А все же постарайся, придумай что-нибудь! Ты, говорят, умный.

— Если б я хоть чуть понял суть их аферы. Ведь финансы СЕПГ в порядке! Откуда они брали деньги?!

— Ну не с неба же?! — Маринка усмехнулась.

А Халдей вдруг охнул. Произнесенные рядом слова "деньги" и "небо" вызвали совершенно непредсказуемую ассоциацию. Ему вдруг показалось, что он все понял!

— Мариночка, уходим, быстро!

Как же все-таки хорошо иметь машину. Иначе его сердце просто лопнуло бы от нетерпения... Через пятнадцать минут они были дома.

— Где та газета? — И Халдей бросился терзать нераспакованный чемодан.

— Какая?..

— Ну, в которой тапочки мои... помнишь?

Чувствуя, что испытывают ее ангельское терпение, Маринка подала тот драный клочок.

— Вот она, заметочка, помнишь? "Деньги на ветер!"

— Ну... — Маринка пожала плечами.

— Про то, что в ГДР сгорела фабрика денег! Неужели забыла?!

— Да помню... В чем дело?

— Поможешь мне?... Тебе надо срочно ехать в Брест! — И стал излагать свою версию. Потом спросил: — Не боишься?

АКТЕРЫ

Говорят, там, где начинается "Аэрофлот", кончается порядок. И в этой шутке есть большая доля правды. Надеюсь прилететь в Брест к пяти, прилетела почти в одиннадцать. Само собой, никаких извинений никто пассажирам не принес, предложить помощь не подумал, и где теперь Маринке ночевать — одному Богу было известно.

В гостиницы она, естественно, обращаться не собиралась: мест там никогда нет! По старой актерской традиции Маринка решила переночевать в каком-нибудь театре. А завтра уж видно будет... Она умела жить и в трехкомнатных люксах, и приткнувшись где-нибудь на продавленном диванце из пьесы "Волки и овцы".

Пока Маринка получала багаж, прошел еще час, пока искала исправный телефон-автомат... Она предусмотрительно взяла телефоны всех брестских театров. А их там немало расплодилось в развеселое горбачевское время. Но сколь ни звонила Маринка, дозвониться не могла — поздно! Лишь последний телефон — исключительно "киношно" получилось, — который она набирала совершенно без всякой надежды, вдруг отозвался.

— Здравствуйте! Это театр "Тройка"? — заорала она. — Я из Москвы прилетела!

— Может, у вас в Москве сейчас день, а у нас ночь!

— У нас тоже ночь. Пустите, пожалуйста, актрису переночевать.

— Красивая?

— Брижит Бардо!

— Значит, старая...

— Эх вы! — сердито сказала Маринка. — Хотела с вами ночь провести, а теперь даже не мечтайте! Одна лягу, на банкетке в фойе!

Мужской голос на том конце провода рассмеялся:

— Уломали. Приезжайте!

Он оказался парнишкой лет двадцати пяти. Гога его звали... Посмотрел на Маринку:

— Слушайте, а вы действительно нормальненькая!

— Ладно, катись! — сказала Маринка.

— Некуда!

Театрик был из современных — маленький, похожий скорее на киношку, с тесным зрительным зальцем, тесной сценой... Впрочем, и так далее — у Маринки не было сил ни на что обращать внимание. Только бы лечь.

— Где у вас тут умыться?

— За сценой. Умывальник и уборная.

— А как же зрители?

— Терпят.

Она так и не узнала, правда это или шутка... Актеры — самые легкие люди на свете: быстро сходятся друг с другом и не скупаются в дружбе.

Маринка спала на сцене и действительно на диване, который, как она потом узнала, был главным действующим лицом в постмодернистской пьесе "Дума о мебели". Гога дал ей подушку и жиденький плед. А сам спал в зрительном зале на одной из списанных садовых скамеек, которых было штук двадцать и на которых сидели зрители во время спектакля.

Утром, когда она кое-как привела себя в порядок (хорошо, что ялтинского здоровья еще навалом), явилась остальная труппа — некто Илья и Женька, примерно Гогиного возраста. Или младше. Все трое в латаных джинсах, в бесформенных старых свитерах. Но не потому, что такая постмодернистская мода, а потому лишь, что ребята эти были бедны.

— Поможете мне? — спросила Маринка. — Надо захомутать одного мена.

— А что мы с этого будем иметь? — спросил Гога, который считался у них за директора, наверное, потому, что не только дневал, но и ночевал в театре. А ночевал он там, поскольку больше ночевать ему было негде.

— Что иметь? — Маринка задумалась. Вопрос-то, конечно, несерьезный. На него и отвечать надо было несерьезно: — Водку любите?

— Конечно!

— Получите!

— Вы из КГБ, что ли? — спросил Илья и любезно улыбнулся.

Маринка аж вздрогнула:

— Откуда это дикое предположение?

— А теперь все из КГБ.

— Натe, дураки! — Маринка протянула им свою москoнцертoвскую ксиву. И, надо сказать, это произвело! Они, конечно, презирали, как выразился Илья, "искусство успеха". Но тем не менее...

Она просила вот о чем. Гога, который был знаком с завклубом местного офицерского собрания, пойдет с ней к этому джентльмену. А Женька с Ильей пусть отправляются на станцию и узнают, кто там военный комендант.

— Да зачем нам это делать, Мариночка? — удивленно спросил Илья.

— Потому что надо, ребята. Мне! И я вас прошу!

— По-моему, товарищ прав! — сказал Женька, который до того не произнес, кажется, ни слова.

— Тогда можно дать вам взятку? — она положила на стол червонец.

— В смысле чего?

— Ну вы же не завтракали...

Завклубом оказался классическим жлобом. Маринка их повидала на своем веку сотни. Если б не Гогино мастерство, этот хрен с нею и разговаривать бы не стал! Однако имел к нему Гога какой-то подходец.

— Мне надо выступить сегодня перед кино! — И Маринка показала свои афиши, которые предусмотрительно захватила из Москвы.

— Интересные программы, — сказал заведующий, а сам думал какую-то свою, далекую мысль. — Но у нас это не принято.

— Гога, милый, можно нам с товарищем Уваровым антр-ну, на три минуты. — И когда Гога вышел: — Сколько вы мне сегодня за выступление поставите — все ваше!

— А можно узнать, зачем вам?

— И сверху еще пятьдесят — от меня!

— Нет, вы сперва скажите, зачем!

— Уваров, товарищ дорогой! Вам не все равно?

— Нет!

— Тогда сверху сто.

— Вот теперь все равно!

Маринка вынула сотенную бумажку — из тех самых, которые через несколько месяцев с такой яростной энергией арестовывал премьер Павлов:

— Мне нужно два билета в третий ряд.

— Говорили, вообще ничего не надо! — Уваров засмеялся. — Да ладно, ладно, сделаем.

После трудов праведных они встретились пообедать в пельменной. Новости от Илюшки и Женьки в принципе были хорошие. Комендант на бюллетене. За него капитан Синицын — молодой, женатый, жена в отъезде!

— Высший класс! — Маринка покачала головой. — А зачем вы узнавали про семейное положение?

— Раз женщина интересуется мужчиной, значит, она интересуется и его женатостью!

— Откуда вы такой умный, Жень?

— Я же драматург!

Это, оказывается, он написал пьесу "Дума о мебели".

ДОПРОС

Кому нравится поутру входить в приемную Комитета государственной безопасности, слышать, как за тобой грозно бухает дубовая дверь, с напряжением глядеть в лицо постовому-синепогоннику, бесстрастно сличающему ваше лицо с фотографией на паспорте, идти по холодным вощеным паркетам, по пустым коридорам в поисках нужной двери... так вот, кто скажет, что ему это нравится, — плюнь тому в физиономию. Халдею это не нравилось совершенно! И все же он чувствовал себя относительно бодро, когда ровно в десять входил в кабинет полковника Духовнина.

И совсем по-иному Марк оттуда выходил. Сердце вновь ныло, на шее и лысине — отвратительная испарина. А когда он закуривал — нетерпеливо, едва ступив за порог сурового здания на Дзержинке, — руки его тряслись.

Духовнин был мастер своего дела. Он стелил мягко, но это была подстилка в гроб.

Как шулер, Духовнин вытаскивал из рукава один козырь за другим, и любая карта Халдея оказывалась бита.

Халдей: к чему меня проверять, есть же зарубежные партнеры. Духовнин: эти люди выдуманы вами и Мельником. Вот и документик. Данные лица умерли в Копенгагене сразу после войны.

Халдей твердит, что "Странник" пока не заработал ни цента. А Духовнин — справки из банков с внушительными цифрами.

— А есть, Марк Соломонович, и менее внушительные цифры. Но не менее любопытные... Вы покупали в ФРГ машину "вольво"?

— Собственно... скорее взял в долг.

— Так ли это? Вот показания известного вам Бориса Абарова: все оплачено сполна. Причем со счета "Странника"!

Последний привет от жулика Бори...

Так и проходил этот допрос. Сидели друг против друга два неглупых человека. Один напряженно, аккуратно "клепал", другой старался отвести поклеп. И оба знали, чем занимаются... Согласитесь, странно устроена жизнь!

В той или иной степени они беседовали о всех "героях" этой истории. Кроме Штилике! Духовнин, потому что приберегал сильный козырь напоследок. Марк — потому что еще в ресторане "Советский" понял: упоминание банкира может обернуться против него. Правда, у Халдея было тут преимущество: Духовнин не знал, что

Штилике "вычислен" Марком... Но как этим преимуществом воспользоваться?!

Напоследок Марк решил пустить пробный шар. Сказал с обидой:

— В конце концов, почему вы все валите на меня? — И даже хлопнул рукой по столу. — Документ о нашем создании подписан главой правительства!

— Вот мы сейчас и разбираемся, кто и за какие... заслуги выдал вам этот документ, — спокойно ответил Духовнин.

На том и закончился "раунд переговоров" — явно не в пользу Халдея. И чувствовал он, что козыри, выпархивающие из рукава Духовнина, сданы Валерием Мельником. Уж больно хорошо старший следователь КГБ осведомлен о делах "Странника" и самого Марка. Значит, правильно, что все они — одна компания.

Но эта же мысль рождала и другую: Мельника необходимо найти! Или хотя бы узнать, где он сейчас.

И где Татьяна! Марк набрал номер. Снова — никого... Кто-то должен ее разыскать! Самому нельзя — хвост. А Мариночка в Бресте...

Господи! Так ведь Петя же — Бакин! В общем-то, Халдей его попросит не о таком уж безумном одолжении — помочь найти человека! Хотя, конечно, предупредить Петю надо...

И вернувшись домой, Марк подошел к батарее центрального отопления, три раза стукнул по ней молоточком, привязанным тут же к трубе.

Через минуту в его дверь позвонили.

ОТ СУМЫ ДА ОТ ТЮРЬМЫ НЕ ЗАРЕКАЙСЯ!

Петя Бакин... О, Петя был любопытный тип с поучительной и грустной судьбой.

Впрочем, у каждого из нас судьба по-своему поучительна и грустна. И каждый из нас в чем-то — любопытный тип.

В школе он был "заводилой"... Жило и процветало лет тридцать назад такое советское словечко. Оно обозначает человека, готового поддержать любое начинание коммунистов и вообще начальников. А потом вдохновить ("завести" — в просторечии) на это дело других.

Такие люди всегда заметны — просто потому, что их мало.

Вполне естественным путем (ну и слегка с помощью учителей, конечно) Петя Бакин выдвинулся в комсомоль-

ские вожаки... Среди "вожаков" этих частенько встречаются люди неискренние, решившие поставить на партийную (самую выгодную в те времена и самую бесчестную) карьеру. Бакин же Петя искренне хотел, "чтоб жить стало лучше". И вообще был человек искренний, спортом увлекался — опять же не для будущей выгоды, а "для души", как у нас говорится. И наконец, что уж почти невероятно, по утрам он без принуждения, а с удовольствием делал зарядку.

В конце десятого класса его однажды с урока истории вызвали к директору школы. В кабинете за столом, улыбаясь, сидел незнакомый мужчина с внимательными глазами. А сам директор сидел почему-то сбоку на стуле — как приглашенный.

— Здравствуй, Петр Бакин. Садись... Сейчас будет с тобой серьезный мужской разговор... Были с тобой серьезные мужские разговоры?

От неожиданности Петя смутился и пожал плечами.

— От Валерия Владимировича нам нечего скрывать, — продолжал "внимательный". — Он прошел хорошую школу разведки... Твой ведь батя, кажется, тоже был командиром партизанского отряда?

— Замполитом, — ответил Петя и покраснел.

— Значит, имел отношение к нашей работе! — он подмигнул Бакину...

Словом, Пете предлагали после окончания десятилетки идти в институт военных переводчиков.

— А военный переводчик, — как сказал тот дядя, что сидел за директорским столом, — это первый помощник разведчика, следователя, который занимается особыми делами...

Петя влетел в дом, где за чайком сидели мать, отец и соседи сверху — Халдеи... Однажды у них в туалете протек от Халдеев потолок. Другие бы лаялись до скончания века, друг на друга жалобы в домоуправление катали, а они наоборот — стали дружить. Потому что и та и другая сторона, как выразился потом отец, "вела себя в высшей степени прилично".

Итак, он ворвался и, путаясь в рукавах, от нетерпения, крикнул:

— А меня приглашают... — и далее всю историю с некоторыми украшающими автора подробностями.

Мать и тетя Фаня переглянулись и опустили глаза. Отец был в общем доволен. А Халдей вдруг сказал:

— Да ведь это же разведка, Петя!

— Ну и что! — тут же вступил отец. Он, кажется, действительно был доволен. — Вы сами были разведчиком! Разве нет?

— Одно дело война. — Халдей нахмурился. — Совсем другое дело — сейчас!

Чем кончаются такие споры? Да ничем. "Что ж, смотри сам, желаем удачи. Ты парнишка способный..." Собственно, никто, кроме отца, не одобрил его выбора. И у Пети внутри замкнулось что-то упрямое: "А вот я докажу! — опущенным глазам тети Фани, удивленным глазам Халдея, слезам матери — докажу!"

В школе он всегда учился... не то чтобы с ленцой, но, так сказать, с некоторым запасом. В институте же не давал себе поблажек. В языках, в теории, на студенческих военных сборах — везде он старался быть первым. И часто ему это удавалось.

Петя получил "красный диплом". И как действительно первого ученика своего выпуска, по-прежнему "комсомольского заводилу", второразрядника по вольной борьбе, его пригласили продолжить образование в... Высшей школе КГБ. Учиться предстояло еще два года.

— Как бы аспирантура? — улыбаясь, спросил Бакин.

— Перепрофилирование! — ответили ему.

Его стали учить странным вещам. Например, убивать: ядом, из пистолета, ножом, без ножа, трое на одного, один против троих, в условиях ресторанного гульбища, в полной тишине, под покровом темноты. Учили открывать замки всех систем, учили сидеть под водой столько, что простой человек давно бы захлебнулся, учили отключать сигнализацию, устанавливать подслушивающие устройства и проверять, нет ли их под носом у тебя самого.

Когда им начинали преподавать какой-нибудь столь же "экзотический" предмет, то обычно предваряли первое занятие словами о том, что "совсем не обязательно все пригодится на практике. Но знать это надо. Потому что это знает враг!"

Петр Бакин с огромным трудом преодолевал отвращение. А посудите сами, кому охота учиться убивать, или наносить удары в наиболее болезненные точки, или уметь обокрасть человека — даже если все это на благо любимой Родине... Но привыкал через силу! Так в юности мы с отвращением выпиваем несколько первых рюмок, а потом становимся... Сами знаете, кем мы становимся потом!

В конце концов он и здесь превзошел все науки. Теперь же ему просто некуда было деваться: или стать лучшим, или прозябать. Его взяли в так называемое Первое главное управление, которое, как известно, занимается разработкой и осуществлением всевозможных разведывательных операций за пределами СССР, то есть шпионажем. Бакин почти сразу стал заметен, потому что был толковый, инициативный, предлагал нестандартные и

смелые решения. Потом его попробовали в "живом деле": дважды Бакин ездил связником. Оба раза абсолютно удачно. О нем заговорили на партсобраниях, что вот, мол, подрастает достойная смена в нашем особо сложном и ответственном чекистском подразделении.

Затем включили в группу, которая должна была осуществить действительно серьезную операцию. Подробности здесь, наверное, ни к чему, а суть такова: требовалось арестовать некоего предателя Родины, предателя Комитета государственной безопасности. Причем человек этот находился за пределами СССР. Таким образом, слово "арестовать" имело весьма своеобразные оттенки.

— Доставить его сюда! Вот в этот кабинет! И судить по всей строгости советского закона! — так говорил Крючков, служивший тогда замом у Андропова.

Столь рискованное мероприятие проводилось по причине простой и понятной: все чаще кто-то из сотрудников КГБ просил политического убежища или начинал работать на разведки противника.

Вышло так, что "операция по аресту" практически провалилась. Комитетчиков ждали, а предатель оказался лишь подсадной уткой. И в этой действительно смертельной ситуации "Петр Бакин сумел проявить себя хладнокровным, сообразительным и отчаянно смелым" — так было потом сказано в рапорте. Из лейтенантов Петя "через звездочку" скакнул в капитаны. Главное же, почувствовал в себе особые способности: в экстремальных условиях он, оказывается, умел действовать умнее, находчивее, четче, чем в "скучной ситуации".

На банкете по случаю получения капитанских погон Бакин позволил себе выпить лишнего, поэтому в ответном тосте брякнул про то, что "пусть усидчивые дураки ползут по своим червивым ходам, а мы..." Он, конечно, сумел закончить и фразу и тост. Но, оглядевшись вокруг, понял, что находится именно среди "усидчивых". А что же поделать: не боги горшки обжигают и не шерлоки холмсы служат в Комитете государственной безопасности.

Он был парень щедрый, искренний, его любили, потому пытались вернуть на правильную стезю:

— Старик, не рвись, — говорил ему некий друг за кружкой пива. — Ты что, карьерист?

В ответ Петя небрежно улыбался:

— Извини, у нас разный темп жизни!

Потом было несколько коротких командировок за рубеж — под крышей... а иногда не совсем: проверить резидента, помочь восстановить ослабленную по той или иной причине структуру. И всегда он это делал точно, с каким-то даже, быть может, излишним блеском.

С некоторых пор стал очень ясно и по делу выступать на партсобраниях. Его позиция всегда была одна и та же: в Комитете должны работать только высокие профессионалы! Из-за него даже "ушли" на пенсию одного полковника, которому бы еще сидеть да сидеть — получать пайки и хорошие денежки. Когда уже, в сущности, вопрос был решен, Петр Бакин затеял полемику — совершенно ненужную, но зато и совершенно в своем стиле:

— В вашем возрасте, товарищ полковник, уже неловко быть... товарищем полковником.

— А кем же вы собираетесь быть в моем возрасте? — спросил тот, опустив глаза.

— Генералиссимусом!

Это была шутка, это была всего лишь шутка. Но ее запомнили...

Затем его направили резидентом в одну азиатскую страну, где суперкоммунисты, захватив власть, принялись расправляться с коммунистами, а заодно и с собственным народом. Пришлось вводить войска соседнего социалистического государства, а потом восстанавливать все необходимые структуры, в том числе и службу безопасности. С этой целью туда и отправился Петр Бакин. А поскольку капитаном на такой должности быть неловко, его — опять досрочно — сделали майором... в двадцать шесть лет!

В азиатской стране Петя отрубил почти два года. В сортир, расположенный, естественно, во дворе, ходил с автоматом Калашникова. Неделями не мылся, опухал от москитов, вместо воды пил дрянную рисовую водку, поскольку кругом были одни болота, — в общем, работал как черт. Соответственно был щедро награжден новым правительством азиатской страны... Затем его вызвали в Москву — по слухам, за орденом Ленина. Прямо в аэропорту "Шереметьево" надели наручники и отправили на Лубянку, во внутреннюю тюрьму КГБ.

Ему инкриминировали получение взяток в особо крупных размерах...

Наши рыболовецкие суда, промышлявшие в Индийском океане, сдавали улов рефрижераторам, над которыми развевался флаг отнюдь не первого в мире социалистического государства. Через какое-то время тайное стало явным. И представитель морфлота, прокручивающий в азиатской стране указанную аферу, на следствии показал, что имел прикрытие в лице офицера КГБ Бакина, за какие-то услуги платил 7% от выручки. Петя даже не успел плюнуть в физиономию этому лжецу, как было обнаружено его собственноручное письмо некоему крупному чину из Минморфлота, тоже связанному с "рыбным делом" и покончившему с собой. Письмо имело вполне

определенное содержание. Бумага, паста шариковой ручки, почерк и прочая чепуха, которая для настоящих профессионалов, оснащенных профессиональными средствами, не составляет особых проблем, оказались на нужном уровне.

Подданные азиатской страны, замешанные в "рыбном деле", были немедленно расстреляны, как говорится, по месту жительства. Для Бакина прокурор потребовал 15 лет. В результате дали девять... И это при полном молчании друзей, при громком сочувствии врагов...

Его, как и положено, собирались отправить в специальный лагерь для провинившихся работников КГБ и МВД. Но те, кто организовал дело, позаботились, чтобы Бакин попал в "обычный" лагерь. Так "мент" оказался среди блатных.

Петю просто должны были прирезать через несколько дней. О, как ему пришлось изворачиваться, какую жалкую вести жизнь! В то же время он пробовал писать в инстанции — Крючкову, Андропову. Но все его письма растерялись где-то... Потом Брежнев умер, Андропов, Черненко — три царя подряд. Началась перестройка. А письма его по-прежнему растворялись по дороге к справедливости.

За эти годы умер отец. Мать не дождалась Петю Бакина всего несколько месяцев. Как она жила, Петя узнал, лишь когда вернулся. Бедная мать его хлопотала, чтобы сыну оставили квартиру. Гуманные наши законы строги: бывший зек — кому он нужен в Москве! Петя досиживал последние денечки и не знал, что решается его судьба — снова решается... В результате помог Халдей. Позвонил своему старому знакомому еще по разведроту, который уже много лет был в их районе "вторым лицом". В принципе, Халдею это немножого стоило — бутылки хорошего французского коньяку. Только очень противно звонить, встречаться, сидеть весь вечер с человеком, которого давно уже не хотелось считать... человеком!

"Я знаю, — писала мать в завещании, — ты умеешь быть благодарным ("С чего она взяла?" — подумал Петя). Не забывай о Марке Соломоновиче. Он много сделал для меня. И для тебя. Не забывай об этом, сынок!"

Собственно, что было Бакину забывать или не забывать: после тех веселеньких девяти лет Халдей остался у него единственным знакомым во всей Москве... А стало быть, и во всей жизни.

Петя не имел "гражданской" профессии, только казбистские да воровские, которые во многом... пересекаются... Переводчиком попытаться? Да кто ж его возьмет с такой биографией. И Петя наконец устроился грузчиком в продовольственный магазин. То есть Петя Бакин упал

на самое дно жизни. К счастью, это сообразил и сам Петя. И сопротивлялся сколь мог постоянным выпивкам и мелкому воровству, которые обычно составляют основу жизни этого сословия.

Вдруг у Пети нашлись неожиданные средства к существованию.

Однажды он смотрел телепередачу с какого-то аукциона. Там среди прочего продавалась и книга Крученых "Лысая луна". Книжка была оборванная, старая, на дрянной бумаге, о чем Петя мог судить, глядя в свой старенький телевизор. Стартовую цену назначили за нее две тысячи, а ушла книжечка за шесть с половиной!

И тут Петя вспомнил, что от отца, а вернее сказать, от его товарища, остался некий ящик с книгами. Году в сорок седьмом, стало быть, задолго до рождения будущего майора-зека товарищ привез этот ящик на хранение старшему Бакину, ибо опасался обыска. А книги, хранившиеся в ящике, были "запрещенными" и стоили немалого срока в сталинских лагерях.

Ящик навсегда остался у Бакиных — человек тот исчез в тех самых лагерях, которых столь опасался. Люди Берии нашли, за что упечь его и без книг... Ни имени, ни фамилии неудачливого книголюба Петя не знал. Слышал когда-то... В их семье и про ящик-то никогда не вспоминали. Как поставили в чулане, так он и стоял. И вот Петя открыл его. Ящик оказался набит русским авангардом начала века — футуристы, акмеисты, декаденты... Петя мало в этом разбирался. Но когда он отнес одну из книг в букинистический, ему тут же предложили тысячу. Наверное, книга стоила больше... Петя не стал торговаться!

Он довольно просто договорился с директором своего магазина, что ему нужна отметка в трудовой — для милиции. За это директор мог полностью распоряжаться Петиной зарплатой.

Книг в ящике было сто семь. И это значило, что сто семь месяцев Петя может жить, не думая о хлебе насущном. А если быть несколько экономнее, то не сто семь, а двести четырнадцать месяцев. Но ведь это практически целая жизнь!

Он значительно чаще стал бывать у Халдея, а Халдей значительно чаще мог видеть, что Петя тяготится своей жизнью.

— Вы только много-то не пейте!

А в другой раз:

— Вам жениться бы надо...

И в третий раз:

— Может, все-таки попробовать переводить?

"Попробовать" в сорок лет?.. Полная хреновина с морковиной! Жизнь его была кончена. Ему оставалось спи-

ваться. Или идти воровать. А можно было сочетать два этих прелестных занятия — как оно чаще всего и бывает... И думалось Пете — неужели действительно лучшие секунды его жизни были в лагере. Когда во всю длину разрежешь батон, намажешь на него целую пачку масла — всю, все двести грамм, наведешь чая кружку — сладкого, чтоб до приторности. Привалишься к стене вагонки, жрешь, как волчара. И — лишь бы это продолжалось вечно!

Чего ж удивляться тому, что Петя обрадовался, услышав условный стук.

Как мы уже помним из истории о протекшем туалетном потолке, они жили точно друг над другом. Стало быть, имели и общую трубу отопления. Она проходила как раз у кровати Халдея. Иной раз, когда нездоровится, стукнешь по трубе — Петя спешит наверх... Впрочем, велик труд и позвонить по телефону. Но с перестуком, казалась им, как-то доверительней... интересней!

А это значило: где-то в самой глубине, под льдами неведом, жило в них нечто мальчишеское!

РАБОТАЛИ ПРОФИ

“Мальчик резвый, кудрявый, влюбленный, трам-пам-пам, женской лаской плененный, ну довольно вертеться-кружиться, час настал, должен ты воевать!”

Погода была чудесная, сухая. Солнце по абсолютной синеве успешно бегало от неповоротливых, словно бы июльских, облаков. Этим днем по осенне-погожей Москве, которой мало что есть на свете прекрасней, шел Петр Бакин, из атомов и разных других мелких частичек собирая в душе чувство ищейки, чувство разведчика, которое жизнь вышибала из него в течение девяти лет... Ему, во-первых, надо было найти эту идиотку Татьяну, якобы видевшую в “Щереметьеве” Мельника, и нежно — хотя и с пристрастием — ее допросить.

Во-вторых, майору Бакину (если только он поймет, что Татьяна в самом деле видела Мельника) следовало выяснить, появлялся ли Мельник у себя дома или он сейчас где-то в подвалах КГБ... Как будто у КГБ такие большие подвалы, что туда сажают первого попавшегося Мельника.

Ну ладно. Проверка данного пункта — дело будущего. А сейчас вернемся к “во-первых”. Как найти Татьяну? Или хотя бы — как о ней хоть что-то узнать?

Но недаром радовался он прекрасной погоде — ведь

на последнее солнышко в московские дворы почти наверняка выползут старухи. А старухи знают все!

Он прошел под низенькой, явно девятнадцатого века, аркой и оказался в потрясающем типичном старомосковском дворике. Двор этот был уютно тесноват, как-то удивительно скромн, с двумя очень старыми деревьями, с прелестной клумбой, все еще полной астр. Но главное, с лавочкой, тянущейся вдоль старого двухэтажного дома. А на лавочке сидели вожделенные старухи!

Но еще прежде старух Петя увидел прилаженный к стенке телефон-автомат. Конечно, Халдей звонил туда двадцать и еще один раз. А все же — вдруг? Он даже не стал опускать две копейки, просто набрал номер. Раз гуднуло, два — длинным гудком. Вдруг на той стороне сняли трубку. Но Петя ничего не мог услышать, потому что, как мы уже знаем, не опустил двушку. Наверное, ему сейчас говорили: "Алло! Вас слушают..." Петя бешено шуровал в кошельке. Но поздно — трубку уже положили... А может, ничего как раз. Что по телефону выяснишь?

Стоп! Только не бегом! Самым что ни на есть фланирующим шагом. Никакого к себе внимания — ведь эти старухи дьявольские действительно все секут!

Вот и нужный подъезд — "Квартиры 8—16". А наша тринадцатая, стало быть, на втором этаже.

Остановился. Так хотелось бы пронзить взглядом эту обшарпанную, сиротскую дверь (сразу понятно, что нету в доме мужчины. Марк так и говорил: "Баба одинокая"). Однако "пронзить" дверь можно было только звонком.

— Кто там?

Голос нервный. Но это нормально. Сами попробуйте нежданно позвонить в чужую дверь — почти обязательно в ответ услышите или тревогу или испуг: слишком у нас грабят беспощадно... и часто.

Но вот почему голос такой молодой? Ведь Татьяне, по словам Халдея, было пятьдесят четыре...

— Откройте, пожалуйста. Я со службы.

— С какой... службы?

Сказать: "Со службы Татьяны Михайловны"?.. А вдруг это все-таки она и есть? Мало ли — "голос показался молодым"! И тогда, всадив в интонацию все отпущенное ему Господом обаяние, Петя пропел:

— Я не грабитель. Клянусь!

Щелкнул замок, дверь приоткрылась. Но была на крепкой цепочке... Эх, глупые люди! Что дают вам эти цепочки? Ни хрена! Резко двинуть ногу в щель (особенно если подошва у ботинка хорошая, твердая), левой рукой того, кто в квартире, за волосню, правой — ножик к горлу. Буквально через две секунды ты уже внутри... Тут, конечно,

есть кое-какие очень важные нюансы. Но всего раскрывать не стоит!

Однако Петя и не думал сейчас использовать свои гангстерские навыки. Он улыбнулся приветливо и... робко:

— Здравствуйте! Мне Татьяну Михайловну... Очень надо повидать! — потому что окончательно убедился: женщине, с которой он разговаривал, никак не пятьдесят четыре, а, скорее, двадцать шесть.

— Татьяна Михайловна... она больна! — и заплакала.

— Пожалуйста, впусти меня! Я от Халдея!

Впустили наконец!

— Что же с Татьяной Михайловной?

Дочку Татьяны Михайловны (а это была именно дочь) звали Настей. Она казалась бы вполне миловидной, если б не слишком тонкие губки над грубоватым, тяжелым подбородком.

То, что рассказала Настя, с самого начала не понравилось майору. В субботу Татьяна действительно встречала дочь в "Шереметьеве". То да се, подарки — разговоры — осталась ночевать. В воскресенье утром помчалась на распродажу, чтоб купить что-то внуку. Вернулась часа в четыре, посидела до восьми и засобиралась домой. Сколь ни удерживала ее Настя, мать твердила, что поведет — цветы, мол, не полить уже вторые сутки.

В полдвенадцатого ночи позвонили соседи по лестничной площадке: Татьяну нашли лежащей у собственной двери. Рядом валялась чуть не вывернутая наизнанку сумочка.

— Извините, много с ней денег было?

— Десятка ровно! Я сама ей давала: пятерка, трешка и две рублевки. Она свои в "Детском мире" истратила до копейки...

— А вот подарки, которые вы... — не очень ловко начал Петя.

— Все оставила! Говорит, вдруг ограбят...

Настя опять заплакала. Но при этом продолжала рассказывать — с явно ненормальной, какой-то почти идиотической подробностью. И одновременно она рылась в ящиках комода, доставая и бесконечно отбирая какие-то вещи. Петя невольно подумал — что она могла делать в Америке, эта странная дама?

— Алкаш, сволочь! Видите вот, вещи собираю — халат, все другое. Может, понадобится... — Тут Настя среагировала на свое собственное "может" — слезы с новой силой плеснули у нее из глаз, будто брызги из переполненного ведра: — У мамы перелом основания черепа, понятно?!

Да, Пете такой диагноз был очень понятен: это смерть — особенно если врачи сразу не разобрались, в

чем дело, и начали человека таскать с места на место, переворачивать. Здесь каким-то чудом разобрались, и Татьяна оставалась жива уже вторые сутки.

И еще знал майор Бакин, что устроить человеку такую травму, знаете ли, не совсем легко. То есть можно, конечно, — чего в жизни не бывает: оступился человек и об каменную ступеньку хлобнуть... Но Петя дал бы девять из десяти, что это был не случайный удар.

Алкоголик, вы говорите? Сомнительно... Алкаши — кулаком в ухо, ну, на крайний случай, бутылкой по башке. От этих дел переломов основания черепа не бывает.

— Мне очень надо ее повидать, Настенька!

— Да не пустят... Я сама — только вещи отдам...

— Пустят! Пошли.

Он бы, может, и не подумал, что это такая уж "специальная" травма. Но жизнь среди комитетчиков, а также среди зеков приучила Петю Бакина не доверять несчастным случаям, в которые попадают свидетели каких-то важных событий... Выходит, все-таки Татьяна была свидетелем того, как Мельник...

В вестибюле больницы зек-майор Бакин решительно попросил:

— Насть, только молчи, ладно? Я сам!

Ну что ему было пройти через этот медицинский за-слон? Да не сложнее, чем умелому ножу пройти сквозь ребра... И вот он смотрел в желтое, осколочком, лицо, обрамленное невыразительными пепельными редковатыми волосами, с бледными, давно не целованными губами, с сероватыми, словно обклеенными плохой бумагой ушами. Настасье было сейчас абсолютно не до него. Ни до кого. Петя тихо вышел из палаты.

Он делал вид, что ему еще надо что-то обдумать. На самом деле не хера, извините, тут обдумывать. Все было ясно, как апельсин!

Таким образом, гражданин Бакин, ты наступал на хвост самому Комитету государственной безопасности! Есть от чего захотеть выпить рюмку водки!

Убить человека за червонец — реально это? Для алкаша нашего времени еще как реально. Но здесь, когда мы имеем практически полное отсутствие... не то что раны, даже синяка, невольно понимаешь, что били... спецкастетом, может, даже ребром ладони. То есть работал мастер.

Стоп. Встречная идея: разве нет сейчас грабителей с "настоящими, глубокими знаниями" по теории и практике удара? Бывают. Вот хоть бы сам Петя! Но такие лица — спокойные, расчетливые — обязательно бы вынули из тех самых "обклеенных плохой бумагой" ушей сережки с изумрудами. Майору Бакину они сразу сверкнули в глаза!

А "грабитель", вишь ты, удар сделал замечательный, а в поведении имитировал дурака... Сам дураком и оказался!

Да и удар этот Петя Бакин слишком хорошо знал — еще "в школе проходил"... Десять лет минуло, а они все пользуются старыми приемчиками. Эх вы, лучшая в мире рабоче-крестьянская разведка!

БЕДНЫЙ КАПИТАН СИНИЦЫН

Когда у тебя вечер в таких вот непонятных аудиториях — шпарь Есенина, не ошибешься!

У товарища толстого Уварова, который, кроме сто-рублевой взятки получил еще по полтинничку с билета, Маринка, уже как у лучшего друга, раздобыла гитару. Причем более чем приличную... Но, когда не своя, — это всегда слышно. Все ж она, вполне профессионально провоцируя искренность, осуществила мелодекламацию минут на двадцать пять. А когда свет погас и пошел американский космический боевик, села на свободное место в третьем ряду.

— Вы замечательно пели! — Синицын тихо тронул ее руку. Начало знакомства получилось именно таким, как она предполагала. От Синицына, правда, слегка несло поддачей, но и это, в общем, нормально.

— Спасибо! — она сдержанно улыбнулась, что в волшебном киносвете должно было выглядеть по первому сорту.

— Но скажите, за что такая честь? Мне принесли билет — говорят: московская артистка приглашает вас...

— По-моему, здесь не совсем удобно разговаривать, вы не находите?..

— Может быть, мы вместе поужинаем?..

Явно из какого-то фильма!

— Я даже очень этого хочу.

Минут через тридцать они уже сидели в ресторане гостиницы... то ли "Брест", то ли "Белоруссия", то ли... Бог его знает, как она называлась. Ресторан был совершенно такой, как Маринка привыкла видеть в провинции. Длинный уютный зал, столики в три ряда.

Скатерти со следами селедки, вина, свеклы, жаркого "по-домашнему"... Компания преуспевающих местных торговцев, компания преуспевающих торговцев из Закавказья, компания военных с женщинами разного калибра. Компания женщин лет под пятьдесят — исключительно женщин — тех, кому не досталось на этом свете мужиков. Командированные, которым в этом Бресте по вечерам

больше и делать нечего — только треснуть бутылку водки, да и завалиться спать.

Маринку и Сеницына посадили за столик на четверых — тоже к каким-то командированным. Минут пять они обращали друг на друга внимание, потом, как это обычно бывает, словно бы выросла невидимая стена — безразличие, и они остались с Сеницыным совершенно одни. Лишь изредка командированные пускали в Маринкину сторону приветливые взгляды. Впрочем, вполне платонические: с офицером не потягаешься — могут и рожу начистить!

— Будьте так любезны, пожалуйста, зовите меня просто Саша!

— А меня Мариной зовут.

— Ну, это я сразу запомнил — как только вас объявили. Такое имя прекрасное...

И так далее и тому подобное... Прости, милый мальчик Сеницын, что мне придется тебя надуть!

Она спокойно вынесла его комплиментарно-дежурную фигню, в сущности довольно приятную для женщин, — в какой раз ее не слушай, все греет.

— Саша, мы едва знакомы... Мне надо с вами очень серьезно поговорить!

Фраза тоже — явно из какого-то телеспектакля про советскую жизнь. Но сейчас это было в самый раз.

— Я вас слушаю! — в тон ей ответил Сеницын. Вернее всего, он предполагал подпойт Маринку... ну и самому неплохо кирнуть... а потом свезти ее куда-нибудь. Может, даже к себе на квартиру, коли жены нету. А там поаморальничать в меру возможностей. Под эту его мечту Маринка могла многого добиться!

Принесли заказ, капитан выпил, а Маринка пригубила. "Нет, первую до дна..." Ну и так далее еще минут сорок. Потом:

— Маринчик, а давайте скатим отсюда?

— И куда же мы отсюда скатим?

— Ко мне, например.

— После разговора это, возможно, и случится...

И стала рассказывать — правдиво, трогательно — историю про военного журналиста, который служил в ГДР. И как она туда поехала на гастроли — познакомилась и полюбила...

— Только, пожалуйста! Это все глубоко между нами! Я вам верю, понимаете?

И дальше — про то, как шли письма, а потом перестали, как она без него жить не может. Как он обещал сказать, когда их переведут в СССР. И вот теперь их перевели, а куда — она не знает! Название газеты она, к сожалению, забыла. Но вспомнит, как только увидит его глаза-

ми... Если милый Синицын даст ей посмотреть, какие части из ГДР прошли через Брест и куда направлены. Синицын не спеша опрокинул рюмку. Тут, кроме водки, ничего не подавали, буквально ничего — водка и какой-то паршивый морс.

— Но вы же понимаете, что это служебная тайна.

— У вас служебная, у меня — сердечная!

— Извините, Марина, вы можете показать мне какое-нибудь удостоверение личности?

Ничего страшного! Это было как раз ей на руку. Сделала обиженное, чуть надменное лицо!

— Ну даете! Вы же меня на сцене видели — вот и удостоверение!

— Нет, это конечно... А все-таки!

Маринка уже заранее нащупала в сумке ксиву. Теперь резко бросила ее на стол:

— А вы не слишком крепко выпили! — и встала.

— Куда, Мариночка? — а к удостоверению прикасаться на смел.

— В уборную! — так сказала, что командированные подняли на нее свои подрумяненные водярой лица.

Маринка вышла из зала, обернулась в стеклянную дверь. Синицын тупо сидел за столом, ожидая продолжения разговора. Ведь он рассчитывал совсем на другое. Тем более Маринка вроде бы обещала ему поехать.

Она быстро вышла из ресторана. Многочисленные поездки научили ее ориентироваться в чужих городах, так сказать, по запаху. Добралась до "Тройки". Джентльменистый Гога ушел куда-то ночевать. Хотя, может быть, просто к девушке. Главное, что ключ лежал в условленном месте. Она побрызгалась, как могла, у раковины... Кошмар какой-то — второй день без души! Хотя гастрольная жизнь и не такие с ней проделывала штуки!

Легла на своем диванчике посреди сцены. Стоящая рядом настольная лампа на длинном шнуре делала освещение почти фантастическим. Казалось, Маринка в подземном зале какой-то пещеры. Но страшно не было.

Она лежала на спине и думала о Халдее, о ситуации с капитаном Синицыным. Вообще говоря, лет семь-восемь назад Маринка вполне спокойно поехала бы к этому Саше, они сделали бы все как нужно и остались бы довольны друг другом. Но с восемьдесят шестого все это прекратилось. В восемьдесят шестом она стала... А кем, собственно, она стала для Халдея? Возлюбленной, ненаглядно-драгоценной. Маринка могла спокойно произнести эти слова, потому что все так и было!

Причем, как ни странно, это ведь она гонялась за Халдеем, она его "хомутила", а не наоборот.

Софкиной подругой, длинноногой восьмиклассницей,

пришла она в их дом. К ним клеились два дружка, ну и они, соответственно, должны были стать как бы подружками.

Однажды им захотелось покурить американской сигаретки.

— Сейчас я у паренца пачечку подсниму! — засмеялась Софка. Само собой, ей хотелось повыламываться перед мальчишками. А "паренцы" — это, как вы понимаете, от английского "parentс" — родители. Был в свое время такой сленг: переделывались на русский лад английские слова: штаны — трузера, ботинки — шузы, ну и тому подобное.

— Папуль, это Марина Распутина. Она артистка! Послушай, как Распутя стихи читает. — И она улизнула в другую комнату.

Маринка, ничего подобного не ожидавшая, встала, как на уроке. А юбочка у нее была такой длины, будто она вообще ее позабыла надеть. Маринка и сейчас помнила то ощущение голых ног... на которые старался не смотреть Халдей.

А вот что она читала тогда — ни малейшего воспоминания: то ли басню, то ли Блока. Но вернее всего, выпендривалась, конечно. Значит, Ахматову какую-нибудь или Блока того же.

Она прочитала стих и некоторое время просто смотрела Халдею в глаза. А он смотрел в ее глаза. В тот момент все и произошло! Потом Маринка увидела, что у него шевелятся губы:

— Вы очень способная девочка, Марина. И очень красивая...

Конечно, он сказал это просто так: что ему, классному, почти пятидесятилетнему мужику была какая-то пигалица. Но так или иначе Маринка в тот вечер послала своего мальчика. Потом сидела одна перед невключенным телевизором, и что-то с ней происходило... Несчастный мальчик позвонил, влюбленный в нее с головы до пят:

— Э, чувиндрик, может, тебя на руках поносить?

Она ответила:

— У меня магнитная буря!

Так оно и было, наверно...

Само собой, через какое-то время это чувство как бы оступело — от полной невозможности осуществиться. Она смилостивилась над своим мальчиком. Стала просто ходить к Халдеям, познакомилась с тетей Фаней. Даже выслушивала какие-то ее советы... На самом деле тетя Фаня лишь хотела понять, трахается уже ее Софа или еще нет.

Она еще дружила с Софой на первом курсе института. Потом Софа уехала за границу. Тогда Маринке уж совсем был отрезан туда путь. И она крутилась с мужиками — ар-

тистка, красотка. И замуж, само собой, звали не раз. Однако не шла...

В восемьдесят пятом, перед самым Новым годом она встретила Халдея в Доме кино — клеился к ней тогда некий киношник очень такой, знаете ли, классической потасканности...

— Здравствуйте, Марк Соломонович... Вы не узнаете меня?

А сама стояла перед ним — ну просто в полнейшем порядке!

— Узнаю вас, Марина... Распутина!

Он, кстати, тоже был... не один, и это Маринке не понравилось: она еще не знала, что тетя Фаня умерла. Но по правде, ей было на это наплевать! В ней снова началась "магнитная буря".

"Спокойней, ты!" — орала она себе. А сама уже доставила визитку: артистка Москонцерта... с понтом!

— Хочется немного о Соне поговорить. Позвоните мне...

Глаза объясняли другое!

Халдей позвонил в тот же вечер. Как она догадалась своего потасканного отшить!

— Мариночка, а мы не могли бы повидаться прямо сейчас? — понятно было, что он выпил. Но при этом абсолютно не был развязан и дико волновался.

Она буквально возненавидела себя, когда сказала:

— Пожалуй, поздно уже...

Какая хреновина — всего несчастных четверть двенадцатого!

— А давайте представим, что я завтра уезжаю на год? Мы сможем отложить нашу встречу на год, Марина?

И она поехала. Это было дико неправильно. Поступок, на который решилась бы далеко не всякая потаскушка из педучилища. А ведь Маринка далеко не девочка, далеко! Это рядом с Халдеем она, возможно, и девочка. А так-то — тридцатилетняя дама, бальзаковский возраст!

Халдей оказался не пожилой, не потасканный. Он просто был старый. Это Маринка поняла, едва присела за стол, сервированный с холостяцкой изысканностью... Горели свечки. Но старость не скрывать и свечами!

Тем не менее Халдей безумно ей нравился. Наверное, это один из тех союзов, которые совершаются на небесах... Или сие чушь собачья? Вбила в голову, когда была пятнадцатилетней — хоть и стройной, но дурочкой. Однако обратно не выбивалось. Она и не хотела ни под каким видом! Она хотела, чтобы так было всегда!

Именно потому Маринка не отдалась ему в тот же вечер. Хотя — если баба соглашается приехать в двенадцать, вроде бы все ясно, во всяком случае, по нашим москов-

ским понятиям. Она же, как полная идиотка, в два часа упилила к себе в коммуналку. И потом еще месяц ходила с ним по ресторанам да по театрам, разрешала целовать только ручку... Потом вдруг взяла и отдалась, коварная — будто бы ни с того ни с сего.

Но неужели она не могла найти себе что-нибудь получше?

Кто задает такие вопросы — остолоп!

А ты, бедный капитан Синицын, не имел ровно никаких шансов. Даже меньше, чем никаких!

КРЕСТНЫЙ

Есть в Москве такие, знаете ли, тихие улицы. Причем расположены они не на глухих окраинах, а именно в самом центре города. Два шага прошел — улица Горького, Арбат или Садовое кольцо. В таком вот именно местечке и стоял дом Валерия Ивановича Мельника. Само собою, строились подобные дома не для "черной кости", а исключительно для нашей советской элиты — разных там партийных божков, дипломатов, журналистов-международников.

История дома, где жил Мельник, была и того интересней. Посвященные именовали его "детский дом". Известно ли читателю, что значат эти слова? Ну да, правильно: в обычных детских домах обитают несчастные бедные, ползабывтые обществом сироты.

В этом же девятиэтажном красавце жили дети, а верней, отпрыски, министров и замминистров, крупных партаппаратчиков, работников Совмина.

Итак, "детский дом". Прелесть, загляденье, элита... Но, как это всегда и бывает, постепенно что-то портится в системе. Глядишь, тот с женой развелся, тот с тещей ужиться не может. Что делать? Меняться... А меняются ведь с кем попало — лишь бы подходящий "вариант". И когда Петя вошел во двор бывшего "детского дома", он понял, что жильцы его сильно поразбавились пришлым народом. И грязи во дворе куда больше, чем следует в привилегированном месте, и мусорные баки стоят где попало, и малыши кругом бегают какие-то излишне сопливые.

Петя лифтом поднялся на седьмой этаж. Затем медленно пошел вниз на нужный ему шестой... Подъезд казался абсолютно пуст — а кому и быть здесь в этот неурочный час позднего утра: дети в школе, родители на службе, бабушки уже вернулись из магазинов и теперь готовят обед.

Петя секунду колебался, не позвонить ли в дверь. Но ведь Халдей с неукоснительной регулярностью и такой же безуспешностью звонил сюда по телефону. Если в квартире все же кто-то был, значит, не хотел себя обнаруживать. Так надо ли, чтобы Петя обнаруживал себя? Тем более в двери был глазок: позвонишь и попался!

Слава Богу, в двери была и замочная скважина. Петя припал к ней ухом. Он не мог сообразить, что там такое. Но что-то явно рождало едва уловимые звуковые волны. Слово бы работал негромкий, но упорный моторчик.

Тут он вспомнил совет, данный ему когда-то одним опытным розыскником. И прикинул к замочной скважине... носом!

В таких вещах трудно ошибиться. Они либо есть, либо их нету: из-за двери пахло свежим сигаретным дымом... Ну вот и все! Через минуту после того, как майор Бакин оказался у двери, он знал: в квартире кто-то есть.

Засада?

Но кого ловить?

Мельник схвачен. Судя по тому, как расправились с несчастной Таней, Мельник схвачен сотрудниками Комитета... Кого же они здесь могут поджидать? Сообщников Мельника? Халдей, однако, считает, что сообщники его — сами работники ЦК и КГБ. Хотя Марик, естественно, мог, как говорят, "дико ошибаться".

Так что же делать майору Бакину? А единственное: не забывать, что величайшая добродетель охотника (и разведчика) — терпение. Он поднялся на один лестничный марш, присел на корточки, так обычно отдыхают блатные и приблатненные, надвинул на глаза кепку, поднял воротник — ну просто классический алкаш, которому на улице и холодно и стремно (легавые метут). А здесь полный "ташкент", и ни одна падла не привяжется. Нет, Петя действительно выглядел очень правдоподобно!

Так он и сидел, одним глазом посматривая на дверь сто двадцать седьмой квартиры сквозь железную решетку, которой была ограждена шахта лифта. А когда для пущей натуральности Петя стал слегка посапывать, он догадался, что за "моторчик" работал за дверью: простой храп! Причем Петя мог бы поклясться: храп нетрезвого человека!

Но одно дело "мог бы поклясться" и совсем иное — знать наверняка. И поэтому — одна из величайших добродетелей разведчика что?.. Вот именно! Продолжаем посапывать!

Наконец... на ловца и зверь бежит!.. Они вышли! Петя сразу понял: нет, это не засада. Рожи, что называется, кирпичины просят — небритые, похмельные. Двигались людишки эти крадучись, но отнюдь не как хищники. И

несли нечто завернутое в одеяло, чтоб нельзя было догадаться, что это... Да, вернее всего, видак!

— Эй, далеко направились?

Оба дернулись, замерли. Им бы бежать. Но, как известно, жадность фраера сгубила: оба держались за стыренное сокровище. Десять тыщ изо рта уплывают — обидно же!

— А ну, по системе бекицер, обратно на хазу!

— За-зачем? — спросил один из жуликов.

— А затем, мудилы, что так надо! Только не вздумайте побежать. Если вы мне попортите эту вещь, пидеры!.. Неужели ты мозгой своей не понимаешь, что тебя снизу секут!

Напуганные, оба с тяжелыми больными головами — потому что какой же русский человек умеет оставить на утро опохмел! — воришки подошли к Пете.

— Ключ, падла! — прошептал майор Бакин. — Дверь отчиняй!

Торопливо они отворили дверь.

— Залазь! — и вошел следом. — Поставь аккуратно предмет! Повернись ко мне!

И потом от души, но без малейшего намерения вырубить дал каждому по хорошей оплеухе.

Это были соплячата лет по восемнадцати — вернее всего, пэтушники. Но такие соплячата, с которыми обычному человеку лучше не сталкиваться, особенно в ночную пору и один на один!

По счастью, майор — а особенно зек! — Петр Бакин не был тем самым "обычным человеком". Напротив, он чувствовал за собой полную инициативу и только думал, как ее использовать... Давить надо. Выдавить у них хоть что-то про Мельника. Раз они так нагло гуляли по квартире...

— Вы как сюда вообще попали, твари? Я, понимаешь, неделю пасу хату...

— Не, крестный, — сказал воришка, который был скуласт, курнос и узкоглаз. Такой, знаете ли, славянин с татаро-монгольским прошлым. — Про неделю это вы... свистите!

Петя немедленно закатил ему оплеуху, причем опять соразмеряя силу удара:

— Ты говори, как было. А про остальное помалкивай.

Но стал рассказывать другой — узкоплечий дылда с русыми до плеч и не очень мытыми волосами. Его звали, как потом узнал Бакин, Санькой. А узкоглазого — Андрюхой.

Три дня назад Санька услышал на соседнем балконе голоса. Они с Мельником живут в разных подъездах, а балконами — ближайшие соседи. Хотя за руку здоро-

вайся. Сашка и вышел поздороваться: время от времен Мельник привозил ему из командировок разные подарочки, а уезжая, наказывал: "Стереги!"

Санька, случалось, починял ему краны, выключатели всякую другую чепуху и хорошо поэтому знал, что живые сосед очень нехило!

Но когда Санька вышел к себе на балкон, он услышал какие-то не те голоса.

— Что за "не те"? — спросил Петя.

Санька пожал плечами:

— Ну... Когда он приезжал, всегда какая-то радость слышалась. А тут, — он пожал плечами, — говорят отрывисто, матерятся, командуют...

Трудно было майору Бакину не покачать в эту секунду головой: а мальчишка-то с пониманием!

Потом на мельниковский балкон вышли двое, и Санька уж совсем раздумал высовываться, очень тихо присел на шезлонг: если даже перегнуться к нему через фанерную загородку — он сидит, дремлет себе, а совсем не подслушивает!

— Сами видите, нету ничего, товарищ полковник! — сказал один голос.

— Должно быть!

— Да не должно ведь, товарищ полковник. Он сколько повторял: "Нет у меня! Нет у меня!"

— Ну и чего ты считаешь?

— Считаю, можно заканчивать.

— Плохо, Свиридов... Ладно, уходим... Только квартиру на охрану поставьте!

— А вдруг понадобится, товарищ полковник, прийти или чего... Зачем ментов предупреждать? Да вообще пусть квартира за нами будет.

— Здорово!

И больше Санька ничего не услышал, потому что они ушли в комнаты...

— Ну и кто это, по-твоему, был? — спросил Петя.

— Чего, крестный, на наивность проверяете?

— Ты отвечай, падла!

— Кто же еще-то?.. Гэбуха!

Как только комитетчики отвалили, Санька сейчас же вызвал Андрюху. Они перебрались на мельниковский балкон. Ножичком и стамеской открыли балконную дверь.

— Сука ты! — Петя вполне искренно покачал головой. — Он тебе, бля, подарочки, пятое-десятое...

— Ладно вам, — сказал Санька мрачно.

— Они ж тебя первого за хобот возьмут, если чего!

— Не возьмут. Они сами отсюда не с пустыми руками перлись.

— Откуда знаешь?

— Что ж я с балкона не видал?.. Им теперь недельки без две надо навести на эту квартиру каких-нибудь лох, потом стукнуть ментам, и тех лохов — за жопу. ...Все журе: ГБ отмазан — сколько они отсюда аппаратуры украли, сколько чего.

— Ишь какой... теоретик. Откуда все знаешь?

— Что ж у меня бестолковки нету? — Санька стукнул лбом себе по лбу. Он явно мечтал понравиться "крестному".

Петя в это время размышлял, чего же с ними делать. Санька с Андрюхой тоже поняли: решается их судьба — цели не шевелясь. Ведь судьба в таких случаях решается очень по-разному. Например, пика в спину и...

— Документы давайте сюда!

Мальчишки переглянулись.

— Откуда они? — сказал Андрюха неуверенно. — Что на партсобрание, что ль, п...довали?..

— Хватит мне в уши дуть! Вы же в комок шли. А там паспорт не принимают! Ну?.. — Петя полез в карман, действительно лежала финка.

Через несколько секунд паспорта лежали перед ним на столе.

— А теперь кыш отсюда! Настучите — вам же хуже, — Петя помахал перед их носом паспортами. — Попробуете да еще раз затыриться — урою!

— А ксива, крестный?..

— Научились: "ксива", "крестный"... Сказал: кыш отсюда! Паспорта — когда надо будет, тогда отдам.

Он стоял один посреди пустой квартиры. Если в предыдущие полчаса его действия можно было бы при желании квалифицировать и как задержание преступников, то теперь Петр Бакин собирался совершить полностью противоположные поступки, а именно произвести здесь обыск. Почему? Неясно. Как говорится в сказке, "найди то, не знаю, что". Смысл? И смысла особого не было: в ГБ все же есть профессионалы, которые за несколько часов из любой квартиры сумеют сделать конфетку!

И все же майор Бакин решил поискать! Ну, скажем, из этого соревновательных соображений.

Он быстро обнаружил следы прежних обысков. В центральном ящике стола лежала коробка из-под сигар — абсолютно пустая. Легко было представить себе, что хранил в ней валюту, а может, рубли. Чья работа? Скорее всего, комитетчиков. А вот пустой бар и кавардак на кухне — мальчишки постарались.

Так, развлекая себя маленькими открытиями, Петя выходил из помещения в помещение. Но обнаружить

нигде и ничего не мог. Буквально нигде и буквально ничего.

Впрочем, и комитетчики ничего не нашли, если верить Санькиным словам.

А так не бывает, чтобы в квартире совсем ничего интересного. Что-нибудь да обязан был этот Мельник здесь беречь!

Впрочем, кагэбэшники все-таки нашли кое-что. Вот ж стоит сейф с открытой пастью — пустой кусок пространства, окруженный хорошей броней. Но ведь до обыска здесь явно что-то лежало... Занятная, кстати, вещица: Стенки толщиной чуть не в сантиметр. На дверце два шифровальных колеса — одно с цифрами, другое с буквами. Такой хоть сто лет открывай, не откроешь — если кода не знаешь.

Тяжелый, зараза, качественный!

Петя с трудом наклонил сейф. Чисто автоматически глянул вниз, на днище. Ничего там не было... кроме куск клейкой ленты, верхней всего, оторвавшегося при упаковке, или транспортировке, или — что-нибудь в этом роде. Опять же чисто автоматически Петя потянул за хвосты этой ленты. С легким треском она отошла. К днищу был прилеплена бумажка — величиною с почтовую марку Петя подцепил ее ногтем — бумажка упала на ладонь. Может, это и разыскивали кагэбэшники с таким тщанием ряд букв, потом ряд цифр, потом снова ряд букв. Каким то шифры. Возможно, сейфов. Возможно, что таких же. Для очистки совести Петя покрутил колеса на мельниковском сейфе: ЛАММ 1953 К-А... Никакого эффекта! Пробовал еще несколько комбинаций из тайной бумаги — то же самое... Это было что-то, понятное лишь Мельнику.

На всякий случай Бакин "сфотографировал" бумажку глазами. Прилепил на место липкую ленту, но уже был "двойного дна". Закрыв глаза, проверил себя... Да, он помнил — ряд букв, ряд цифр, ряд букв. Он держал в памяти много всякой всячины — абсолютно неизвестно зачем. Как старьевщик, который выбирает из мусорных баки разную чем-то привлекающую его дрянь: может пригодиться...

Он не поленился, зашел к Саньке, который действительно жил в следующем подъезде, у Мельника за стеной: оба грабителя были там. По пепельнице, забиты бычками, Петя понял: кумекали, чего же им дальше дель.

— Смотри мне, фраерня! Хоть на миллиметр не послушаетесь... А будете умницами, ксивы получите через пять дней. Запоминай: одиннадцать тридцать, метр "Таганская", на площадке между первым и вторым эск

ором... Аля-улю! — и бросил на колени Андрюхе чер-
тец.

ЦАРИЦА ИНТРИГИ

Наутро, причепурившись сколько это было возможно
чтисанитарных условиях ее театрального жилища, Ма-
рка отправилась на вокзал, где в одном из тесных и
курных помещений сидел капитан Синицын. Тес-
ное помещение было потому, что у нас все служебные
помещения тесны. Кроме, пожалуй, тех, которые для чле-
нов ЦК да для начальников Совмина. А прокуренный —
потому что капитан Синицын вообще много курил, с по-
пыткой же особенно!

Нынешним утром капитан был именно таков. Он угрю-
мо смотрел в неотложные бумаги, которые ему надлежа-
ло прочитать и подписать, а думал "про эту Марину-
..дину". Ведь действительно есть от чего обидеться.
И ж такого уж нехорошего просил ее капитан —
доверие личности показать. Тоже мне оскорбле-
ние!

Капитан вынул Маринкину ксиватуру, глянул на кар-
ту, убедился: баба и в самом деле хороша. И снова об-
ратился к Маринке. Подумал, что мыслит в русле старого
шута о том, как трое мужчин обсуждают свою знако-
мую: "Тебе дала?" — "Нет! А тебе?" — "Нет!" — "И мне
дала. Вот блядь!"

И подумав так, похмельный Синицын сообразил: Ма-
рка неминуемо придет за своим удостоверением. А
значит, если он подготовит ей те несколько папок, кото-
рые она так хотела посмотреть, то дело может обернуться
для нее неплохо.

Когда Маринка вошла в его кабинет, Синицын уже был
готовостоянии разыграть не очень искусную, но все же впол-
драматическую сценку. А Маринка рада была ему ас-
тигировать.

Маринка: — Здравствуйте, Саша!

Пауза.

Синицын: — Чего ж вы с людьми делаете, а? Это у вас
идет честно?!

Маринка: — Верните, пожалуйста, мой документ!

Синицын: — Эх вы! И запомните — никогда не надо
сказать! Потому что некоторые люди могут вам пове-
рить. Всерьез!

Маринка: — Вы, сами во всем (пауза) виноваты!
*Звонко теребит воротничок очень миленькой рубашки в
руку.* Верните удостоверение!

Синицын (*порывисто встает, и ему самому нравится его порывистость*): — Вот оно, возьмите! И вот те папки которые вы так мечтали посмотреть!

Пододвигает Маринке несколько папок и затем порывисто садится, мгновенно углубившись в работу... А правде говоря, в те бумаги паскудные, которые никак шли ему на ум с похмелюги.

Маринка тоже "углубилась", только по-настоящему. Это нелегкая оказалась работа для нее, совсем не легкая. Чего она, артистка, понимала в бесконечных рапортах, накладных, приказах, донесениях. Уже минут через двадцать Маринка пришла в отчаяние:

— Саша! Я ничего никогда не найду!

— Ну это уж вообще слишком! — воскликнул Синицын. — Заставлять меня искать вашего любовника!

А сам уже подсел к ней на совсем не рассчитанное двоим креслице, чтобы плечом касаться Маринкиных плеча, а коленкой — ее коленки. Коварная артистка отодвигалась. Некуда было отодвигаться. Пришла поплачивать гонорар этому в сущности вполне милому человеку.

И ведь он нашел. Хотя и не быстро, однако нашел.

— Вот же, эшелон из ГДР. Войсковая часть номер... это вам знать не обязательно, и пять единиц — полков типография... Как газета-то называлась?

Маринка уже успела подсмотреть название. Она сделала напряженную физиономию:

— "Боевой пост", что ли?..

— Ну правильно — "Боевая вахта"! — он протянул гору страничек. — Ерунда какая-то... Эшелон ушел. А типография... оставлена до особого распоряжения...

Эти последние слова он произнес шепотом. И удивленно, не то с испугом посмотрел на Маринку:

— Так вы этой типографией интересуетесь?.. Которая потом ушла в распоряжение ЦК КПСС?

— А что тут особенного?

Неожиданно капитан Синицын встал, посмотрел на Маринку с еще большим удивлением (не то испугом):

— Вы из Комитета?!

Второй уже раз Маринку в этом идиотском Бресте дозревали в связях с КГБ. Чертовщина какая-то! Она то встала:

— А вот этого вам знать не положено! — В душе по-соловьи: потому что сыграно было отлично! Но тут адский страх ее обуял... Спокойно! Ври! — И пожалуйста! Мне нужен билет на завтра до Киева, в "спальном вагоне". Я буду у вас ровно к девяти утра.

Уже на полуважных ногах вышла вон... Нет, задержит ее капитан Синицын не посмеет: он ведь тоже остался!

уватных ногах". Но когда шок пройдет — что он может сделать? Начать проверять, правда ли она приехала чекистскому заданию? Вряд ли: тогда сразу выяснится, он дико лопухнулся... Нет, пожалуй, все же попробует —нибудь окольно узнать, действительно ли Марина из или это лажа. На такую проверку уйдет время.

Хотя... Хотя что она понимала в окольных проверках, вообще в делах кагэбэшников! Надо отсюда срочно рвать ти!

Мухой (что на современном жаргоне значит "быстрее строго")... мухой она кинулась в билетную кассу... Бивов, естественно, не было! Очереди метров по сто были, икетов не было... Сволочи!

Кинулась к офицерской кассе. Там толклись человекка и-четыре. Ну это уж можно было выстоять. Сунула в окошко свое удостоверение:

— Я жена генерал-майора Распутина Виктора Павловича... Вы меня вчера, наверное, видели на концерте...

О, везение! Кассирша покраснела и заулыбалась:

— Да, я присутствовала...

— Умоляю! На первый же проходящий поезд... Если можно, спальный... У меня концерт в Москве!

— Сейчас... Сию минуточку все узнаю.

Она убежала куда-то во "внутренние покои". А Маринка осталась ждать, нагло уверяя себя, что билет сейчас будет. И даже в спальном! Ею было не раз проверено: настать не отпугивает, а наоборот — подгоняет к тебе удачу. Явилась кассирша:

— У вас вещи с собой?

Маринка кивнула... Черт с ними, с вещами — останутся яткам из "Тройки" на память. Деньги и паспорт с собой. Главное — исчезнуть отсюда.

— А когда поезд?

— Буквально через двадцать три минуты. Единственный билет, и как раз "СВ". Пожалуйста... ведь я вашего руга знала.

Вот это уже переборчик! Маринка быстро вынула бумажки.

— Он ведь был старше вас?

— Это его сын, — сказала Маринка, якобы затуманенным воспоминанием. — Спасибо вам!

И бросилась прочь от этой слишком знающей кассирши.

И ты тоже прощай, капитан Саша Синицын. Теперь не со увидимся... Разве что на том свете!

* * *

Маринка сидела в купе "СВ" напротив совершенно ровной девчонки примерно ее лет, тренерши по

синхронному плаванию. Они с аппетитом ели девчонки жареную курицу и с аппетитом же трепались на разабабские темы.

Последнюю четверть часа перед отходом поезда Маринка провела в до невозможности вонючем привокзальном туалете. Стоя — извините — на толчке, она смотрит в крохотное, как амбразура, туалетное окошко, из которого была видна крыша ее поезда. И так Маринка стояла тех пор, пока крыша эта не поползла потихоньку. Тогда тогда Маринка посмела выскочить, прыгнула на подножку первого же проходящего вагона.

— Куда, шалава? Жизнь не дорога?! — закричал усатый проводник. Впрочем, не очень строго, потому что "шалава" — то была красивая.

— Да пусти ты! Я не в твоём, я в "СВ" еду!

Уже забравшись в тамбур, она оглянулась на пролетающую мимо платформу. Не было там ни капитана Игнатицына, ни вообще каких-либо подозрительных рыл. Что вы, собственно, называете "подозрительными рылами", что вы, девушка, в этом понимаете?

И тут ей ни с того ни с сего так вдруг легко сделалась И она от души расхохоталась над собой, сидевшей вонючем "дабле".

— Ну, усатый, убедился, что я своя? — Она взяла у проводника билет. — В какую сторону мой десяток вагонцев?

Теперь, наболтавшись, навевшись курицы с чаем, Маринка и новая ее подружка Наталья занялись как своим. Наталья взялась за кооперативную брошю "Зигмунд Фрейд. Табу девственности", а Маринка легла на диванчик и стала в голове прокручивать события последних двух суток. Сколько же всего успело случиться, и какая, е-малина, она молодец. Просто Мата Хари нашей советской действительности.

Но и Марик, само собой, гений.

После того как Халдей вырвал у нее из рук тот драматический "Известий", он сидел потом молча невообразимо долгое время — Маринка буквально чуть не лопнула. Вдруг он и говорит:

— Видишь ли, Мариночка, какая штука... Сейчас я скажу тебе детектив!

И рассказал. Действительно детектив.

Вальтер Хоффман, партийный функционер Восточной Германии, берет со счетов бывшего функционера КПД Валерия Мельника сто восемь миллионов марок, испрося при этом липовое советско-датское предприятие. И же это денежки? Да партийные, естественно. Коммунисты двух братских партий общими усилиями отмывают неведомо нажитую валюту.

Но каково происхождение этих миллионов? СЕПГ кричит, что чиста перед немецким народом. И по документам действительно чиста.

Тогда что же и как же?

Наступает черед "тапочкового" куска газеты, на нем лентка о сгоревшей фабрике, которая печатала восточгерманские марки... И начинается чистая халдеещина, есть чистая фантазия. А что если, говорит Марик, фабрика не сгорела, а была подожжена? И что если перед ее сжиганием там было демонтировано несколько станков, со складов взято некоторое количество спецбумаги? Почему все это исчезает... в одной из советских воинских частей, которая как раз уходит из ГДР на Родину, военный эшелон и оборудование для дивизионной типографии — всего подозрительного.

То, что оборудование без проблем пересекло границу — это сомнению не подлежит. И попало в Брест! Ибо — единственный перевалочный пункт на пути в ГДР. Дальше должна была случиться некая "затылочка". Единственным надо ехать к месту новой дислокации. А станки необходимы... где? Вернее всего, в Москве. Значит, в Москве должен был состояться "акт передачи". Естественно его не афишировали, однако следы найти можно. За Маринку и отправилась в Брест.

В бумагах, которые она выцарапала у Саши Сеницына, есть довольно-таки основательный бардак. Это зависело только от Сашиного "спокойного" характера, но и от того еще, что через Брест проходила чертова гибель разрозненных воинских подразделений из ГДР, Польши, отчасти Югославии и Словакии.

Все же Маринка нашла то, что искала (при помощи Сары — разумеется, но сие не важно). И еще раз изумилась истинности предположения Марика. Все совпало буквально до запятой. Три платформы типографского оборудования и еще два пулемета в придачу — наименование за не обозначено...

Маринка не совсем тогда поняла, почему Сеницын так эмоционально вскочил с ее коленок. Бедный капитан все забывал. А вспоминать ему этого совсем не хотелось... Южную часть гнали в Южную Белоруссию, под черноморские лихие дожди. Типографию же следовало оставить — так было сказано в телеграмме Министерства обороны.

И загнанных на запасные пути вагонов топталось хитрое охранение. Капитан счел своим долгом осведомиться, не нужна ли какая боевая солдатская помощь. В ответ очень твердо его послали на фиг, из чего многотысячный Саша заключил, что имеет дело с Комитетом. Через два дня, и опять из Министерства обороны, при-

шло новое предписание: передать вагоны в распоряжение уполномоченного ЦК КПСС... Выходило, что вокруг несчастной типографии каким-то образом заплелись интересы сразу трех змеев-горынычей: КГБ, ЦК и Военки! Саша, который имел хороший дом, хорошую жену, хороших друзей и хорошую работу, понял: это не его ума дело, забыл про вагоны, как только они отбыли со станции Брест. Он хотя и давно уволился из флота, однако твердо соблюдал святое правило моряка: подальше от начальства, поближе к камбузу.

Теперь, сидя в своем еще более прокуренном кабинете, он почти с ужасом размышлял об этой "траханке бабе". Саша мучительно напрягал испорченную парами собраниями интуицию и прикидывал, что же ему сделать: настучать или снова все забыть. В тот день он так ничего не решил. Но на следующее утро, когда Маринка не явилась за билетом, Саша наконец принял решение. До того уж страшно было, до того уж сердце колотилось истерически, когда он набирал номер полковника Василевской и твердым голосом попросил того о немедленном свидании.

Маринка же, дурочка, ни о чем таком не думала, уверенная в своей полной неуловимости. Она продолжала размышлять про гениальное жульничество, гениальность предсказанное ее дорогим Халдеем.

Итак! Станки и бумага попадают в какой-нибудь укромный домик на краю... по-видимому, Москвы (чтобы ЦК и ЧК всегда могли это дело проконопатить).

Поставили станочки — и, как говорится, пошла вода на свет рождаются абсолютно неучтенные марки ГДР. И переправляют через границу и с помощью господина бакира Отто Штилике обменивают на марки ФРГ, как то решил симпатичный канцлер Коль, то есть, проще говоря, резаную бумагу меняют на деньги, которые далее по своим каналам отмывают Мельник и Хоффман... И главное — концы в воду: ведь по распоряжению того же милостивого господина Коля и его Бундестага обмененные марки ГДР подлежали уничтожению — сжигались самым естественным образом.

Теперь ей оставалось только явиться к Халдею и поздравить его с творческой победой. И не страшны были пошлые кагэбэшные обвинения.

Однако она решила сперва узнать, где же ЦК КПСС делает свои фальшивые денежки. И уж только тогда, "Здравствуй, мой любимый! Ты умен просто до ужаса!" и я кое-что соображаю".

ОЧЕНЬ СТРАШНО

Однажды в ФРГ ему очень захотелось позвонить Маньке. Поборов стремление всякого советского человека омонить за границей каждый грош, отправился на поисмеждугородного переговорного пункта. И не мог най- . И сказать по правде, втайне радовался, что вот и "у их" чего-то нет.

Оказалось, действительно нет. Потому что в другой год и в другую страну можно позвонить из любого лефона-автомата! Это было для Халдея едва ли не самым сильным фзэргэшным потрясением.

Историю со звонком он вспомнил лишь потому, что ара, намучившись как собака, нанервничавшись, часа за лтора он-таки сумел заказать разговор с Франкфуртом, отащил верблюда через игольное ушко. Но, естествен- , заказать можно было лишь на следующий день — на годня то есть. Девять утра по Москве — это было их ычное с Софой время... И теперь он ждал, когда его со- инят.

Но спокойно ждать Халдей не мог! Он думал и думал том, что рассказал "вернувшийся с задания" Петя Ба- ч... Так и хотелось переспросить его: "А все-таки вы зрены, что в истории с Татьяной... это Комитет?"

Но и сам понимал, что Комитет. А это значило... О, это зчило, что все они — все, кто так или иначе замешан в гории, — ходят, так сказать, "под Богом".

И еще он думал о многоликости КГБ. Есть у них те, ко- анекдот времени Никиты Хрущева называл "искусство- ацами в штатском". И есть старший следователь полков- к Духовнин, которого главная задача запутать, а потом ларать, а потом положить человека мордой в лужу, том без единого грубого слова. И есть вот эти, кото- э безжалостно, рационально... Тут и речи не было о ой-то мести... Просто работают, а работать нужно чис- — так, наверное, они рассуждают. Чтобы никаких не- ных следов, никаких случайных свидетелей. Халдей омнил, как уговаривал Таню пойти в "Странник". Она, ринципе, была специалистом очень высокого класса, а могла бы вести свое дело, но совершенно не умела оводить.

И вспомнилась ему жена Мельника Людмила, которой вилось, чтоб ее называли Люкса. Жирная красавица, а Кустодиев, любительница выпить и закусить, без ма- щины вообще не мыслящая себе русской речи.

Где она теперь? Что с ней делают?.. Становилось не- зпимо, когда Халдей представлял себе Люксу с разби-

тым лицом, с вырванными ногтями... Впрочем, он совсем не знал, как пытаются в КГБ. И знать не хотел!

И тут самые страшные мысли набрасывались на него со всех сторон. Халдей сидел, весь облепленный им словно больной псориазом — своей коростой... Ведь Мариночка ничего не знала про Таню, про Мельника. И поэтому, конечно, вела себя с обычной своей блестящей и налой самонадеянностью. Она и машину водила так же словно это не машина, а танк.

Халдей ломал голову, как ее предупредить. И понимал, что предупредить невозможно. Он не знал даже гостиницы, да вернее всего Мариночка и не жила в гостинице.

Нет, он никак не мог ей помочь, абсолютно никак. Ему оставалось только молиться. Но и этого он не мог, потому что не знал ни еврейских, ни русских молитв. Как очень многие советские люди его поколения, он был безбожником. Не столько из действительных и твердых убеждений, сколько из-за того, что верить было опасно для жизни.

Не верил он и в чертовщину телепатии, в экстрасенсы. В некотором смысле он являлся классическим порождением сталинской системы и твердо знал, что после смерти не будет ничего.

Что же ему оставалось? Ждать — может, она обрывается каким-то чудом. Он и ждал, курил сигарету за сигаретой, отлично понимая, что это никак не поможет. И все-таки курил.

Наконец телефон залился особыми "международными" звонками. Соня!

И схватил трубку.

— Это 241-34-74?.. Номер во Франкфурте не отвечает.

— Не может быть!

Телефонистка промолчала. И знал Халдей: сейчас она положит трубку — тогда вообще каюк!

— Пожалуйста, перенесите разговор на двадцать два. Спасибо!

Вечером они точно будут: все же маленький ребенок!

ЕЩЕ ДВЕ МАРИНКИНЫ ЖЕРТВЫ

Они прибыли в тот прекрасный час, про который популярная некогда советская песня радостно голосила: "Утро красит нежным светом стены древнего Кремля. Просыпается с рассветом вся советская земля..." И дал "Кипучая, могучая, никем не победимая..." Маринка себя чувствовала именно такой.

тем более все складывалось наилучшим образом. Наю, добрейшую фигурную пловчиху, встречал на вокзале любовник, медведеподобный мордovorот метра под дюймоист-супертяжеловес, притом явно младше Натальки года на три-четыре, который, однако, пока они встали к площади Белорусского вокзала, очень мило разговаривал их светским разговором.

Тора было прощаться. Она расцеловалась с Натальей, тядела, как влюбленные отчалили на Жориных, украинских всевозможными железками "жигулях", подумав родной "вольвочке" — эх, ее бы сейчас сюда. Но ж сколько времени потерять! И, вздохнув, отправившись обратно на вокзал, чтобы ехать на станцию жва-Сортировочная, куда три меслца назад должны и прибыть те самые вагоны.

То пути к начальнику станции Маринка решала, кем ей здесь прикинуться... Снова крутить "Санин вагон"? Нет уж, извините — это вам не Брест!

Что же делать?

Может, сказать: "Я журналистка"?.. С сомнением уставась в свое удостоверение Москонцерта... А ведь, пожалуй, сойдет! Скажу: "Из журнала "Театральная жизнь". Затея интересуется состоянием железнодорожного спорта". Артистам же приходится много ездить... Ну и, конечно, скромно-обаятельная улыбка...

Начальник станции, человек лет пятидесяти пяти, с таким, до крайности замотанным лицом, мельком взглянул на ее сомнительный документ:

— Я не пойму, что вам угодно.

— Мы хотим разобраться! — Маринка глотнула воздуха словно рыба, которую взвешивали на магазинных весах.

— Мы актеры. Нам ваши образы в искусство нести! А на железной дороге есть хищения, вы согласны?.. И алые!

Начальник нервно и устало пожал плечами.

— Я и говорю, — продолжала Маринка, стараясь не вклиниться с интонацией "человека искусства", потому что так напротив нее сидел неглупый, — о том и речь. Но ведь тоже понимаем, с каким напрягом вы работаете! Начальник станции устало махнул рукой.

— Вот мы и решили, — продолжала Маринка, — взять любой какой-то день... Летний, наверное, лучше: работа легче...

— Лето на нашу "жару" не влияет, — начальник вяло бормотал. — У нас всегда работы под завязку.

— Я просто знаю, что готовится несколько публикаций к лету. И хочется им ответить!

— Так вы собираете положительный материал? — звонко оживился начальник.

— Чего бы я к вам пришла! Давайте вот возьмем... Я не знаю... семнадцатое июля...

— Почему семнадцатое июля?

— А это мой день рождения, — наивно улыбнулась Маринка.

Именно семнадцатого должны были прийти вагоны Бреста.

Через десять минут у нее была документация — сколько тяжелых, словно бетонные плиты, папок. По лому, но все же опыту работы в Сашином кабинете ринка довольно быстро разобралась, где именно коп Начальник с некоторым сомнением поглядывал на нее.

— Заодно читатель узнает, и как документы хранятся теперь в большинстве организаций такой разор!

— Интересно заостряете! — усмехнулся уже окончательно оттаявший начальник.

Вагоны нашлись в папке "грузы из-за границы", платформы, два пульмана. А увозила все это хозяйка машина за номером таким-то. Более ей не хотелось терять тут ни секунды, поэтому она уронила вдруг горшок на стол, испустила сдержанный, но достаточно громкий стон. Начальник отреагировал немедленно.

— Плохо что-то, — объяснила Маринка глухо. — Спасибо. Мне лучше всего домой. Попросите, пожалуйста, чтобы поймали такси.

Она, коварная, конечно, знала, что отвезут!

В машине Маринка не стала валять дурака, засмол с сигаретку, угостила шофера. Всю дорогу они болтали о сем. Когда-то у Марины Цветаевой она прочитала такую фразу: "С каждым говорю на его языке". Марины в силу своего таланта к лицедейству, освоила эту манеру общения раз и навсегда.

Короче, они доехали отлично и расстались дружно. Шоферюга помчал халтурить, потому что начальник с этим никак не мог знать, сколько придется возить ушлую в обморок "журналистку". А Маринка уверено толкнула дверь проходной, улыбнулась знакомому дедушке-вахтеру и оказалась на территории гаража и мастерского цеха "Правда".

Тот, кто не сталкивался с издательством "Правда" едва ли представляет, какой это ужасающий спрут, пустивший щупальца чуть ли не в каждый дом. И, наконец, не надо объяснять, в чем тут дело: ведь это издательство — собственность ЦК КПСС!

Однако Маринке некогда было делать столь глобальные обобщения. Она дошла до административного корпуса, поднялась на второй этаж, улыбнулась молодой незнакомой секретушке ("уже успел сменить, как старый!"):

— Владимир Владимирович у себя?

— Как о вас доложить?

— Ого!

— Скажите, главный режиссер театра "Вымя" Марина Путина.

Через секунду из кабинета появилось толстое пузо, а ом и сам "Владимир Владимирович":

— Машка!

— Вовик!

Обнялись по-братски, вошли в кабинет.

— Ну, голубка, чего тебе надо? — спросил он, простодечно улыбаясь. Потому что действительно рад был еть Маринку. А кто, интересно, не был бы рад ее ви- ь!

— Почему обязательно надо?

— Да ведь ты просто так не зайдешь! — и тут в его го- е прозвучала обида — столь же простосердечная, как стосердечна была его радость.

С Вовиком Маринка была знакома лет сто. Учились сте в автодорожном институте — во сколько воды сло! С курса третьего он вылетел за якобы диссидент- е дела. Но в основном за неуспеваемость... По правде оря, Маринка тоже вылетела — причем вскоре за Во- ом. Потому что все дни проводила в клубе — то репе- ия агитбригады, то новый "КВН".

Маринке повезло: ее быстренько взяли на эстраду, по- пригрел родной Москонцерт. А Вовик со страшной ой загремел в Красную Армию, там долго прикиды- ся психбольным, ел землю из цветочных горшков и ал что-то еще тому подобное. Однако его хрен комис- али. И отслужил он все положенное и, вернувшись на жданку, стал шоферить. Потом потихонечку выбился в альники, поскольку у него все же было "незакончен- высшее".

Не виделись они — ну вот буквально лет пятнадцать, с титута. Но когда жареный петух клюнул Маринку, ког- надо было из небытия возвращать родную девочку — львочку", быстренько нашла она Вовика Миронова... А дому нормальному человеку известно: чтобы у нас инить машину, одних денег совсем недостаточно — авай отношения! Вовик — голуба-душа думал, что это зовь, а Маринка думала, что во имя "машины-зверя" кно поступиться некоторыми наименее незыблемыми нципами... эх!

Лишь под конец Миронов понял ее. Спросил с суро- тью пятилетнего ребенка:

— Продинамила?..

Потому и теперь он произнес:

— Да ведь ты просто так не придешь!

— В следующий раз, Вовуль, честное слово, при просто так!

Он вздохнул безнадежно и печально, как бык, которому все не удается подцепить на рог тореадора:

— Хрен с тобой, выкладывай. Только по-быстро! Маринчик. Времени нету.

Ну и хорошо, что так.

— Мне нужен адрес гаража ЦК КПСС — где у них гр зовики. Чтобы перевезти громоздкие штуки, полиграф оборудование, в общем.

— Да у них этого отродясь не было, — Вовик удивленно пожал плечами. — А уж теперь-то тем более.

— А если им надо?

— Ну... заказывают.

— Можешь по номеру узнать, где заказывали?

— Не знаю... покажи, — и взглянув на бумажку: — Т это наша машина!

— Серьезно? — не верила она в свою удачу.

— Хреновость какая-то вышла?

— Абсолютно ничего. Где она сейчас?

— В гараже, по-моему. У него сегодня ТО-1.

— Вовуль, пожалуйста! Вызови сюда водилу. И... с тавь нас наедине.

— Напрягаешь ты меня! — однако нажал кнопку + чальского звоночка: — Астахова ко мне попросите!

Потом несколько минут они сидели молча, оба понимали, что вести разговор про "как дела" и "как дома" ей глупее, чем просто молчать.

Вошел мужик лет пятидесяти в замасленной спецовке. Сел не спросив, не здороваясь. С начальником у него видно, были не самые изумрудные отношения.

— Товарищ задаст тебе несколько вопросов, а мне надо... — и не договорив, куда ему надо, Миронов вышел кабинета.

— Смотри каких вопросов, — бросил Астахов. Одна завгар уже его не слышал, и вся хмурость тона достала Маринке.

— Да самых простых... Вы семнадцатого июля куда в зили полиграфические станки?

— Какие станки?

— С Белорусского. Вернее, со станции Москва-Сорт ровочная.

— Я там вообще не был года два!

Она растерялась на секунду. Но тут же сообразила:

— А сменщик у вас есть?.. Он в гараже сегодня?

— Дома.

— Знаете его адрес?

— А почему я его должен вам давать?

— Ну ладно уж вам! — Маринка вполне искренне уснулась. — Нашли тоже секрет!

— Хм... — Астахов уже спокойнее посмотрел на нее. — Журналистка, что ли?

— Правильно! — сказала она, радуясь его столь удачной ошибке. — Правильно! Поэтому человек совершенно зобидный.

— Записывай!

Из кабинета они вышли вместе. Наверное, Маринке было бы выудить из Вовика машину. Однако пользоваться старой дружбой тоже надо в пределах... ох, конечно, что не поцеловались на прощание. Ладно. Извинимся по телефону.

А зато ей повезло — такси поймалось на раз. И через двадцать минут Маринка уже была в Лефортове, на той же улице, которую начальство какое-то очередное время хотело сломать, чтобы наставить железобетонных заборов, а москвичи хлоп — и демонстрацию! То были мантические времена, когда люди верили перестройке, начальство боялось народных манифестаций.

“СМЕРТЕЛЬНЫЕ СРЕДЫ”

Время приближалось к трем. Абсолютно никто не звонил, абсолютно ничего не случилось. Квартира Халдея, титая скучным октябрьским светом, напоминала вырванный пруд, а сам он мог бы играть в этом пруду роль трюфа, всеми забытого рака, для которого рыбаки пожапи даже мелкий кусок гнилого мяса, чтобы приманить его, дурака, да и выловить... Гэбисты действительно Халдея не беспокоили, что представлялось ему отчасти... идным!

Нелепая эта мысль заставила Марка улыбнуться. А дьябла словно б только того и ждала. “Блям-бам-бам” — звенела труба у кровати. Халдей радостно, как мальшка, припустил в спальню: “Блям-бам-бам”, что, мол, вай, Петечка, заходи. Так было у них заведено. Халдей шь однажды спускался на Петин стук. Обычно он просто отвечал и ждал соседа к себе. Они ни о чем таком не говорились — получалось само. Да и как по-другому, гда Халдей был старше чуть ли не на четверть века.

И действительно — минут через пять Петя уже сидел у лдея на кухне. Сегодня он заходил в магазин, где якобы ботал грузчиком. Благодарный директор из своих тайков продал ему полдюжины советского баночного пива оловое кольцо” и колченого леща. При этом благодетль спросил с Пети совершенно неадекватную цену. Од-

нако эск-майор решил плюнуть на такие мелочи. Ког, десять лет не пробовал баночного пива, до лишнего ли т бе червонца!

Сейчас они терпеливо и вожделенно, как два ко перед крынкой сметаны, сидели перед холодильником ждали, когда пиво обретет кондиционно-охлажденн вкус.

Между прочим, кроме выпивки Петя принес еще и г зеты — те, что лежали у Халдея в почтовом ящике, и н мецкие, купленные в киоске.

— Послушайте, Петя, но как вы открыли мой ящик?

В ответ Бакин скромно улыбнулся:

— Марик, такие замки я открываю просто взглядом! Халдей продолжал перебирать газеты:

— А вот это не моя! Вы, извините, ничей больше ящ взглядом не открывали?

Пауза проползла черной кошкой. Халдей понял, ч сказал бестактность!.. А Петя понял, что Марк раск вается за свои слова. И улыбнулся:

— Наверное, почтальонша перепутала, — проборм тал Халдей. — Ладно, после разберусь...

А это был, между прочим, "Коммерсантъ". Марку е хотелось посмотреть. Но и неловко было теребить чужу газету. Тогда он вообще отложил все русские издани взялся за немецкие. Петя в это время аккуратнейши образом разделявал леща. Он действовал с наслажд нием и высочайшим мастерством. Халдей иногда поди мал глаза от газеты, глядел на Петю и улыбался... Стра но, несмотря на такую разницу в возрасте, им было х рошо друг с другом. Причем они вовсе не обязательн должны были вести задушевные беседы. Можно и вот т: один читает, другой, например, чистит леща... А чаще с: себе показывает карточные фокусы. Наверное, дело том, что они любили друг друга. Долго говорить, из че складывалась эта любовь. Главное, она существовала... у Халдея как-то само собой отлегло от сердца. И хотело верить, несмотря на все атеистические бредни, что анге хранитель все же витает над Мариночкой и с нею ниче не случится.

Петя окончил свой ювелирный труд, помыл руки, д стал из буфета две тяжелые хрустальные кружки:

— Марк, а не слишком ли мы с вами большие педа ты? Сколько можно его охлаждать!

И пошел к холодильнику. Даже успел открыть дверь! Тут Халдей увидел эту заметку и этот снимок!

Хохочущий Вальтер Хоффман в теннисной форме аляповатым, чисто немецким, как автоматически отмет про себя Халдей, кубком в руках... Статья называла "Смертельные среды". Какие-то идиотские подробности

я жены, имя любовницы. И наконец то, что он так искал как боялся увидеть:

“...был обнаружен мертвым в лесу, вблизи виллы, выданной ему в пользование компартией на вечные времена... Следы насильственной смерти... Есть основания предполагать... с целью ограбления... Но почему оказался яесу в дорогом костюме, с золотым “ролёксом” на руке — зачем в чаще ему понадобился большой, крокодиловой кожи бумажник, найденный в нескольких шагах...”

Петя заглянул в газету, нашел знакомое имя:

— У нас это называлось: глухаря надыбал...

— Что?

— Замочили товарища Хоффмана?

— Именно, Петечка. И теперь никого не осталось из афиозной шайки международных валютчиков”, только ирк Халдей.

— Вы не правы! Еще остался его подручный, уголовник Петр Бакин! — положил Халдею руку на плечо. — А э-таки давайте шлепнем пивка!

8000 РУБЛЕЙ

Улочка эта невелика, менее километра длиною. Одну сторону почти всю занимал военный госпиталь, основанный еще Петром Великим. А по другой стояли престные двух- и трехэтажные домики, построенные, кажется, на пожертвования и, кажется, для инвалидов обоны Севастополя 1856 года, в которой, как известно, принимал участие молодой Лев Толстой.

Домики эти были сделаны на совесть, как-то очень этно, с простым, но красивым каменным кружевом. И аринка сразу поняла: плохой человек тут жить не может. А значит, дело у нее выгорит. Алексей Воскресений — вот как его звали.

По широкой и плавной лестнице она поднялась к нужной ей квартире. Дверь была приоткрыта: тоже очень не временно и мило — при наших-то грабежах и такая дочливость. Из вежливости надо бы, конечно, брякнуть в онок, но Маринка подумала об этом лишь после того, к вошла. И пожалуй, ее можно было простить: очень уж терпелось!

На кухне благообразная старушка из бывших лифтерш ирила рыбу. Запашенный по кухне гулял несусветный, тому старушке и пришлось приоткрыть дверь. Опытная аринка сразу поняла, что это кухня коммунальной варры: два стола, две полки для посуды, два...

Словом, каждой твари по паре. А кухня одна.

Старушка подняла усталое от жары лицо.

— Здравствуйте, — Маринка улыбнулась очень спокойно и очень приветливо — чтобы как-то "компенсировать" свое вторжение. — Мне бы Алексея.

— Рано пришла! — ответила старуха неприязненно.

— Что?

— Калымит он еще. Подожди, коли есть охота. Только не здесь, само собой. На улице!

Наконец Маринка поняла: ее принимают за любовницу. А любовниц здесь не жалуют... Но почему эти старухи всегда во все суются!

— Я вообще-то по делу!

— Известны твои дела!

Вот тебе и "привлекательный домик"! Хотелось покрепче обmaterить старую лошадь. Однако возможности такой Маринка не имела.

— Послушайте, уважаемая! Я из издательства "Правда". Мне Алексей Воскресенский нужен по работе. Скажите, пожалуйста, когда он будет?

Старуха с явным остервенением принялась шуровать сковородке. Раздался оглушительный залп шипения и треска. По кухне разлетелось новое облако самых отвратительных и нищенских ароматов.

— Прошу вас, ответьте мне!

— Ну часов в шесть, в семь.

— Благодарю!

И ушла к чертовой матери... Все-таки надо было обmaterить эту суку! Но Маринка имела идиотскую привычку на хамство отвечать презрением. Люди между тем чаще всего этого не понимают и думают, что ты испугался или что тебе нечего ответить — в общем, считают себя победителями. Об этом Маринка долго и злобно думала, сид на лавке перед подъездом, где жил Воскресенский. И самое ужасное, что с собой ни книжки, ни газеты — то есть заняться ну абсолютно ничем, только сиди и психуй. Это были, наверное, самые отвратительные часы в ее жизни!

Наконец он появился, сукин сын, в половине восьмого. Маринка продрогла до последней степени и голодная была по-сумасшедшему, и, честно говоря, ей сильно хотелось писать. И еще нестерпимо хотелось всех виноватых таком ее состоянии трясти за грудки и хлестать по морда сам. Но опять она не имела такой возможности!

Маринка сразу поняла: это и есть Воскресенский — едва он вылез из "Жигулей" (на которых "калымил", то есть зарабатывал деньги извозом) и направился в "тот самый" подъезд.

Маринка упругим решительным шагом пошла ему навстречу:

— Здравствуйте! Вы Алексей?

Парень практически без всякого интереса посмотрел вполне симпатичную "крошку". Ему хотелось треснуть акан, как следует пожрать и включить видак. Старуха но преувеличивала его сексуальные потребности. После лого дня за баранкой во гробе он видел всех баб на ете!

Но не деньги!

И это за полсекунды поняла великая Маринка:

— Хотите заработать?

— Что значит "заработать"?

— Цену назовете вы!

— Для вас это опасный вариант.

— Я не боюсь опасностей.

— Чего делать надо?

— Ехать... Разве вы еще что-то умеете?

— Я бы мог, конечно, с вами поспорить... — Воскресенский в упор посмотрел на Маринку. — Но сейчас не до ого.

Маринке-то определенно было не до этого. Она блаженствовала, согреваясь.

Выехали на улицу, которая представляла собой длинную пологую гору, спускающуюся к Яузе.

— Куда путь держим?

— А это вы должны сказать!

— Не понял. Может, вам лучше выйти? — Не хотелось лу этих непонятностей...

— Вы все же приткнитесь к тротуарчику — потолкуем минуты две.

Воскресенский проехал еще метров пятьсот. Поглядел все зеркальца, нет ли чего опасного, и наконец остановился. Это было что-то невзрачное, плохо освещенное, ставленное жуткими железобетонными коробками производственного типа. Маринка машинально глянула в окно и прочитала: "Госпитальный переулок, дом 8".

— Ну и что же тебе надо, девушка?

На "ты"? Правильно. Без церемоний... И продолжала рать свою так неожиданно придуманную роль:

— Вспомни, что ты делал семнадцатого июля.

— Ха! — Воскресенский удивленно уставился на ее. — Ханку жрал, извиняюсь. Это же мой день рождения!

Невольню Маринка вздрогнула от такого дикого совпадения: ведь сегодня утром она в том же уверяла железнодорожного начальника. Спокойно, спокойно! Поехали льше.

— Алексей, не то. Семнадцатого ты был на станции осква-Сортировочная. Мне нужно знать, куда ты возил нтейнеры. Это будет стоить... — врать, так уж врать! — ить тысяч рублей.

Само собой, Воскресенский среагировал на обалденную сумму. Однако он совсем не спешил запускать мото своего драндулета, чтобы везти Маринку на подпольную фабрику денег.

— А тебе зачем? — спросил он неприязненно.

— Ну уж по крайней мере не за тем, чтобы потом доносить на тебя в ЧК!

— Это я, допустим, сам понимаю. А у тебя ксива есть Положительно: все мужики сделаны на одну колодку.

— На! — она ткнула Воскресенскому свое многостральное удостоверение.

— Ничего не понимаю! Ну и зачем тебе это?

— Много будешь знать, плохо будешь спать!

Тут он дернулся как-то непонятно:

— Нет, не поеду. Вылезай!

— Тогда адрес дай, получи свои деньги и пошел в эту... забыла, как называется.

— Не знаю я адреса! Там улица вообще без названия. Тупик какой-то.

— А глазами-то помнишь?.. Ну и поехали!

Он, как говорится, усмехнулся криво:

— Стало быть, сказка про белого бычка?

— Ты чего хочешь-то, Воскресенский?

— Ничего не хочу. А больше всего приключений и свою жопу!

— Так и так будешь их иметь! Неужели мы про тебя гзбистам не объясним все, что нужно!

— Ты чего, демократка что ли? За Станкевича?

— Вроде того... И кончай трепаться! Получи пять и вези!

— Десять хочу!

— Сволочь ты! — сказала Маринка вполне искренне. — Давай тогда к автомату.

Залезла в будку, набрала 225-20-02 — прием телеграмм по телефону. А он вечно занят. Воскресенский и машины ничего не мог видеть, кроме того, что она действительно набрала семь цифр. Потом изобразил оживленную беседу: мол, ни черта не могу поделывать этим подонком. Трубка исправно отвечала ей короткими гудками.

Наконец показала Воскресенскому на пальцах: "Во семь". Тот усмехнулся и кивнул... Жлобина! Теперь надо думать, как от него отбояриться. Такой за свои манюшки удушит!

Но это позже... Села в машину. Воскресенский достал бумажник, призывно шлепнул им по ладони:

— Деньги вперед!

— Деньги назад! Ты сперва дело сделай. Куда я о

«бя денусь-то? — пусть привыкает, что он хозяин положения.

Поехали наконец... Дорога оказалась неблизкой. С севера на юг, из Лефортова на Каширское шоссе.

Воскресенский развлекал Маринку следующим странным разговором:

— Они мне, когда все контейнера перевез...

— Кто "они"?

— "Веселые ребята"! Подарок мне — "Пожалуйста!" ткуда пронюхали про день рождения!.. Все знают! Но, — говорят, — надеемся на вашу скромность". Я дураком прикинулся: "А чего такое?" Они: "Меньше будешь чать, крепче будешь спать!" — твою же поговорку!

Так вот он из-за чего дернулся тогда... Это, паренек, в моя поговорка и не кагэбэшная. Ее всегда вспоминают, эгда труса надо припугнуть... Но, естественно, промолзла.

Уже где-то недалеко от окружной Воскресенский свернул с Каширки, погнал машину в глубь квартала:

— Приготовься! Вот оно, смётри!

Скудно освещенное фонарями, мелькнуло что-то вухэтажное...

— Остановись!

— Сейчас! Только разуюсь, шнурки поглажу... Меня и зк могут засесть! Спокойно! Я тебя подвезу еще метров вести и высажу. Ты пехом возвращайся, а я тебя у шоссе одожду... Деньги давай!

— Нет, милый! Деньги — когда ты меня куда-нибудь в ентр отвезешь. Ты свои тыщи взял и тю-тю, а я тут одна уковать? Времени уже начало десятого!

Воскресенский молча тормознул — Маринкины слова или вполне справедливы. Хотя и столь же лживы! Но кто б этом знал, кроме нее?

План родился сам собой — словно без всяких усилий. Она остановилась напротив того двухэтажного ничем не рмечательного домика, обнесенного железной оградой, и принялась якобы ловить машину. Сидящий в будке ент со скучной заинтересованностью смотрел, как Маринка махала рукой и смотрела за ограду... Дом как дом, остройка современная. Таких в Москве пруд пруди: то и закрытый институт, то ли гостиница для партийных онз областного значения, то ли особняк гэбистских свианий. Какая бы то ни было вывеска, естественно, отсутговала.

Прошло минут десять. Она увидела все, что могла. Даве мордочку микрогрузовика-"уазика" за углом, который, быть может, и увозил те самые фальшивые марки. х! Сейчас бы самое время действительно подцепить машину и ходу от милого Алеши Воскресенского.

Впрочем, ему сюда возвращаться очень даже страшно — будет же как миленький ждать у Каширки... хрен дожидется!

Тут она наконец и склеила "Москвича" со смиренным сидым водителем лет пятидесяти пяти.

— Здравствуйте! Увезите меня отсюда по-быстрому — за любые деньги!

— Куда же вас "за любые"?

— Лучше бы в Центр. А не получается — куда может

— Ну... — водитель пожал плечами. — Прошу!

Маринка едва только дверцу успела захлопнуть и сейчас же увидела: прямо на них летит "жигуль" Воскресенского.

— Ой! — сказала она с искренним испугом. — А слава вам увезти меня... от моего любовника проклятущего? — и вложила в руку водителя пятидесятирублевую бумажку — последнее, что у нее оставалось!

— А он кто?

— Осел!

Воскресенский тормознул буквально к ним впритирку. Но водитель "Москвича" довольно ловко его объехал — как говорится, дал по газам. Пока Воскресенский разворачивался на этой узкой улочке, среди обычных для нашего города рытвин, они успели порядочно отъехать. Потом очень удачно проскочили под светофор, оставив Воскресенскому красный. Однако он плевал на такие условности, гнал за ними. "Ах, денежки! Как я люблю вас, мои денежки..."

— Пожалуйста! Прибавьте немного!

— Нет уж. Вы лучше возьмите назад свою пятидесятирублевку! — водитель тревожно смотрел в зеркальце, висящее над ним. И вдруг: — Ой! Смотрите-ка, что делается?!

Маринка обернулась. И прекрасно все увидела — потому что их машина остановилась у светофора. "Жигуль" Воскресенского стоял у обочины, рядом машина мигалкой ГАИ — то ли "БМВ", то ли "мерседес" — шустрые габэшники! Они выволакивали друга-Алешеньку и свет божий, точнее говоря, в промозглый октябрьский вечер.

— Вот, никогда не надо на красный летать... — начал водитель "Москвича".

Но Маринка уже не слышала его. Выскочила из машины, перебежала улицу, прыгнула в подъехавший автобус:

— До метро идет?

— Вторая остановка!

Скорей к Халдею!

“ПАПА И ГАНС ВОЗВРАЩАЛИСЬ С РЕКИ”

Они славно посидели, если это возможно — славно сидеть на электрическом стуле! Потом Петя ушел, и идея опять осталась наедине со своей тревогой, в ком-то смысле ему даже стало легче: теперь он мог “покойно” беспокоиться за Мариночку. А при Пете не мог! И даже ничем не смел выдать своего волнения. Помню что Маринка пошла на риск, чтобы... ну, скажем краше... чтобы помочь родному человеку. Петя же влип в историю вообще за просто так!

Снова он чувствовал себя “одиноким раком в покинутом пруду”. Телефон продолжал молчать: сотрудники, слышав, что Халдея будет трясти КГБ, затаились по номерам. А комитетчики, по-видимому, копили материал, чтобы уж ни один иностранный журналист не придрался к им Халдей не пикнул.

Соню еще почти два часа надо было ждать. Снял трубку, услышал вполне исправный длинный гудок. И ведь наперед знал, что с телефоном все в порядке. Это с тобой, ружок, не все в порядке. Очень Халдей противен был себе в такие мгновения!

Но как все же убить время? Классическим “пойти пойтись” не подходило — могла позвонить Мариночка, югли появиться какие-то вести от нее. Значит, он выужден был оставаться “одиноким старым раком в покинутом пруду”. Надо же придумать такую идиотскую метасюжету!

Даже газет ему не хотелось. На немецкие просто не мог смотреть — как на кровных врагов. Но и наши тоже не хотелось читать — узнал он цену советской журналистике. Наконец на глаза попался “Коммерсантъ”! Ведь он отел спуститься на первый этаж, положить газету в “правильный” почтовый ящик... Все-таки дело...

Повертел “Коммерсантъ” в руках. Сверху, на свободном поле, где почтальоны обычно пишут номер квартиры, никакого номера не было — странно! И тут из газеты вышло письмо! Без штемпеля, без марки. Желтовато-серый конверт хорошей “несоветской” бумаги: “М.С.Халдею”. А очерк с такими знакомыми, родными закорючками — Соня!

Стало быть, некий иностранец “нелегально” провез то письмо, а для маскировки еще упрятал его в “Коммерсантъ”, чтобы, значит, “зловещее КГБ” ни о чем не ронюхало... Н-да! Россия давно уж изменилась, а представления о ней иностранцев остались на прежнем диком

уровне! Так с чьей же стороны был занавес железный — с нашей или с ихней?

Самое удивительное, что это думал человек, которому гзбисты нагло шили дело. Нет, все же неистребим наш советский патриотизм! И Халдей рассмеялся.

Подумать про глупых иностранцев и обсмеять советский патриотизм он успел за те короткие секунды, пока добежал до кухни, взял ножницы, чтобы аккуратнейшим образом по самому краешку обрезать конверт и вынуть драгоценный листок... Здравствуй же, Сонечка!

Письмо оказалось странное. Оно чуть ли не испугало Халдея. Хотя ничего страшного как будто не было... В коротких словах сообщая, что дома у них все в порядке и сама она абсолютно здорова, Софа далее взахлеб писала о том, как четырехлетний Эрих решил сочинять сказки и рассказы. Один из них счастливая мать решила записать и теперь посылает текст дорогому дедушке.

Все письмо Софа писала, естественно, от руки. Рассказ же был отстукан на машинке:

“Семь часов утра. Это начало суток. Папа и Ганс возвращаются назад с реки. Навстречу шагает мельник дядя Отто: “Мальчик, ты передал привет своей дорогой бабушке — ключ, сделанный из чистого золота, от волшебной подземной, заколдованной троллями камеры...”

И далее все в том же духе!.. Халдей дочитал рассказик до конца. Ему бы радоваться и умиляться. Но слишком от каждой фразы веяло бездарностью... И горько стало Халдею, что Соня, его умница Соня, тешит себя такой несусветной чепухой.

Он отложил письмо. Вообще ушел из кухни. Сел в свое любимое кресло перед журнальным столиком. Не сиделось, не курилось. Опять притащился на кухню, сунул нос в холодильник. Есть тоже не хотелось. Лежащее на столе дикое письмо Халдей вообще словно не замечал. Скорей бы она позвонила, тогда сразу станет ясно, что же случилось!

А почему вдруг “случилось”? Откуда эта странная мысль?

А потому что, как выражаются психологи, “налицо неадекватность поведения”. Соня не могла просто так, в здравом уме и трезвой памяти, послать ему такую ахи-нею!

Хм, подожди! Что, если как раз наоборот: в слишком здравом уме и в слишком трезвой памяти? Надеюсь, что и ее престарелый отец проявит сообразительность! Еще раз прочитал Софкино краткое “предисловие”, а затем странный текст. И показалось ему, какая-то деталь царапнула память. Хотя, вернее всего, именно показалось: в полной тишине, как известно, чудится столько разных звуков.

Словно бы собираясь заняться очень важным делом, лдей из газетной стопки, лежащей на холодильнике, удил "Советский спорт" недельной давности, искал, э бы такое ему прочитать... Ага, вот — заметку про збимое "Динамо": "Москвичи начали встречу столь ергично, что их соперники, откровенно говоря, расте- лись...". Откровенно говоря — это же можно умереть их стилиа! "Никто из динамовцев, находящихся на поле, на секунду на останавливался: или старался получить зйбу на скорости, или же, не мешкая, передать ее ртнеру..." И тому подобное!

Известный принцип психологии: чтобы понять нечто жное, надо сказать себе: "Я вообще не хочу этого пони- зть, не интересуюсь этим нимало!" И чем дальше откач- зтся маятник твоего внимания в другую сторону, тем он итом стремительней и дальше уйдет туда, куда тебе дей- вительно нужно. Так уж устроен человек — словно ста- иется все делать себе наперекор.

И "маятник" Халдея из области хоккейной муры поле- л в... Марк опять взял "рассказ Эриха".

И наконец увидел! Вверху, перед началом текста была юсьма незамысловатая... как бы виньетка — тоже, кста- и, очень странная для безупречного вкуса его дочери. Выглядело это, с позволения сказать, украшение так:

С - - - - С - - - - С

Боже мой, какое же это было старое воспоминание!

Майское солнышко мягко трогает его тогда еще толь- з начинающуюся лысину, старое некрашеное крылечко чятой на лето дачи — где-то в Подмоскowie, кажется в ламонтовке, маленькая Софка тихо привалилась к его лечу... И еще многое множество драгоценных деталей, сторуе Халдей мог бы вспоминать и вспоминать.

Но главное вот в чем. Они решают переписываться, ричем так, чтобы мама ничего не могла знать об их на- ерениях. Они будут переписываться с помощью шифра. итроумный Халдей, чтобы развивать словарный запас очери, чтобы научить ее связно излагать мысли, придум- ывает особый "разбойничий" шифр: пишешь вроде бы ростой рассказ. Однако если подчеркнуть каждое пятое лово, то получится то, что ты действительно хотел пере- ать сообщнику. И они начинают тренироваться!

Теперь Соня этой своей "виньеткой" напоминала: в рассказе Эриха" тот же шифр! "С" — нужное слово, по- ом четыре прочерка, потом опять настоящее слово — С", потом...

Он схватил карандаш. Но и без подчеркиваний глаза ыхватывали то, о чем писала ему дочь:

"Семь суток назад мельник (в смысле — Валерий мельник!) передал ключ от камеры, где лежит конверт

(“Какой камеры?” — подумал Халдей. — А, наверно, камеры хранения!” Он видел такие на Франкфуртском вокзале.) Если он не явится через десять суток, надо передать конверт в полицию”.

• • •

Лежал с закрытыми глазами, абсолютно расслабленно. Приказ: не нервничать, быть готовым, коли ничего больше сделать сейчас нельзя. Так ему не раз приходилось лежать где-нибудь в воронке от бомбы, ожидая, когда придет время двигать в расположение противника. Ребята, его товарищи, почти никто этого не умел. Сидели напряженные, зажатые... Не потому ли многие из них погибли задолго до Победы?..

Ударил телефонный звонок — громко, заливисто, как звонят у нас только международные. Халдей вскочил — сразу потемнело в глазах, и полетел, будто поддуваемый ветром, зеленый электрический снег... Стоять, стоять, хрен несчастный! Сознание не терять!

Крепко взялся за край столешницы:

— Слушаю.

И сразу в трубке ни с чем не сравнимый... только, может быть, с Мариночкиным сравнимый... голос, в котором была и Фаня, и он сам, и вся-вся его безвозвратно прожитая жизнь, его судьба:

— Папа! Ты здоров?

— Естественно! — Даже смог улыбнуться.

— Ты получил?

— Да, Соня... И послушай меня! Он здесь, говорят, мелькал. Но, видимо, больше не появится никогда!

Пауза.

— Папа, ты думаешь его?..

— Тихо!

— Я ведь согласилась только...

— Понимаю! — это Халдей почти крикнул: чтобы дочь замолчала. Конечно, он понимал, зачем Соня согласилась. Мельник сказал: “Будет плохо твоему отцу!” — Об этом не думай, Софочка! Это обман. Сама туда ни в коем случае, поняла?! Только через полицию! — и ужаснулся, зачем произнес это слово. Ведь их могли слушать. Слушали!

Сейчас же разговор прервался! Халдей стал дуть в трубку — занятие совершенно бессмысленное, оставшееся привычкой еще с тридцатых—сороковых годов. Стал бить по рычажку, кричать: “Але! Але!” Телефон был глух, как полено. Наконец из трубки выполз гудок. Немедленно Халдей начал изнурительную игру с удачей. По-

ту что дозвониться до международной — это действительно большая удача!

Дозвонился всего через двадцать минут:

— Алло! У меня прервали разговор!

— Наверное, неисправность на линии, — ответил жской голос. — А ваш телефон нормально работает?

— Ну я же с вами разговариваю!

— Так что вы хотели бы?

— Срочный, с Франкфуртом!

— Ждите. Постараемся соединить.

Почему мужской голос? Если даже это ОНИ — что они гут сделать моей дочери, находящейся за тысячи километров, в другой стране, под защитой надежного закона! И не мог себя уговорить. Да и было ли это в принципе можно?

Срочно в Интерпол — вот что Софка должна сделать! Час не так уж поздно: в Москве начало одиннадцатого, ам вообще начало десятого!

Однако Франкфурт не давали... Так в совершенно отпительном волнении, весь сжавшись в комок — как те фронте, которые не умели расслабляться, — он провел е час. Потом грянул длинный и резкий звонок.

Но это был звонок в дверь.

“КТО ТАМ СТУЧИТСЯ В ПОЗДНИЙ ЧАС?..”

Прошло полчаса с тех пор, как она вбежала в дом, ашным шепотом крикнув:

— Дверь запри! Гонятся!

— Что такое, Мариночка?!

— Тебе-то хорошо здесь сидеть, а я... Если бы ты только знал, сколько я пережила!

Но Халдей привык к ее несправедливостям. И привык дывать ее желания — немедленно принялся ставить на стол.

— Ты будешь меня слушать?

— Господи, Марина... Естественно!

И она принялась за свою одиссею, рассказывая, как мечательно обвела всех вокруг пальца, проделывая тот мый маршрут типографских станков, гениально предзаный Халдеем.

— Мариночка! Да как же ты все это выдержала!

Но та уже не могла отвечать, целенаправленно занитсь уничтожением шпрот, хотя вопросом явно была дойна. Халдей безропотно улыбнулся, подлил ей кофе, ивок... Опасности словно бы не существовало.

Однако она стояла прямо за дверью. Позвонили. Пр чем как-то удивительно спокойно, по-деловому. И Халд даже чуть было не открыл сгоряча, но все ж сперва п смотрел в дверной глазок... Два каких-то незнакоми мужчины.

Подозвал Маринку, та лишь пожала плечами.

— Что вам угодно?

— Здравствуйте. В доме обнаружена утечка газа. Извините, пожалуйста, что так поздно... Срочно надо пр верить вашу плиту.

В руках одного из них действительно был чемоданчи с каким ходят слесари. Но, может, слишком хорошая в правка их выдавала. А может, в Халдее сработало то с мое "шестое чувство", которого у человека нет, но кот рое все же появляется в таких вот ситуациях.

— Извините, я уже лег. И у меня все в порядке. Ес что, позвоню.

Погасил в прихожей свет. "Газовщики" продолжа стоять на площадке — похоже, в растерянности. Дринь нул телефон, словно его мгновенно и крепко взяли горло. "Междугородная!" — подумал Халдей, снял тру ку — телефон не работал. Это было понятно как-то сра: Его просто отключили.

И опять позвонили в дверь — опять тем же деловы "суховатым" звонком. Халдей еще продолжал прижима к уху телефонную трубку, словно на что-то надеясь. Опя позвонили... Маринка стояла, прижав ладони к щека. Так хороша она была сейчас — испуганная, юная. Стран целоваться в такие секунды... "А может, и не странно", подумала она и поняла, что ничего нет у нее родней эт губ, этого большого неуклюжего носа, которым он непр менно тыкался куда-нибудь в щеку. И в третий раз позв нили!

— Я ведь, кажется, вам объяснил! — А голос крепки ни капли не испуганный.

— Откройте, Халдей! Мы из Комитета государствен ной безопасности!

Несколько секунд он молчал. Нет, открывать им ник не следовало. Теперь, после стольких убийств, после т го, что они узнали, Халдей за свою и Маринкину жизнь дал бы и ломаной копейки. Потому как все эти разговор что и на КГБ можно найти управу, годятся только для р вностных читателей "Московских новостей" или журна "Столица". А Халдей недаром прожил шестьдесят шес лет на этом свете, именно на ЭТОМ.

— Ну вот что, водопроводчики! Я уже сказал, что открою. Хотите ломать дверь — попробуйте. Думаю, уже обратили внимание, что она железная.

— Бросьте валять дурака, Халдей! Вы не в Художественном театре!

— Все-таки я позволю себе продолжить. Если вы задумаете ломать, соберется полдома. А вы, я полагаю, знаете что это за дом!

Дом действительно не самый лучший для гэбэшников: сатели, журналисты. Так его задумывали в золотые сталинские времена — вернее всего, чтоб удобнее было слезть за этим подозрительным контингентом. Но времена менялись!

Другое дело, Халдей вовсе не был уверен, что его соди очень уж захотят вылезать из своих “экологических ш” и отстаивать права какого-то полузабытого пенсионера и его любовницы. Но у кагэбэшников на такие дела, как говорится, “глаза велики”.

— Халдей! Не забывайте: вы находитесь под следствием. Нам предписано произвести у вас обыск!

— У вас есть санкция прокурора?

Если б даже такая санкция имелась, Халдей все равно открыл бы. Но санкции-то как раз и не существовало. А мерзавцы считали вполне достаточным просто иметь свое желание — войти в чужой дом. Как было, скажем, в тринадцатом, тридцать седьмом, сорок девятом — да, естественно, во все времена существования Советской власти, не считая того тонюсенького кусочка, который назывался с восьмьдесят пятого!

— Имейте в виду, Халдей, вам все равно придется отойти! И кстати, в ваших же интересах...

Марк не стал дослушивать, что там они бубнят, — ишком чувствовал себя победителем. И даже прикрыл рихожую дверь, чтобы полностью изолировать неудачных газавщиков!

СПАСИТЕ НАШИ ДУШИ

Однако радоваться-то, в сущности, было нечему. Все но через несколько часов дверь откроют. Размахивая пыкиной грамотой, гэбисты привлекут на свою сторону соседей!

Черт с ним, пусть ломают. Халдею надо продержаться я бы до утра... Может, Соня успеет... Главное, чтобы с ничего... И она бы успела.

— Но кофе-то мы, по крайней мере, имеем право еще пить?

— Конечно, деточка!

На этот раз Маринка достала самые свои любимые тонюсенького фарфора чашечки. В свое время Фаня ку-

пила их просто на рынке у соядата, который каким-то чу дом сумел довести эти хрупчайшие трофеи из завоеванной Германии. В конце сороковых — начале пятидесятых... Господи помилуй, сколько же в Москве было всякого "трофейного барахла", как они тогда говорили, победители. Но кофе из этих чашек все-таки был невероятен вкусен — что уж тут поделаешь!

В дверь, между прочим, больше не звонили.

— Может, они ушли, а, Марик? — и сама поняла, что сказала полную глупость.

Однако Маринке, да чтобы признать свою промачку — это невозможно. И сейчас же, как в скорлупу, уползла в обиду:

— Мы что, будем здесь сидеть, пока нас не зацапают Уж, пожалуйста, выкручивайся теперь! — То есть напомнила, кто виноват, кто впутал ее в историю. И в то же время надеялась, что с ним не пропадет.

Спасибо ей, конечно, за эту веру. Но, по правде говоря, Халдей представления не имел, что им делать. Главное — это полная отрезанность от остального мира. Не у окна же, в самом деле, прыгать, с четвертого этажа. Да под окном, несомненно, дежурили!

А если даже вырваться — куда они побегут? Не был на свете такой "берлоги", где можно было бы отсидеться. И нет такого человека, который бы им...

А Петя Бакин?

Сразу сердце забилося от этой увиденной вдали удач. Только, к сожалению, забилося оно не молодо, а тяжело и грозно. Да Халдей и не стал обращать внимание на такие мелочи. Поднялся, пошел в спальню. Вот и трут отопления — их "общая" с Петей. Дома ли он?

Но даже и при удаче, даже если он дома, надо как-то чтобы понял: его не просто зовут.

И опять осенило. Может, помогла Соня с воспоминанием о шифре тридцатилетней давности — Соня, ей ангел-хранитель! Да, сегодня положительно был "действий шифров": Халдей вспомнил Петин рассказ. Когда в бар приходили с обыском, то при удаче они отстукивали сиденьем в стенку условный сигнал — три точки три тире.

— Как это? — рассеянно поинтересовался Халдей.

— А вот, — Петя взял со стола вилку, которой только что подцепил гриб после хорошего "рюмаша", — вот так

И простучал: тук, тук, тук, тук-тук, тук-тук, тук-тук... тук, тук, тук-тук, тук-тук, тук-тук.

— А почему? Откуда такой сигнал? — спросил Халдей, которому не могло быть ни пить, ни закусывать — в тот вечер у него сердце барахлило.

— Сигнал этот? — Петя удивленно пожал плечами.

юдь с вами, Марк Соломонович. Старый разведчик, а знаете, это ж — "СОС" — спасите наши души.

Сейчас Халдей, чтобы не ошибиться, "потренировался", простучал эти самые "три точки, три тире" кулаком по левой ладони. Маринка с удивлением следила за действиями. Однако он даже не улыбнулся в ответ.

Поднял привязанный к трубе молоток. "Смелей!" Отстучал сигнал. Пауза. Отстучал снова.

Как уже догадался читатель, через несколько секунд трубе к нему пришел ответ: тук, тук, тук, тук-тук, тук-тук, тук-тук.

СТАМЕСКОЙ, ДОЛОТОМ, ПИЛОЙ

Девять лет тюрьмы многому научили Петра Бакина. Например, быть отчаянно смелым и уметь шестерить, с косяком ударить в спину и при этом остаться кому-то своим товарищем. В далеком мордовском лагере усиленного режима, куда его спровадили бывшие друзья и кавальеры на съедение вохре, голоду, всем возможным стокостям, Бакин, как человек сообразительный, быстро понял: выжить тут можно, только если станешь блатным. Он долго старался, чтобы урки признали его своим, освоил многие науки: бил в морду невинного, рвал из шкуры у голодного, уважал тех, кого в других условиях ждало бы удавить. И заставлял уважать себя, когда было меньше, чего ты заслуживаешь, — это плевка в рду.

Хотя и там был свой "кодекс чести", понятия о морали. Их надо было знать, чтобы выжить. И он знал, но не знал — приказал себе замаскироваться. И замаскировался искусней любого резидента. Только, к сожалению, заметил, как маска во многих местах приросла к физиономии — что, кстати, случается со многими резидентами, сколько можно было судить по сведениям, которыми располагал Бакин.

Да уж, приросла масочка, въелась, как и те наколки, торчавшие остались на плечах, запястьях, спине, бедрах и т.д. — извините — на ягодицах у Петра Бакина: в лагере был мастером по наколке — дело очень даже хлебное. Зовут его умел с детства, "технику" татуировки освоил быстро. Боль? Ну, это он умел терпеть... К нему блатные в реди стояли, старались перевестись в "его" лагерь. Хотели бы после говорить:

— Да меня сам Череп коцал!

"Череп" — такая у него была кликуха в том мире. И он, живая где-то во вполне случайной компании (то есть

просто в подворотне "на троих"), с удивлением слыша свой гордый голос:

— Да я в одной вагонке с бугром жил — бугор, я, хлборез и шестерка на обслуге.

А все же он сумел вырваться из этой паутины. Хотя хотя основные его дружбаны еще сидели, и совершенно не ясно было, как повернут они судьбу бывшего Череп когда выйдут на волю, — слишком много авансов он не давал. А что делать — выживать-то надо!

Но кое-что въелось в него навеки. Например, пристрастие к чифирю... Современный рафинированный читатель может не знать, что такое чифирь. Поясним же общих словах: это достаточно грубый, но грозный наркотик, получаемый путем специальной (несложной, однако весьма точной) обработки чая. Необходимы еще некоторые добавки, говоря языком химии, "присадки". Из с граммов сухого чая можно получить двести граммов наркотического раствора. Более подробно распространяться здесь не будем — во-первых, по соображениям цензуры; а во-вторых, потому, что когда-нибудь собираемся выго, но продать рецепт.

Итак, на сон грядущий Бакин решил хватить чифирю. Кстати, напиток этот, в отличие от многих подобных, почти не разрушает головной мозг (крыша от него "идет", как говорят профессионалы), однако садится сердце. Именно это медленно, но верно происходило с Пером Бакиным. Но кто же станет думать о такой чепухе когда представляется возможность "принять кайфуши? Чего он только не пил в зоне! Один довольно жалкий критин, между прочим, из бывших ментов, говорил ему, поднося (как своему) стакан разведенного сухого спирта того самого, на чем туристы кипятят воду в отсутствие дров: "Пей, Бакин. Все равно убьют!" Кстати, с тем Минаевым так и случилось... Как его звали-то? Борис, вроде.

Он уже поставил свое варево на огонь, чтобы через пятнадцать минут процедить его, обработать. И вдруг услышал столь знакомый ему стук. Вздрыгнул; даже подумалось, что все-таки подвел его верный чифирь — поехала крыша... Тут же стук повторился: та, та, та, та-та-та, та-та! Бакин подбежал к трубе.

Собрав дрожащие пальцы в кулак, Бакин тяжело перстнем (который при случае мог служить и кастетом) подарком дружков (по зоне) четко отбил ответ: мол, сейчиду, не бздигонь, Халдейчик. Сунул руку в близкий тайничок, взял финку, уже чуть ли не открыл дверь и остановился: "Ты что? С печки упал? Ты же офицер КГБ! План? Тебя есть какой-нибудь план действий, урка недорезанный!"

Попробовал позвонить Халдею. В ответ длинные гу

— словно бы никого нет дома. Не может подойти? Ид ли... Значит, телефон отключили. Кто? "Они"? Сей- проверим. Выключил в кухне свет, осторожно подо- ш к окну. Внизу "в тени лип" стояли двое. И фигуры Бакин заметил бы среди любой толпы.

Прислонился к стене, смахнул крупные капли пота со — словно бы уже глотнул чифиря. Значит, Марика собираются брать.

Крепче нервы! Еще раз подумать. И так... Всего полго- как оттуда. Обратно ни за что на свете! Но ведь уже за- зан. И офицерская честь, а главное, простая человече- я благодарность: сколько для него сделал этот на вид то бы хитроумный, а на самом деле такой простодуш- и еврейский дедушка. Сделал, и все — хотел помочь... не за те же пять кило картошки, которые ты ему прита- т с рынка?

Или все-таки для меня главное, что я уже замазан, и о, как в подводной лодке: или всем спастись, или м погибать? Да какое это имеет в конце концов значе- ! Ясно, что Марика надо вытаскивать.

Но сперва понять хотя бы примерную расстановку сил. Из цветочного горшка он отсыпал немного земли, ста- вельно испачкал руки... Подняться вверх к соседке за ью: дескать, извините, картошки вот начистил, а соль- нету... И опять почти уже взялся за дверную щеколду. юш конспиратор! Времени двенадцать без малого, а за солью! Тщательно вымыл руки. "Успокоился? Вот и тодеа. А теперь вперед, майор Бакин! За Родину, за... рка Халдея". И открыл дверь:

— Киса! Киса! Киса! Даша! Даша! Даша! — сделал при- ествующую паузу: — Вот паскудная кошка!

Посмотрел вниз по лестнице, потом вверх. Вроде ни- о не видать. Продолжая призывать мифическую кошку жду прочим, действительно в прошлой жизни была у приятеля некая кошка Дашка, мяукала, как стерва!), поднимался по лестнице. И сразу же за лифтом уви- их — сидели на подоконнике, пасли халдеевскую рь. Классические такие кагэбэшные "пиджаки".

Бакин как бы трусовато замер, потом превозмог себя, омнив, что и он мужчина:

— Ребят, вы это... кошку здесь?..

— Не, командир, — хохотнул один из "пиджаков", то- демонстрируя свое театральное искусство.

Бакин осторожно прошел мимо сидящих. Добросо- тно поднялся на последний, девятый этаж. Погремел комом на чердак — якобы проверяя, не ушла ли кошка а. Затем вызвал лифт, спустился к себе на третий и игополучно улизнул в квартиру.

Ну и какие выводы? Чего-то ждут. Чего? Двери у Мари-

ка больно крепкие — не хотят ночью шухер делать, так Похоже, что так. Значит, время пока есть. Он думал мину пять, потом сделал один звончок по телефону и направился в кладовку — имелось такое помещение в этой старой, еще при Сталине спланированной квартире. Здесь от отца-покойника остался кое-какой инструмент. И стремянка тоже была.

Теперь решить, где он будет делать задуманное. Отчего-то настроение поползло кверху.

Задуманное мы будем делать... еще раз прикинул... удобнее всего в сортире!

Перетащил туда стремянку, инструменты — батюшка его любил напоминать на разных выступлениях перед читателями, что он хотя и писатель, но из рабочего класса. И правда: все стамески-долота наточены, молотки по руке. Прележали с отцовской смерти почти семь лет. Эх, да бы и дальше, наверное, жил, если бы не сын Петечка. "Прости меня, папа, да чем я виноват? Что комитетчику стать захотелось, играть в лихие игры?.." А сам в это время уже ковырял стамеской потолочную штукатурку. Скоро он стал белый, как Арлекино, эта дрянь беспощадно сыпалась и в глаза.

За штукатуркой пошла другая дрянь — обмазанная известкой. Она хотя и была тверже, но отколупывалась кусками... которые, правда, падали на башку. Пришлось надеть зимнюю шапку. Дальше была железная балка — просто нормальный рельс. На нем лежали толстенные доски. Здесь ему пришла на выручку электродрель с насадкой циркулярной пилы. Уже устал черт знает как взмок, припудренное известкой и опилками тело чесалось. Эх, сейчас бы чифирчику хватануть.

Где-то на втором часу работы он услышал сверху потрескивающие стуки. Это, наверное, Халдей преодолевал кафел. Давай-давай, Марик! Только сильно не шуми. У тех ребят уши на макушке. Еще надо поблагодарить товарища Сталина, что он своевременно пересажал тех инженеров, которые предлагали в жилищном строительстве применять железобетон. Иначе бы, как говорится...

А может быть, господа офицеры, прекратим в конце концов эту матерщину?! Может, и прекратим, но только прошу вас не забывать, что умение ломать и строить мы приобрели именно в лагере. Значит, можно разок и потернуться!

Так он развлекал себя из последних сил, стараясь почувствовать бурлящую внутри усталую кровь. Давление соответственно улетало в беспредельные высоты, ведь даже в зоне ему удавалось косить на гипертонию. Но сейчас было слишком не до того...

Невозможно да и не стоит рассказывать здесь все

дробностях, но так или иначе при ударной работе даже самому трудному делу приходит конец. И когда прямо лед носом его сверху выскользнуло лезвие огромного острого ножа, у Бакина еще достало сил сказать:

— Осторожней, Марик! Попишете соседа!

И еще достало сил добить эту проклятую дыру, проткнуть вверх руку и встретиться с рукой Халдея.

— Пролезете? Ил вызовем слесаря из ЖЭКа?

— Как говорили в детстве, — сказала Маринка, которая слишком долго не была в центре внимания, — если я пролезет, значит, все пролезет.

Сначала они протолкнули Маринку, у которой в действительности голова оказалась вовсе не самой большой частью тела. Потом пролез Халдей — руки и ноги его явно бы вспомнили разведческую ловкость. О, как сейчас она еще понадобится Халдею! Но об этом пока никто не мог догадываться.

Потом Петя залез к Халдею, взял все деньги, все документы. Насколько мог, замаскировал дыру ковриком. Игнорировать это им или не пригодится, но делать, так уж было — "чекисто". Спустился, убрал стремянку. Представил, как один из "пиджаков" провалится в эту дыру — только на несколько минут, а все же будет у них заминка... и том спасибо!

ДОРОГА В ПРЕИСПОДНЮЮ

Маринка с Халдеем сидели на кухне: хотелось хоть немножечко отдышаться — особенно Марку, и Бакин это отнюдь не видел. Но не судьба была им отдохнуть в ближайше двадцать четыре часа.

— Чаю бы, Петечка? — попросила Маринка. И улыбнулась — такая, знаете ли, святая Магдалина с убитыми жесткой волосами, физиономией и джинсами.

Она-то больше играла усталость, чем действительно была усталой, чтобы казаться позначительней, чтобы они забывали, какие подвиги она совершила и готова была ее совершить. "Молодчина!" — как и предполагалось, думал Халдей.

Петя вместо того, чтобы выполнить Маринкину вполне законную просьбу о чае, зачем-то открыл крышку мусоропровода, принес из кладовки два огромных полиэтиленовых мешка, в какие укладывают мусор: в Америке по-местно, а у нас — в привилегированных местах, например, на площади Пушкина около "Макдональдса".

Зачем Петя притащил их сюда? Вопрос повис в воздухе, потому что зазвонил телефон. Халдей и Маринка огля-

нулись на него почти испуганно, а Петя рванулся к трубке словно второго звонка могло не быть:

— Слушаю! Заказывал. Да, адрес говорите правильный. Через сколько? Минут через двадцать пять? Давайте.

Затем он вернулся на кухню:

— Значит, так. Быстро в мешки!

— Что-что?!

— Марик, прошу вас. Сейчас буду командовать я. Держите мешок! — неожиданно взял Маринку на руки. — Неразрываете, неразрываете! Я же ее туда должен посадить! — И аккуратно и ловко опустил Маринку в мешок. Мешок ей хватило по шейку. — Руки вверх, Мариночка! — и завязал шлагом на самом верху. — Стойте пока так!

Потом помог влезть в мешок Халдею.

— Плохо, что вы такой длинный. Ну ничего, на голое шпанку, Марине тоже.

— Да что будет-то?

— Сейчас. — Взял Халдея на руки, легко, как куклу — так подумалось Маринке. Стал просовывать его ногам вперед в мусоропровод. — Спокойно, Соломонич? Зде дыра не меньше, чем в потолке. — Сунул Халдея в ру веревку с петлей на конце. — Держитесь крепко!

С ужасом Маринка смотрела, как, кряхтя, ее милый и исчезает в отвратительном зловонном жерле:

— Я туда не полезу!

— А тебя и спрашивать никто не будет! — с натугой о вечал Бакин. Ему действительно было тяжело. Да еще в резка цеплялась за края. Ни хрена, не перетрется с дв раз. Сунул голову внутрь железной кишки: — Ну? Стоит! Стойте как можно тише, куда не двигайтесь. Я за вам приду минут через десять.

Маринка в это время пыталась выпутаться из мешка. На самом деле сделать сие было довольно просто — разорвать полиэтиленовую пленку. Но именно этого она как раз опасалась и потому освобождалась в основном при помощи слов. Бакин правильно оценил ситуацию — не сильно, но все же уверено. Маринка на минуту впала в шоковое состояние, есть, конечно, в театрально-шоковое. И это тоже вид Петя. Перед тем как спроводить Маринку в мусорный преисподнюю, он поцеловал ее в губы:

— Никогда не целовал таких красивых женщин возле мусоропровода.

— А некрасивых? — Но данный вопрос она задала уже из глубин черной трубы.

Затем он кинулся к антресолям, схватил первый попавшийся чемодан. С чем он был? Кажется, с вещами покойной мамы. Жалко стало до ужаса. Но уже некогда было разбираться! Оглянулся: "Прощай, квартира! Хр

вет, когда еще удастся здесь возникнуть?" Взял деньги. к. Ничего не забыто? Деньги. Финка. Кастет хороший, гавшийся от старой кагэбэшной работы, стеклорез, от-ички, фонарик, еще там кое-что из джентльменского на-ра то ли налетчика, то ли разведчика. Все это давным-вно было уложено в аккуратную сумку через плечо. е, прощайте!

Вышел на лестницу. Никого. Времени пять пятнад-ть — самый аккурат. Вышел из парадного... Спокойно, кин. Вон они, два орелика "из-под лип"... А таксишник е стоял! Прекрасно. И сказал — разборчиво и громко:

— Шеф! В Быково!

Шофер тронул, выехали со двора.

— Стоп!

— Забыли чего?

Бакин протянул ему тридцатку:

— Хватит, чтоб меня не везти?

— Не понял.

Петя вылез из машины.

— Все. Вали, шефуля. Твое дело маленькое, правиль-? — и так он сказал это, что таксист тут же дал газу.

А Бакин уже бежал вокруг дома — так, чтобы выйти к вйному подъезду и не попасться на глаза гэбистам... т и порадуешься, что не успел принять чифиря. И курил ло. Дыхалка в порядке, а с дыхалкой-то мы...

Так он забалтывал себя, дабы не думать о том, что йчас предстоит. А чего тут думать? Он такие штуки умел тать автоматически.

Выглянул из-за угла. Да нет, в туманной полутьме глу-то октябрьского утра никто его не мог заметить. Вошел юдъезд... Вот она дверь — самая обшарпанная. А что е ждать: живут здесь временные, все в гробу видали... той-то я, боюсь, что ли?

И стал жать на кнопку звонка: раз, два, три — пока не :рыли.

— Кто? — Выснулась нечесаная, явно похмельная, но : же симпатичная татарская физиономия.

— Ты дворник?

— Ну.

— Можно к тебе на минуту? Я здесь живу.

Тут же вошел в дверь, слегка отодвинув дворника. И же ударил его поддых. Нормально получилось! В ван-і, тоже запущенной, как незнамо что, сорвал с вешал-два полотенца, связал дворнику руки-ноги. Тот оч-ся, смотрел на Бакина бессмысленными, даже не уганными, а именно бессмысленными глазами. "Сей-заорет", — понял Бакин.

— Извини, мужик, — и врезал ему кулаком по баш-— аккуратно между лбом и темечком. Самое, между про-

чим, хорошее место, когда человека необходимо вырбить. Но кляп все равно придется ему всунуть. На кухне нашел нечто похожее на кухонное полотенце. В ужасе он дернул руку — полотенце кишело тараканами. Много повидал Бакин на своем лагерном веку. А вот привыкну так и не сумел — сын чистюли мамы. С отвращением ужасом вытряс полотенце, затем сложил его — вполне профессионально получилось, засунул кляп в горло бедному татарину. И в темпе стал сбрасывать с себя вещь. Больше всего жаль фэзрешной рубахи, которую привез ему Халдей. Но нельзя было ее жалеть. Сколько народу засыпалось именно на мелочах.

Одежда дворника валялась тут же, у кровати. Петя стал натягивать ее — все слегка великовато. Эх, надо бы свежую, на свою надеть... Поздно! Некогда! Ботинки? Тоже черту. Сунул ноги в какие-то идиотские бахилы. Но, может, они-то как раз и удобны при уборке мусора?..

Вышел, захлопнув дверь. Двинул вразвалочку, на ходу растрепав волосы и думая, как ему лень убираться, вынести этот засранный мусор за русскими, за евреями, за разными там армяшками, которые все считают себя у нее его. Плюнуть бы ему на все да уехать бы к дядьке Казань. Только вот не сильно ждет его там дядька.

Тут бывший Бакин и дошел до нужного ему подъезда, сказал с акцентом, но так, чтобы не было похоже на Ракина:

— Подвинься, пжалста, уважаемый.

Кагэбэшник поспешно шагнул от этого пахучего мужичонки. И тогда Петя открыл дверь мусорки, схватил Маринку, потом Халдея, посадил их в пустой контейнер, стал стоящей тут же совковой лопатой сыпать на них мусор. Надо отдать должное их выдержке — из контейнера не раздалось ни звука.

Его подвела идиотская любовь к чистоте операции. Как полный кретин, Петя нагрузил еще один контейнер, вывез сначала его — к арке, куда, как он знал, приезжает мусорная машина, забирает полные контейнеры, оставляет порожние. Вернулся за вторым... Навстречу ему арки с горящими фарами и мало заботясь, что кого-то сейчас зашибет, влетела легковая машина. Бакин все напрягся: не его ли такси вернулось? Нет, куда там тащи — черная, вся лихая такая, комитетская "Волга".

Бакин продолжал толкать свой контейнер, в котором сидели Марк и Маринка. Вдруг "Волга" дала по тормозам:

— Дворник?

Петя молчал, сохраняя свое дворничье достоинство мол, сами, что ли, не видите, легавые!

— Нужен на десяток минут!

— Слушаюсь! — сказал Петя с интонацией Рафика Нианова.

Е-мое, что же делать?!

В первую очередь успокоиться. Ну посидят они в контейнере лишние десять минут. В конце концов если их даже увезут... И тут он увидел, как к арке подходит мусорный грузовик, чтобы действительно увезти Маринку и алдея.

Мол-чать! Крепче нервы! Пошел!

И полпелся к машине, которая уже стояла у подъезда. Все вылезших тихо разговаривали с теми, из наружного аблюдения. Петя подошел и остановился на полусогнутых.

— Тебя здесь все знают?

— Знают — не знают... откуда я знаю?

— А почему перегаром прет?

Петя молчал... Грузовик, от шофера которого, наверное, действительно несло перегаром, неуклюже разворачивал свою телегу, чтоб удобней было погрузить контейеры...

— Ладно, — смиловился один из комитетчиков, — бя как зовут-то?

— Рушан.

— Ну вот, Рушан. Сейчас с нашими товарищами поднимешься на четвертый этаж, предъявишь там одному мырю вот эту бумагу... — Но саму бумагу Пете в руки не дал, боялся, падла, что дворник испачкает... Эх вы, рабоче-крестьянские защитники!

— Знаешь кто живет в 237-й квартире?

— Видал, наверное.

— А он тебя видал?

Бакин пожал плечами: дескать, кто ж его здесь не видел... Да мало кто замечает!

— Пошлет он нас, товарищ полковник, — сказал один наружников.

— Да ему ж в принципе деваться некуда. А тут дворник, с постановлением... Делать-то что-то надо! От нас ебуют результат, понятно?

А Петя Бакин искал выход из совершенно нелепо возникшей трудности. Грузовая наконец-таки развернулась, тут дворник Рушан, тупая мумия, вдруг ожил:

— Э-эй! Мусор мне весь опрокинет! Я сейчас, товарищ начальник!

Побежал к грузовику. Сбросил один пустой контейер, второй. Крикнул:

— Вперед-то подай маленько!

И так удачно они отъехали — от подъезда уже не видно. Слава Богу, зона научила майора Бакина обра-

щаться с лебедкой. Он подкатил контейнер, где сидели Халдей и Маринка, подцепил троса:

— Давай, крути! Стоп!

И контейнер оказался в кузове. А может, второй уже не надо? Нет, нельзя:

— Крути. Стоп! Поехал, поехал.

Прыгнул, уцепился за борт, крикнул в арку:

— Я пять минутка, товарищ начальник.

Машина поехала.

***

Машина действительно поехала, но вовсе не за тридевять земель и вовсе не со скоростью реактивного самолета, как хотелось бы того Петру Бакину. Напротив, она плелась "нога за ногу", попукивая плохо отрегулированным движком. Остановилась у следующего дома и начала свои черепашие движения взад-вперед, чтобы опять въехать в арку.

Бакин понял: на спасение у них полторы минуты. Он откинул крышку бака:

— Вылезайте в темпе!

Тряпье, селедочные хвосты и головы, бумажные пакеты из-под молока, старые ботинки зашевелились. Из этой зловонной ванны вынырнули две головы.

— Скорее!

Помог Халдею и Маринке выпутаться из мешков, помог спрыгнуть с машины. В таком виде им, конечно, по городу двигаться невозможно. Схватив их за руки, как малых детей, затащил в первое же парадное, сдернул с голов шапки, стал этими шапками их отряхивать, очищать. Да, собственно, все не так уж и смертельно — мешки выполнили свою гигиеническую функцию вполне добросовестно.

— Хорош! Попилили!

Опять пришлось взять их за руки. Маринка и Халдей все еще были в полушоке.

— Мариночка, теперь вы должны поймать такси.

— А вы понимаете, что там у моих ног крысы шуршали?! — и заплакала.

— Нет, Марин, дело в том, что для Марка или для меня таксисты не останоятся. А вы, красивая женщина.. И причем вы именно плачете!

Она сразу перестала стонать, посмотрела на него... Ах с каким презрением она на него посмотрела! И пошла к краю тротуара. Наверное, Петя мог бы и Халдея привести в чувство каким-нибудь таким же "психологическим" способом, но пожалел. Время есть — пусть Марик сам отдышится.

Время у них и вправду было, потому что — ну поду

вешь, пропал дворник — неохота ему с лягавыми связываться. Для подозрений особого повода нет. И рыскать за им не станут: велика честь — офицерам госбезопасности какого-то татарчонка ловить. Да и не очень они вери-и в успех этой "операции". Халдей вряд ли открыл бы, сли бы даже увидел в глазок знакомую ему рожу дворника... Кстати, Бакин, руководи он подобным мероприятием, просто подогнал бы пожарную машину — дескать, отступил сигнал. Вышиб окна. А там уж... дело-то знакомое!

Такси поймалось быстро — в принципе им пока везло. аученная Бакиным Маринка спросила:

— Вы куда, шеф?

— В парк, на Восстания, не видишь, что ли?

— Отлично, нам по пути!

Лишь бы свалить! И дальше, уже на второй машине, чего за пятьдесят рублей (а что прикажете делать с нынешними московскими ценами!) поехали, куда сказал Бакин.

Марк попробовал что-то произнести, удивленный знакомым названием улицы. Петя лишь крепко сжал ему руку: помалкивай!

Иногда сочинители детективов пишут правильные вещи. Например, что из такси лучше вылезать за несколько кварталов до нужного дома. Петя так и сделал. Пододал, пока машина исчезнет без следа. Повел их...

— И прошу вас, Марк Соломонович, чтоб вы пока ни о ком не спрашивали!

Вошли в подъезд столь знакомого Халдею дома, поднялись на столь знакомый Халдею этаж, Маринка спокойно стояла в лифте, лишь слегка нервничая от непонятной ситуации. Тихо хрустнул замок, признавая в Бакине изяна.

— Что мы делаем?! — почти в ужасе прошептал Халдей.

— Да заходите же вы скорей, черт побери!

Впрочем, на "черт побери" дверь уже захлопнулась. Они стояли в квартире... Валерия Мельника!

— Все, Мариночка. Здесь вы можете разговаривать открыто и спокойно!

Халдей машинально разделся, машинально вытер нос... В прихожей следовало бы снять башмаки, как положено по московскому бон-тону... Прошел в гостиную, где не раз выпивал с Валерием рюмку чего-нибудь заграничного и докладывал о делах. В общем-то Мельник был самым плохим начальником, немелочным, спокойным, Халдею доверял. Да и платил вполне приличные нги!

Мог ли Марк Халдей догадываться, что это лишь пош-

лый фарс, ширма. А впрочем — не стоит так красиво. Сказать надо честнее: его просто использовали, старого дурака. И он поплатился за свою доверчивость... Мельник правда, тоже!

Петя сел в кресло напротив него:

— Я понимаю, что вам неприятно, Марик. Но больш нам некуда!

После осмотра незнакомой квартиры в гостинку вошла Маринка:

— Я могу немедленно принять ванну?!

— Вы можете все, Мариночка. Только не звоните по телефону! И ни при каких обстоятельствах не поднимайте трубку. Вообще — не задевайте ее! — Это последнее о сказал, как понял Халдей, не только для Маринки.

Некоторое время мужчины сидели молча. Петя словно чего-то ждал. А Халдей просто отдыхал и одновременно привыкал к новому своему положению "нелегала"! Долгое время он защищал советскую власть. Потом советская власть — насколько это возможно — защищала Халдея. И вдруг он оказался вне закона, жуликом каким-то. Даже когда Софа эмигрировала, он все равно оставался гражданином своей страны — "плохим", но гражданином. Теперь его поимка поощрялась так же, как поимка сбжавшего из зоопарка медведя...

Как ни странно, тут он вздохнул с заметным удовлетворением. Старый юрист, Халдей любил мыслить законченно и красиво. И ценил в себе это качество. И знал, что сейчас у него есть еще двадцать минут абсолютного покоя — пока Мариночка в ванной.

— Кстати, Петя, вы думаете, мы здесь в безопасности

— Ну жить в этой квартире мы, естественно, не сможем!

Тон его, раздраженно-сдержанный, удивил и уколол Халдея. Несколько секунд — а это очень долго! — он смотрел Пете в глаза, потому что не хотелось задавать лишних вопросов. Наконец понял: Петя их выручил, спрятал там, где нужны были мускулы, реакция, сообразительность на бытовом уровне, Бакин отработал отлично. Теперь по справедливости настало время поработать Халдею: думать, как они выкрутятся из этой ситуации ("жить здесь мы, естественно, не сможем"). И неожиданно засмеялся:

— В общем с этой минуты... самозванцев нам не надо — генералом буду я.

— Вот именно!

— Тогда пойдите в его кабинет. Там должна лежать на столе книга "Информейшн Москоу". Езжайте подальше, наменяйте двухкопеечных монет и позвоните в какое-нибудь приличное посольство: Германии, Голландии

зандии — в общем, где ответят. Скажите, что у нас есть совершенно конфиденциальная информация о том, как СССР существенно попирает финансовые интересы Запада. Спросите, когда и где смогут меня принять. Но пока каких имен!

Бакин кивнул:

— А вы пока что, Марик?.. Надеюсь, вы не собираетесь ходить?

— Ни в коем случае! Как говорил тот еврейский мальчик, "об соспрыгнуть не может быть и речи!" Я же старый повек, Петечка, приму душ и лягу спать!

Бакин посмотрел на него и улыбнулся:

— Понятно... В таком случае через сколько мне разрешено будет вернуться?

— Как вам не стыдно, мальчишка! — Халдей распеялся. — А впрочем, часа через три.

РАЗБОЙНИК-ОПТИМИСТ

Паскуды заграничные!

Бакин грохнул трубку на рычаг. И еще почти целую минуту стоял в телефонной будке. Наконец опомнился, истро пошел прочь: со своей аппаратурой бывшие коллеги быстро и качественно могли его сечь и по лефонам-автоматам.

Он уже сменил пятый автомат и... пятое посольство. Який раз его весьма любезно соединяли с каким-нибудь ответственным человеком, что-то вроде второго ветника, и заученно отвечали: "Мы не ведем подобных изговоров по телефону". Поначалу Петя убеждал себя, о они просто не понимают, о чем идет речь. Да нет, они лично понимали. Только не хотели впутываться. А поди и кисло: с Горбачевым лады, с демократами так вообще локоладные отношения", Берлинскую стену разгрохали, угом конверсия, совместные предприятия. И неохота и узнавать Халдееву правду. Их устраивает именно эта явада. Вот так вот, товарищ майор!

Он нервно шел к метро, чтобы поскорей убраться из ого района и потом влезть в следующий автомат. Мельковские штаны были ему длинноваты, и без конца придилось их поддергивать. Слава Богу, хоть штиблеты азались впору. Немного газетки натолкать — вообще кей.

Ну ладно, допустим, позвонит он со следующей станции в следующее посольство — ведь получится тот же ривет семье". Сволочи несчастные! Но не мог он с этим казываться Марикю на глаза. У Марика Запад — дей-

ствительно последний шанс. Впрочем, у самого Пети - тоже! А значит, майор, раз задание невозможно выполнить, надо... что? Правильно, проявить инициативу. Так прояви!

В раздражении начав на конспирацию, он раскрыл папку, стыренную Мельником на какой-то конференции и стал листать "Информейшн Москоу". Перелистнул и хер все посольства, еще какой-то раздел, совсем ему не годящийся... Вот! Целыми страницами шли корреспонденты. Их и надо попробовать. В принципе это даже лучше. Пресс-конференции, телевидение... Да пусть даже без телевидения, просто несколько толковых заинтересованных ребят, готовых выслушать и опубликовать, — кто на тогда тронет!

Он выбрал французскую газету "Либерасьон". Почему "Либерасьон"? Да потому, что в книге было указано, что корреспондент у нее всего один, и к тому же мужик одинокий. А одинокого проще втравить в историю. А почему французскую? Потому что будущий майор (а потом эск) Бакин в школе КГБ специализировался именно на французском и при соответствующем стечении обстоятельств должен был оказаться где-нибудь в Париже, а может, в Монреале... С ума сойти, как же все это далеко-далече. И ничего не осталось, кроме умения оглоушить несчастного дворника да еще умения бегло говорить по-французски со специально присаженным эльзасским акцентом.

Чего это я с этими посольскими не догадался французским воспользоваться? А потому, что в "задании" было оговорено... Солдафон несчастный! И даже девятилетнее общение со свободолюбивыми урками из тех этого не вышибло. К тому же он чувствовал: с посольствами ему не помог бы и французский!

Бакин поплотнее закрыл кабинку, набрал номер, который по старой чекистской своей привычке запомнил первого прочтения.

— Слушаю, у телефона Ив Ланс. — Как и все французы, этот корреспондент чуточку растягивал русские звуки.

— Бон жур, экскюзе муа... — И дальше начал шпарить словно бы не было десятилетнего перерыва.

— А вы не хотите назвать своего имени?

— Нет, месье, не хочу. Я не уверен, что где-то посреди не этого провода не сидит третье ухо!

— Но в таком случае... вдруг, месье, вы и есть то самое "ухо"!

— А чем вы, собственно, рискуете? Маленькая провизия КГБ и большой очерк для вашей газеты!

Ив засмеялся:

— О! Я чувствую, вы опытный в этих делах человек!

— К сожалению, более чем!

— Но вы хотя бы говорите по-русски?

— Конечно, говорю, — ответил Бакин. — И даже умею грубо ругаться матом.

Эту последнюю фразу Петя сказал каким-то удивившим его самого грустным голосом. По-русски.

Потом они быстро уговорились встретиться на площади Пушкина у памятника. В два часа дня. И затем Бакин решительно нырнул в метро. Для того, что он теперь собиравшись предпринять, времени оказалось вполне достаточно. Странно подумать, но вот уже почти сутки Петр Бакин был счастлив, потому что занимался детективной, а может, лучше сказать авантюрной работой. Для которой, по-видимому, и родился на этот свет.

Из метро он вылез на станции "Белорусская". А там, а жем для непосвященных, один из лучших цветочных рынков Москвы. Это, надо вам заметить, зрелище! Конечно, не Голландия, да и товар куда менее разнообразный. Но, честное слово, зрелище! А еще — ароматы. И решение едва ли не десятка языков, а вернее, акцентов, потому что покупатель-то русский. Но и в акцентах есть огромная прелесть: суровый грузинский, мягкий армянский, гортанный азербайджанский, льстивый цыганский, лешливый украинский и, наконец, безыскусственный говор подмосковной бабушки, которая привезла букет золотых шаров в надежде заработать пятерочку, купить в олице молока, хлебушка, шматок колбаски, кило рыбки дешевле, да и ехать в деревню, к двум своим кошкам.

Все это сердцем увидел и услышал майор Бакин, который ой как давно здесь не был, к тому же в таком охотничьем настроении. Какой-то русский классик (Лермонтов, не то Пушкин) сказал устами своего легкомысленного героя: "Что наша жизнь? Игра!" И ошибался, может быть, не так уж сильно.

Хищно, как переодетый тигр в стаде коров, Петя пролез по толпе цветочниц и цветочников. Наконец увидел то, что искал, — прекрасный букет пунцовых роз. Они были умопомрачительно дорого, за пределами, словно или сделаны из золота или из черной икры. Хотя — к чему эти жалкие сравнения и можно ли истинные розы оценить в каких-то жалких рублях! Печально лишь то, что вильнейшем их ждала незавидная судьба.

Так или, возможно, несколько менее витиевато расждал сам с собой Петя Бакин, покупая эти розы, а одновременно боковым зрением сек, нет ли за ним "хвоста". Ну. И тогда он быстрым шагом пошел в магазин "Пионер", где продается всякая всячина для ребят, а в основном принадлежности, чтобы мастерить самоделки. Там Петя купил тюбик черной краски и кисточку, которые пре-

красно уместились в мельниковской папке. Потом выскочил чуть не на середину улицы Горького и стал махать своим букетом — останавливать машины.

Когда человек машет таким букетом, он скупиться и станет. Машины останавливались буквально одна за другой. Но Петя был очень разборчив. Ему не подошло такси частный "жигуль", мечтающий подработать. Остановилась черная "Волга". Бакин скосил глаза на номера. Сказал шоферу:

— Счастливый ты мужик!

— Почему?

— Потому что мне не подходишь!

Водитель пробурчал что-то далеко не самое любезно и укатил.

Зато к следующей "Волге", тоже черной и тоже явно служебной, Петя кинулся, словно к родной матери:

— Подвези, старик! За любые деньги!

— А далеко?

— На Масловку. Даю двадцать пять.

Здесь надо пояснить, что по-настоящему это стоил трояк. Если шофер очень уж ломается, можно поехать за пятерку. Но чтобы за двадцать пять!

На то Бакин и рассчитывал... По дороге, все те две минуты, пока они ехали, Петя беспрестанно нюхал цветы и был беспредельно грустен.

— Вот в эту арку, друг... У того парадного притормози

Машина остановилась, Петя продолжал сидеть без движения. Вынул обещанные двадцать пять:

— Можешь просьбу выполнить?... С меня причитается!.. Поднимись на седьмой этаж — квартира слева. Тебе откроет женщина. Ты ей, ни слова не говоря, отдай цветы и уйди. И только ни слова! Спускаешься, доводишь меня до "Динамо", получаешь еще двадцать пять и забудь этот адрес.

До "Динамо" от того места, где они стояли, еще было ехать... ну никак не более километра. Шофер пожал плечами:

— Сделаю, начальник.

Взял Петины двадцать пять, взял букет и скрылся в подъезде. Петя услышал, как бухнула громко дверца лифта, сунул в гнездо зажигания согнутый кусочек проволоки — мотор заурчал. Петя, не торопясь, чтобы не привлечь внимания, выехал со двора. Минут через десять найдя укромное место, он вынул тюбик с краской, кисточку, и через несколько секунд номер машины вместе "32-19 ММГ" стал: "82-49" ММП"... Вы, конечно, не задумывались над тем, как легко из тройки сделать восьмерку, а из единицы — четверку, а из буквы "Г" — букву "П"... Вы-то не задумывались, а Петя задумывался!

Он также отлично знал: шофер служебной машины не инется сразу в милицию, потому что ему очень трудно удет объяснить, зачем в рабочее время он оказался менно в этом месте Москвы, а не там, куда его посылало ачальство. Сначала бедный водила побегает, порыщет в крестностях. И уж только потом, через час, окончательно отчвявшись... Ну и так далее.

Справедливости ради здесь надо заметить, что трюк тот не был Петиным изобретением. Его рассказал Баки-у, сидя на лагерных нарах, уже упоминавшийся здесь тарший лейтенант Минаев. Был в свое время такой лов-ий угонщик машин, некий Шота Ламидзе. За имевшиеся его распоряжении полтора часа он успевал продать ма-лину какому-нибудь, как говорят эти люди, "лоху" и тихо ехать на поезде — например, в Тулу.

Бакин лишь усовершенствовал фокус для своих ужд — подправил номера. "Не бог весть какая маскиров-а, — думал Петя. — Но все же на полдня хватит. А потом ы тебя бросим". Так он говорил машине, которая шла тлично, и бензина в ней было больше, чем полбака.

ПЫЛЬ И ЩЕБЕНЬ

— Марк Соломонович, у вас зубы не болят?

Маринка, которая знала, что обе челюсти у Халдея ставные, откровенно рассмеялась.

— Ничего, — успокоил Петя, — сейчас заболят!

Он вынул бинт и стал обматывать им Халдея.

— Даю слово, Марик, очень неплохо! Если вы помни-в, такую же маскировку в октябре семнадцатого года рименял Владимир Ильич Ленин. Так что вам совсем не азорно... Вы ведь коммунист?

— Отстаньте, Христа ради!

— Никак нет! На серьезное свидание едем, в собствен-ой "Волге"!

Маринка живо выглянула в окно:

— Что? Вон та, черная?! Марик, он машину угнал!

— Да чего вы так смотрите, Марк Соломонович? Ну уг-ал. Теперь уж один Аллах! — Петя надел на голову Хал-ею мельниковскую шляпу, которая пришлось тому до твращения в пору.

— Послушайте, Петя, а мы... не очень себя по-разбой-ичьи ведем?

— Да ведь мы спасаемся с вами, Марик! — ответил етя очень серьезно. — И Мариночку спасаем. — Но тут се опять включил подзавод веселости. — Надо бы ее то-се малость замаскировать.

— Идите вы, Петечка, к свиньям! Я согласна только на темные очки.

Маринка и Халдей уже знали про историю с посольствами и про Ива Ланса — и поэтому старались держаться бодро-весело. В конце концов — черт с ними, с дипломатами...

— Нам до Пушкинской двадцать минут. С конспирацией, с бросанием машин на соседней улице — сорок. Имеем в запасе верных полтора... Как насчет чая, Мариш? Я колбаски купил...

Халдей сидел в кресле — с этой идиотской повязкой, с этой шляпе, которая давила — что твой терновый венец. Снял шляпу, размотал бинт:

— Я думаю, надо съездить к фабрике, которую Мариночка видела.

— Риск, Марик! — Петя покачал головой.

— Ну и что же — риск? Теперь у нас все так будет.

— Да зачем?

— Хочу проверить одно свое предположение...

Ехали молча. Халдей спрятал лицо в поднятый воротник пальто. Не столько для маскировки, сколько от тяжелых предчувствий. "Если они не дураки, то сделают это, и тогда дураками окажемся мы!"

— Сколько до поворота осталось, Мариночка?

— Ну я не знаю... Вообще, где-то близко.

— Тогда езжайте помедленней, Петь.

Однако все было спокойно. Ни пожарных машин, ни милицейского оживления — того, что в худших своих предположениях ожидал увидеть Халдей. "Как Петя сказал бы, "допыхнулись кагэбэшники!" Тогда еще можно повоевать".

— Вон поворот, Петь, — сказала Мариночка, — откуда грузовик выехал с мусором.

"Со строительным мусором? — тревожно подумал Халдей. И потом сразу: — Да ерунда. Хватит бояться!"

— И куда дальше? — спросил Петя, стараясь поаккуратней разминуться с еще одним таким же грузовиком.

— Все, приехали... Ой! А где же дом?!

Бульдозеры разравнивали пустырь, автопогрузчик докладывал последние "горсти" битого кирпича и железо бетона в кузов последнего грузовика.

Невольно Халдей вылез из машины. Хотя этого, конечно, не следовало делать!

Тут же выскочил Петя:

— Марик! Назад!

Быстро и ловко затолкал Халдея в машину. Маринке улыбаясь, смотрела в окно... Если позволительно будет так выразиться, улыбалась она с ужасом. Петя играю

щей походкой зеваки подошел к шоферу последнего грузовика:

— Что случилось-то, ребят?.. Закуривай...

— Того и случилось, что Россия-матушка... Идиоты хapatные! У них была утечка газа больше месяца. Ну и кто-то чиркнул спичкой.

— Да разве от газа так шарахнет — в мелкий щебень?

— Ты, парень, газа не знаешь. Хуже взрывчатки.

Но Петя именно знал и газ и взрывчатку. Знал он и то, с каким тщанием минируют "особые объекты". В комитете на то имеются великие специалисты!

— А чего тут было-то? Не школа хотя бы?

— Так... картонажная фабрика.

Автопогрузчик высыпал в кузов ковш строительной пыли и камней — последние улики. Машина поехала...

Какое-то время они тянулись за этой машиной, словно надеясь на что-то. Потом Петя подкинул газку:

— Как бы не опоздать!

— А с чем нам ехать-то? — сердито спросила Маринка, словно ища виноватого. — Журналистам нужны факты!

— Ехать все равно надо! — Халдей старался, чтобы голос его звучал спокойно. — Возможно, он согласится, например, опубликовать мое заявление. Я в конце концов...

— Коммунист с сорокалетним стажем?!

— Перестань, Марина!

А ведь, в сущности, он хотел сказать что-то в этом роде: про боевые ордена, про чистую совесть, про безупречную репутацию... Неужели все это окончательно стало пустым звуком?!

На Пушкинской улице, у театра Станиславского, они остановили машину. Зашли в кассы — так им Петя велел. И потом один за другим потянулись на Пушкинскую площадь. "Серый пежо", — думал Халдей, — даже под пистолетом я не отличу его от... Зачем я думаю такую чепуху? Потому что мне больше нечего себе сказать! Я полный банкрот. Я делал все, чтобы в этой жизни быть счастливым до конца, до последнего вздоха. Теперь я буду до конца несчастлив... Господи! За что ты меня караешь?!" Но эти слова, столь важные для многих из нас, в душе бедного Халдея прозвучали едва ли не пустым сотрясанием воздуха, поскольку он, как здесь уже говорилось, не верил в Бога. И от этого ему стало еще горше. Он почувствовал себя обычным старым дураком, которого провели на мякине. Самым правильным сейчас было бы перешагнуть низенькую железную оградку, отделяющую тротуар от мостовой, и — под машину... хоть под тот же "пежо"!

И даже рядом с Фаней меня не положат, а будут долго-долго мучить в отвратительном гестаповском мор-

ге... На фронте он по-настоящему боялся только, быть может, одного — попасть в гестапо. Хотя почему фронтовой разведчик должен попасть в гестапо — лишь Богу известно...

Вдруг кто-то взял его под руку — нежно, крепко. Мариночка!

— Тебе плохо?!

Девочка моя дорогая!.. Как он рад был, что Маринка никогда не узнает о его позорных мыслях... Я спасу тебя! Я буду умен, как дьявол. Я уговорю этого француза!

Они шли под руку, нарушая все Петины инструкции.

Так давно Халдею не хотелось расплакаться. А сейчас хотелось... Но больше я не дам себе поблажки — до последнего дыхания. Я тебя спасу!

ПОМОГИТЕ ИНТЕРПОЛУ

Петя с тощим букетом гвоздик стоял у памятника Пушкину — влюбленный командированный. И на уличные часы поглядывал просто замечательно, а потом сверялся со своими. Халдей тоже глянул на свои часы. Было два часа семь минут... И вдруг он увидел машину и почему-то сразу понял, что это именно "пежо". Машина затормозила у края тротуара, взвизгнув тормозами. "Зачем это он внимание привлекает? — подумал Халдей. — Вот уж эти, из свободного мира, — абсолютно без царя в голове!"

А "пежо" вдруг сорвался с места. И сейчас же стартовала еще какая-то машина... черная "Волга" — почти такая же, какую Петя угнал. "Пежо" промчал до поворота направо, нырнул под кирпич. А черная за ним! "Неужели?.." — подумал Халдей. Но они еще продолжали стоять целую минуту. И увидели, как машина Ива Ланса, нарушив все возможные правила, объехала сквер вокруг памятника Пушкину и остановилась, опять взвизгнув тормозами. Черная "Волга", мчавшаяся по пятам, сочно врезалась в задний бампер французской машины.

А сзади в "Волгу" врезался неприметный светлосерый "жигуль", который был, по-видимому, из того же ведомства, что и "Волга".

Последнее, что успел увидеть Халдей, — совершенно бесстрастное лицо седовласого красавца с острым профилем, с бородой-эспаньолкой. Он сидел в "пежо" на водительском месте, скрестив руки, и ждал, когда к нему начнут применять санкции. Гражданин свободного мира!

— Уходим! Уходим! — услышал Халдей у себя за спиной.

Петя вел под руку Маринку, о чем-то оживленно с нею

лтая. Как бы незначай обернулся... Халдей идет, хвоста
ка не видно. С грошовой галантностью помог Маринке
асть на эскалатор. Вези, метро, спасай!

Сидели друг против друга, но с совершенно "незнако-
ыми" лицами. "Что же нам остается теперь? — думал
лдей. — Позвонить во французское посольство, со-
аться на историю с этим журналистом. Просить поли-
ческого убежища хотя бы для Маринки. А с Петей что?"

Бакин больше уже не был Маринкиным "любовни-
м". Сидел отвернувшись с физиономией человека, счи-
ющего, сколько дней осталось до получки. Он думал:
Ларик протянет по такой жизни не больше недели... И
гнется! Но как пиджаки-то лопухнулись! Чего уж проще:
депять площадку под видом, например, разгона каког-
нибудь несанкционированного митинга, всех в автобусы,
час-полтора просеять, и мы на гребешке!.. Типично со-
тские дела: все предусмотреть, а в последней мелочи
е прокакать. Идиоты! Вот действительно: "за державу
идно!" — при этом он совершенно автоматически дел-
л скорбное лицо, что, мол, до получки еще семь ден, а
нег осталось — червонец с мелочью. Вот же с... Горба-
в! "Но мне-то каюк... И квартире бабушкиной... Меня
и не простят. Им же запахло, что я почти сутки весь
Б за нос вожу. Чего мне-то делать? Тоже помирать —
к Марику?"

Странно, однако ни Петя, ни Халдей даже не вспомни-
т про Ива Ланса, а ведь он пятнадцать минут назад спас
л жизнь. Впрочем, в самом худшем случае его могли
шь выдворить из страны. Но ведь и это немало, согла-
тесь! Жертвовать положением ради людей, которых ты
же не видел... Отчего же, в самом деле, Петя и Марк
же в мыслях не поблагодарили французского журнали-
а? Может, дело в том, что, когда ты тяжело болен, о
агодарности врачу как-то не думается!

Зато о Лансе "объемно и широкоформатно" думала
аринка... Как она звонит ему: "Месье Ив! Позвольте ска-
ть вам, что вы истинно благородный человек, настоя-
ий сын Французской республики... О нет, извините,
третиться с вами я не могу... А впрочем... Где я сегодня
втракаю?.." И вдруг оборвала себя — такой кривой, та-
ий горькой усмешкой, — сразу бросила взгляд, на Хал-
я: хорошо, что не заметил!

Остаток дня они провели довольно странно для их си-
ации. Маринка читала детектив, а Марк и Бакин играли
карты. Есть у воруго игра под названием "деберц", хотя
всем цивилизованном мире она называется коротко и
но — "белот". Так они и просидели от четырех до девя-
и, беспощадно дымя друг другу в лицо, прервавшись
шь для того, чтобы пообедать чем Бог послал, а Марин-

ка сготовила. А ровно в девять Халдей потребовал, чтоб ему включили программу "Время".

Маринка сейчас же стала ворчать, что даже здесь Халдей не может без своих дурацких газет, без кретинско программы "Время". Телевизор, однако же, включили.

На самом деле для советского человека едва ли ест передача родней и занудней, чем программа "Время". Она для нас что-то вроде тещи: с одной стороны, ну е ко всем чертям, а с другой — здравствуйте, дорогая мз мочка!

Все мы хорошо знаем ее традиционнейшие блоки, еш с брежневских времен. Первый — "Чего мы сегодня пере выполнили" (лабуда про заводы и фабрики). Второй — "кем нонче кремлевское начальство целовалось" (между народный). Третий — "Про трактор" (сельскохозяйствен ное вранье). Потом искусство, спорт и погода. Редкс редко когда бывает какое-нибудь разнообразие.

И сегодня как раз такое разнообразие было. На экран вдруг появилась сдержанно-оптимистическая и вовсе н усталая от якобы бессонных ночей физиономия мили цейского генерала. Хорошенькая журналистка говорила что вот, дескать, нашим зрителям интересно, как идут де ла на ниве сотрудничества с Интерполом. Ведь это боль шая и хорошая новость, что мы водим дружбу с полицией всего мира. Теперь, мол, наши преступнички уши по прижмут.

Генерал согласно кивал: мол, действительно, тепер стало много лучше с отлавливаемостью преступного эле мента. Да и вообще дружба лучше, чем вражда.

— Знаю я этого хмыря, — сказал Петя. — Учился н курс старше меня. Обыкновенная такая личность! А смотр ты, уже генерал-майор! Что значит папу иметь в кадрах..

— Так он из КГБ? — удивилась Маринка. — А почем сказали: "Генерал милиции?"

— Это мы сейчас и узнаем, — бросил Халдей.

И они действительно узнали! Генерал вдруг сказаа что хочет воспользоваться предоставленной ем возможностью с целью, значит, сообщить всей советс кой и международной общественности новые подронос ти о нашумевшем "деле Хоффмана".

— Оп-ля! — И Халдей зажег сигарету.

— Западные средства массовой информации связыва ли это дело с якобы имеющим место переводом дене бывшей СЕПГ на счета КПСС. Должен сказать, что журна листы явно поторопились! На сегодняшний день в КГБ СССР имеются неопровержимые доказательства, что ту отмывались деньги советской и международной мафии которая действовала под прикрытием совместного пред приятия "Странник". Руководили этой преступной дея

ельностью советские граждане Валерий Мельник (на кране возникла фотография Мельника) и Марк Халдей.

С огромным удивлением и впервые в жизни Халдей видел себя на телеэкране. Первое, что он почувствовал, был острый стыд!

— ...а также подданный ГДР, — продолжал Петин знакомец, — Вальтер Хоффман и гражданин ФРГ Отто Штилик. Все необходимые доказательства и документы переданы нами в соответствующий отдел Интерпола.

— Ну и что же? — лояльно поинтересовалась журналистка. — Преступников удалось задержать?

— Хоффман и Штилик, как нам стало известно, побли при невыясненных обстоятельствах, — задумчиво произнес генерал, давая понять, что не все так просто в мире, где властвует чистоган. — Что же касается наших омерозенных мафиози... Мельник, по нашим сведениям, скрывается где-то за границей. И его поисками, как мы надеемся, займутся наши коллеги из Интерпола.

— Значит, точно, грохнули Мельника! — сказал Петя.

— Что же касается Халдея... Он пока, к сожалению, на свободе. И я официально обращаюсь ко всем, кто го-либо знает или слышал о местонахождении этого человека, немедленно сообщить нам по телефону...

Снова появилась фотография. И побежала строчка с эмерами. "Где же это я фотографировался? — подумал Халдей. — Совершенно не помню. Надо же!"

Они тупо досмотрели "Время", узнали об очередной победе Ивана Лендла на турнире с призовым фондом в один миллион швейцарских франков. Потом узнали, что згода завтра 7—9 градусов выше нуля и местами эждь... Однако весьма вероятно, завтрашняя погода им э понадобится.

И все-таки... Должен же быть какой-нибудь выход! Халдей встал, выключил телевизор:

— Знаете, есть такой анекдот: "Были римляне и были иреи. Римлян — нет, евреи — есть. Были крестоносцы и или евреи. Крестоносцев — нет, евреи — есть. Были инк-изиторы и были евреи. Инквизиторов — нет, евреи — есть. Были нацисты и были евреи. Нацистов — нет, иреи — есть. Есть коммунисты и есть евреи... "Слушайте, эбинович, что вы хотите сказать?" — "Ничего, просто мы ишли в финал".

— Марик, когда-нибудь я убью тебя за твои анекдо-и, — даже по обыкновению не хмыкнув, нервно забегала э комнате Маринка.

— Боюсь, милая, времени у тебя осталось в обрез. соро это сделают товарищи из КГБ.

— Ну что вы, Марик, ей-богу, — решил пресечь бес-юдный разговор Петя. И хотя у него самого оптимизма

не было даже на копейку, попробовал сыграть весельчака. — Зачем же так мрачно. Во-первых, у нас еще есть надежда на Соню...

— Я очень боюсь за нее. — Халдей потер виски. — И потом... Вдруг там совершенно ничего не значащие бумаги...

— Тем не менее у нас есть кое-что... Сейчас объясню. Вы же сами сказали: мы вышли в финал. Значит, остался еще один ход. И пока мы его не сделали, еще есть шанс сделать этот ход сильно!

— Ну допустим, я приветствую вашу чисто теоретическую выкладку, — с раздражением сказал Халдей. — Что дальше-то?!

Петя тяжело молчал, опустив голову. Халдей положил ему руку на плечо:

— Извините, старина! Я взял не тот тон. Извините, пожалуйста!

— Тогда деловое предложение! — Петя улыбнулся. Он все-таки очень умел держать себя в узде. — Мы с Мариночкой идем играть в деберц. А вы сидите здесь и думаете, — он резко поднялся. Стоял широкоплечий, поджарый. Такой обоюдоострый кинжал, убийца учителей карате. Снизу вверх смотрел на Халдея:

— Я к вашим услугам до конца, Марик. Но прощение! Бога можете вымолить только вы!

ОСТАТЬСЯ ЖИВЫМИ? ПОПРОБУЕМ

Чтобы успокоиться и понять, в какую сторону идти ему понадобилось минут двадцать. Чтобы разработать все в подробностях, конечно, пока в "приблизительных подробностях", он потратил еще около часа. Таким образом Халдей вошел в кабинет Мельника примерно к полуночи. Петя сурово курил и сам с собою играл в очко.

— А где Мариночка?

— Плакала. Я ее спать отправил.

Халдей пошел в спальню. Маринка, наревевшись, спала нераздетая, кверху своей прекрасной попкой, обтянутой джинсами.

— Мариночка! Ты мне очень нужна. Мы тебя ждем. — И быстро вышел, как говорится, от греха.

А придумал он вот что.

Из заметки о смерти Хоффмана следовало, что он вкладывал деньги для покупки неких неведомых "третьих лиц" еще до того, как в Москве стала работать фабрика по изготовлению гэдээровских марок. Мало того, "Странник" был создан, когда товарищам со Старой площади и в самом радужном сне не снилось, что можно будет вос

очную "бумагу" менять на западную валюту. Следовательно... следовательно, "Странник" поначалу отмывал другие деньги. Какие? Весьма вероятно, деньги КПСС. Оттуда они у партии, сейчас не суть важно. Ворованные — от главное. Когда у партийных бонз почва стала уходить з-под ног, они принялись пристраивать "свою" валюту. Как вывезти ее за границу? Думаю, довольно просто — в емодане! Когда крупный чиновник КПСС отправляется с очередным визитом, его вещи не досматривают! У них же, одлецов, диппаспорта!

Таким образом, вывезенные миллионы (а в хорошем емодане уместятся именно миллионы) передают Мельнику (таким, как Мельник). Его торгово-издательская фирма может без всяких подозрений иметь наличность. От своего имени "Странник" (или какой-нибудь "Путник") кладет деньги в банк. Затем Хоффман (или человек роде Хоффмана) забирает наличность, перекладывает и покупает акции какой-нибудь фирмы, а то и контрольный пакет акций! И вот деньги отмыты, и деньги работают. Дают власть!

— Значит, фабрика на Каширском шоссе?.. — начал Петя.

— Вот именно! Это лишь деталь, мелкий эпизод. Мы сертвы мелкого эпизода! В случае с "фабрикой марок" они просто прихватили, что плохо лежит — может, миллиончиков двадцать-тридцать. А в действительности воруют значительно более громадными капиталами...

— Ну и?..

— Если мы докажем, что таковая деятельность КПСС уществует, тогда станет ясно: "Странник" никакое не поюждение загадочной "мафии", а родное детище людей о Старой площади.

— И как мы это докажем?

— А очень просто! — воскликнул Халдей.— Вернее казать, очень сложно как раз! Но в принципе так. Завтра вы мне достанете подшивки "Правды" за последние три месяца, то есть когда для них начались горячие денечки. Я определю круг подходящих визитеров за рубеж от КПСС. Потом вы, Петя, идете в ЦК...

— Ого!

— Думайте, как туда попасть. Я буду заниматься с газетами дня два. Эти дни у вас есть на обдумывание...

Петя никак не отреагировал: а чего реагировать-то? времени все равно не прибавится!

— Идете в ЦК, проникаете в кабинеты тех лиц, которых вам укажу, и ищите.

— Что?

— Не знаю! Но какие-то следы должны оставаться. рубо говоря, счета, расписки. Конечно, это будут не они

сами, но что-то подобное — уж очень суммы аппетитны чтобы совсем бесконтрольно, понимаете, Петь? И эти документы мы отсылаем в средства массовой информации — Все же, честно говоря, не совсем понял... А вы, Мариночка?

Маринка лишь отчужденно пожала плечами.

— Ну смотрите, — с излишним жаром продолжал Халдей. — Мы им показываем выкладку сумм, которыми оперировал Хоффман.

— А откуда она у нас?

— Опубликована в заметке о его смерти! И предъявляем тот, условно говоря, документ из ЦК с очень похожими цифрами! — И он позволил себе наконец сестявно испытывая гордость. — Они же бюрократы. У них и все должны быть бумажки. Протоколы, решения... Даже если это решение подделать деньги чужой страны. Хотел бы для того, чтобы повязать друг дружку.

Маринка тотчас села к нему на ручку кресла, привалилась ласковым своим телом, столь близким под тоненьким свитерком:

— Марик, я лично всегда считала, что ты гений... Ты это правда веришь, Мар?

— Я думаю так... Мне трудно будет выявить круг эти лиц. Пете чудовищно будет трудно сделать то, о чем я его прошу. Но если получится...

— Мы стопроцентно спасены! — бодро закончил Петя

— Они мне врут, а я им верю.

Эге! Закапризничала — значит, дела пошли на поправку!

— Ты моя драгоценная! Пожалуйста, не дуй губки. Лучше думай, как завтра достанешь подшивки "Правды"

— Я?!

— Ну, у Пети своих дел достаточно. А мне после этого телеспектакля на улицу выходить...

— Вы у нас, Марик, теперь знаменитый стали.

ПЕТЯ И МАРИНКА

Думаете, это так просто — ни с того ни с сего взять библиотеке подшивку газеты "Правда" за три месяца? Как выражаются современные ученые, Маринка смоделировала ситуацию в уме. И поняла: ни хрена у нее не получится. Ну а что делать-то? Украсть? Купить? Она буквально готова была расплакаться. Но все-таки тащилась по улице поисках какой-нибудь не очень знаменитой библиотеки.

И увидела наконец. Имени какого-то Анатолия Орлова. У нас почему-то все библиотеки имени кого-нибудь

ушкина, Некрасова, Ленина. Но чем был знаменит Анаэлий Орлов?.. Может, это был один из тех Орловых, кто помог Екатерине взойти на русский престол, а потом стал любовником великой императрицы? Это нелепое предположение рассмешило Маринку. И она вдруг поняла: в библиотеке ей нужно сделать как раз то, чего непроизвольно хотелось минуту назад, а именно — зареветь!

Раз-два-три! Снизойди, вдохновение! Маринка всхлипла, слезы выступили на глазах, поползли по щекам. За ними, уже по проторенной дорожке, проползли еще две. Она вошла в библиотеку, села на подоконник за развесистый фикус и продолжала плакать. А вы только попробуйте по-настоящему разреветесь, попробуйте: потом захочешь — не остановишься!

Это же случилось и с притворщицей Маринкой. Через совсем коротенькое время она рыдала вполне по-настоящему! Тетенька, выдававшая книги, скоро заметила ее, попросила обождать какую-то девочку лет двенадцати и пошла к Маринке:

— Милая! Что с вами?

А надо вам сказать: нет на свете людей более добрых, чем библиотекари. Они и в знаменитых-то книгохранилищах получают очень скромно. В библиотеке же неизвестного Орлова работают, наверно, вообще за бесценок. Если пользоваться терминами, понятными всему цивилизованному миру, то, может быть, центов за пятнадцать-двадцать в день... Вы думаете, мы шутим? Нисколько!

Эти милые, абсолютно бедные женщины все же продолжают работать, проводить какие-то читательские конференции, воспитывать детей — своих главных читателей, — страстно спорить о том, кто же все-таки лучше пил: Марина Цветаева или Анна Ахматова.

Работу свою они выполняют исключительно из любви к искусству. Вот такую-то женщину — седовласую, лет, наверно, пятидесяти — и собиралась околпачить своим зевом коварная Маринка.

— Да что же с вами, голубушка?!

— Все равно-о-о-о вы мне не дадите!

При слове "не дадите" библиотекарьша несколько напряглась, как выражаются современные молодые люди:

— Успокойтесь же. Я обязательно вам помогу!

* * *

Перво-наперво он наменял двухкопеечных. Набрал '09" — номер московской справочной — занято, еще раз

набрал, еще раз набрал, еще раз набрал... Раза с тридцатого наконец добился своего.

— Как мне позвонить в ЦК КПСС?

Дали. Туда дозванивался тоже не менее получаса... О тут надо иметь железные нервы. Петя, который таковы не имел, заранее сделал себе соответствующее внушение. Его интересовал один-единственный вопрос: с какого раза он дозвонится — с четного или с нечетного. На нечетном разе все якобы должно у него сложиться удачно — такие правила игры он придумал сам себе.

Дозвонился с четного раза:

— Пожалуйста, как мне позвонить товарищу Чебакову из общего отдела?

— Мы таких справок не даем.

— Но я ветеран партии с тридцатичетырехлетним стажем!

— Извините, товарищ, тогда вы сами должны поинтересоваться... Мы таких справок не даем.

— Но как же мне?..

— Обратитесь в приемную.

В приемной, большом и несколько запущенном помещении, он отстоял очередь к окошку. И опять начал сказку про белого бычка, вернее, про "товарища Чебакова".

— Вы с ним знакомы?

— Ну, в общем... виделся! — Фамилию дал ему Халдей.

— А по какому вы вопросу?

— Ну, в общем... по личному. И одновременно ответственному. — В учреждениях подобного рода всегда надобно казаться немного идиотом — меньше привлечешь внимания.

— Тогда, пожалуйста, изложите свою просьбу письменно. Товарищ Чебаков ответит вам в течение двух недель.

— Но я всего на два дня!

— Да вы просто оставьте домашний адрес, вам перешлют. Или вызовут... вы где, простите, проживаете?

— В Саратове.

— Значит, вызовут в горком партии. Вы член КПСС?

— Естественно! — И чуть не ляпнул про тридцатичетырехлетний стаж.

— Там, на столе есть бумага и ручки. Следующий, пожалуйста!

Можно было бы еще долго тут качать права. Но Петя во-первых, не хотел привлекать внимание, а во-вторых он как-то сразу понял, что стучится лбом в каменную стену.

Значит, легальным путем к ним не прорвешься. Если он сейчас позвонит этому Чебакову и попросит встречи

, естественно, поинтересуется, откуда телефон. "Дал ин товарищ". Какой?! Не надо им лишние подозре- в башку сеять. Они и так подозрительные — от рожде- и!

• • •

— Ну и зачем же было так плакать? Я вам верю! И не до мне приносить никакие документы. Что, вы эти газе- съедите, что ли?! Только, пожалуйста, будьте поакку- ней!

— Я вам, честное слово, через два дня все верну! — И ксь Маринка была совершенно искренна. — Он просто и не может выходить из дома. Если я ему сейчас не инесу... Он такой нервный стал! — Тут она тоже ничего врала.

— Плохо себя чувствует?

— Ну да...

— Он, извините, старый?

Маринка кивнула.

— Деточка! Как же вы решились за него выйти!

— Он очень хороший! — И Маринка заплакала теперь е по-настоящему.

• • •

Довольно нелепо выкурил одну за другой три сигаре- у памятника героям Шипки и Плевны. Дальше что?.. дследить цекашника, замочить, отобрать пропуск?.. Го- гся. Но исключительно для видеофильма.

По стене на крышу и оттуда?.. По какой стене, на какую ишу?! Хватит ваньку валять!

Что же в таком случае остается? Вертолет, подкоп... обще, что ли, нельзя туда тихо войти? Ерунда. Как туда ди попадают? Повара, обслуга, охрана... Да все же по опускам!

Стоп, ребята! Еще ведь есть на свете шоферюги. Про- и начальника к нужному подъезду — и машину в гараж. мочить шоферюгу и самому?.. Нет, нет, нет, не го- гся. Но где-то близко, где-то у самых корней. Значит, шина... Лучше всего не "чайка" как раз, а "волга", по- иу что... Господи, неужели придумал!

Он подошел к ограде скверика и через широкую пус- о улицу (ибо движение там перекрыто) стал смотреть здание ЦК: "сечь" довольно редкие машины, которые да подъезжали. Наружная охрана вроде бы им не инте- совалась. Хотя это было далеко не фактом.

И Петя счел за благо отойти подальше, сесть со ску-

чающим видом на скамью, развернуть газету, предварительно проделав в ней небольшую дырку.

Таким образом и с такого расстояния следить за машинами нельзя — невооруженным глазом. Но глаз можно было именно вооружить, потому что в принципе есть точки, при массировании которых у вас на время резко обостряется зрение — всевозможным тибетским фокуникам они давно известны. Только это совсем не здорово в смысле "дальнейших последствий", как говорил их наставник в школе. О разведчиках давно существует шуточная придуманная якобы ими же: мол, у нас вредная работа потому что часто убивают. Но работа разведчика вредна прежде всего тем, что она велит, насилуя организм, обрывать на короткое время сверхвозможности, а потом приходится платить за это дорогую цену!

Петя вынул из коробка спичку. Зубами, ногтями застрил ее, нашел точки и сделал несколько резких уколов. Сидел минуту, закрыв глаза — боль жгла где-то глубоко мозгу, у затылка.

Когда боль перестала быть такой нестерпимо резкой он открыл глаза... Это было чудо! Дырка в газете сделалась словно подзорной трубой, телескопом. Он мог и сейчас посчитать пуговицы на рубашке у бугая из наружной охраны, что толкнется перед воротами, куда, по Петиным расчетам должны были заезжать служебные машины. А ну-ка отставить! Только дело! Долго находиться в таком состоянии совсем уж не рекомендуется. Как говорили ребята, работавшие на чернобыльской аварии: "Чем быстрее, тем меньше!"

Но, к сожалению, от Петиной личной быстроты машина зависела. На "персоналках", столь популярном в свое время транспорте, теперь ездили мало: боялись! Примечательно за час ему удалось, говоря по-блатному, наколоть пять машин. Все они, высадив важных пассажиров, заруливая прямо в ворота ЦК — что и требовалось доказать!

Приведя себя в порядок, Петя отдохнул полчаса, понимая, что времени у него вполне достаточно. Он еще мог прогуляться — мимо Политехнического музея, по Большому Черкасскому переулку, вниз по Охотному ряду. Эх, что там перечислять! На всех этих улицах надо побывать... Впрочем, нет! На этих улицах, в этом городе надо пожить, и тогда вы поймете хотя бы отчасти, что испытывал Петя Бакин, который лишь полгода, как вернулся. И знаете, откуда он вернулся.

Конец его маршрута был в районе улицы Горького за магазином "Пионер", где Петя позавчера покупал тюбик краски для известных целей... Теперь он вошел во двор этого дома — огромного и весьма респектабель-

Потому что дом был сооружен специально для работников ЦК партии. Как писал один давно умерший поэт:

Другая полочка,
Другая квартира,
Другими глазами
    глядишь
        на Якира...

Вход во двор обнесен солидным каменным забором, с обычными советскими домами никогда не слухается. Еще совсем недавно у ворот стояли строгие стражи. Теперь, в век демократии, — заходи кто хошь! И Петя син зашел, а зайдя, тут же увидел, что ему было нужно, охранный пост и охранника, но не настоящего, а некоего шулера, который безвылазно сидел лишь в одном подъезде. Тип этот простреливал глазами большую часть двора, не весь двор. Петя легко обнаружил место, куда не ставало недреманное око. Там он простоял минут сорок, изображая кого-то серьезного, а вернее всего, сотрудника КГБ, который явился с инспекционной целью — проверить, не надо ли чего дорогим "ответработникам".

Стоял Петя, рвал зубами французскую булку, спрятанную за пазуху плаща (ибо не успел никуда забежать на завтрак, обеда и ужина) и твердил про себя одни те же слова: "Лишь бы подфартило! Лишь бы подфартило!".

И, ему действительно "подфартило" — повезло только за те полчаса, которые он тут дежурил, четыре "Волги" с цеховскими номерами останавливались прямо, можно сказать, у Петиных ног. Вышедшие из них партийные работники (судя по общей, так сказать, инструментальной сноровке, все средней руки) бросали своим шоферам ни и те же слова:

— Завтра, как обычно!

А почему бы, между прочим, и не повезти было Петя кину? Ведь домов, подобных этому — чтобы цеховский, такой солидный — не так уж много в Москве. И думая об этом, что он все-таки большой молодец, что у него недавно башка раскалывается, Петя отправился к Маринке и к Пдею.

ХАЛДЕЙ ИЩЕТ

Что Халдей умел — это "работать с документом", как зорят люди профессиональные. В самой сухонькой записке ему удавалось рассмотреть нюансы, которые для обычного читателя просто не существуют. Кажется, что и может быть? Протокол, мидовская информация.

Такого-то числа некий ферт иванович прибыл в то государство, и так далее и так далее — от пяти пятнадцати строк. Но почти неуловимо меняющийся рядок слов или бесцветная речевая краска давали Хал пищу для размышлений и выводов. Он был сейчас как эксперт, который по нескольким молекулам крови должен укрепить или разрушить все здание следствия и править человека домой или на расстрел.

Ошибись он сейчас — и все трое погибнут, ославленные жульем, пособниками мафии. Ему адски хотелось рить, но он знал, что не имеет права ни на одну сигарету Сердце его и так последние сутки чудило совершенно потребно. Да и как могло быть иначе, коли Халдей без прогулок и ему постоянно было душно. Но пришлось неукоснительно выполнять инструкцию Баки "Внешне все должно выглядеть точно так, как было. этому ни форточки, ни щели, иначе мы засыпемся в счет!"

— А вы что, полагаете, за квартирой следят?

— Да по идее нет, — Петя пожимал плечами. — Н бы последил... раз других хвостов нету.

— Каких хвостов? — улыбнулась Маринка.

— Да за которые нас с вами можно было бы прих тить...

Итак, он не курил, трудился, дышал воздухом прим но того же состава, что в подводной лодке времен втор мировой войны... Там, кстати, дышалось, может, и пол ше: курить-то не давали. А Маринка с Петей продолжа дымить, увлеченные своими делами. Им некогда было мечать, что Халдей регулярной обычной глотает сов шенно неведомые молодым и потому кажущиеся абс лютно безопасными таблетки. Его навязчивой идеей с ло видение, как он проделает в балконной двери дырку почти у пола, такую, чтобы никто не мог заметить — внешнего мира, ляжет к этой дырке и будет дышать!

Уже за первые полдня работы он отобрал пятнадц фамилий. Потом стал прикидывать, кто же из э пятнадцати "подозрительней". В том, что кто-то из н мошенничал, Халдей не сомневался. Им просто нич другого не оставалось! В тридцатые годы они могли ит вводить честность — потому что никого не надо бь грабить: вся страна и так принадлежала им. Теперь сит ция иная! Что уж там толковать и сомневаться, когда да такой хозяин своего народа, как Чаушеску, считал рац иональным воровать, вывозить. Как же тогда усмир страх Дзапохову или тому же Фалдину...

Он нервно вскочил.

— Маринка! Сигарету!

К черту ему экономить сердце, когда без сигарет

ботало, быть может, самое ценное, чем он обладал, — туция-матушка. Крепко затянулся, нисколько не обращая внимания на постукивание обиженного никотином рта. Дзапохов и Фалдин. Ведь эти две кандидатуры, жалуй, действительно бесспорны. Дзапохов в последнее время близок к Генеральному, а стало быть, и к секретарю партии. И он сейчас стал отвечать за международные языки в Верховном Совете. А Фалдин... Так это же просто спрашивается! Председатель международной комиссии (КПСС. Как говорится, шерочка с машерочкой!

Но больше, как он ни старался, сколько ни курил, проинуться не получалось. Неужели только эти двое? Всю ихину денег, которые наворованы... Он стал перебирать фамилии партаппаратчиков, которые читателю мало что вжуют: Шеин, Макаенков, Горенко и дальше и дальше. К все пятнадцать. Но ни одна из них не нравилась ему! Он занимался военно-промышленным комплексом, тогда больше понимал в инженерии, чем в политике. Друй — недавний выскочка из секретарей обкома, и Генеральный, наверное, знал его не слишком хорошо, чтобы ручить такое дело. А Фрулов, например, Иван всем как кто хорош: и пост подходящий — секретарь ЦК, и за Генеральным, как нитка за иголкой... Но... Прав ли я, думал людей, прав ли? И все-таки согласился с собой: да, прав! Фрулов не годился тем, что был журналистом. А таких людей... Нет, ценить-то их ценили — верных борзописыв — и платили щедро: тридцать или там триста серебряков. Но доверять по-настоящему — никогда...

Странно, подумал Халдей, неужели и я так же отношусь к пишущим людям? Быть не может! Но тогда как же мел понять логику Генерального?

ПЕТЯ ОБМАНЫВАЕТ НАЧАЛЬСТВО

— И заметьте себе, дорогой, это просто никуда не годится!

— Да почему не годится, Марк Соломонович?!

— Потому что нужны детали, подробности. Вот давай заново... Как вы собираетесь действовать?

Маринка сидела тут же в кресле, переводила взгляд с ного на другого и была скорее на стороне Пети.

— Ну, извольте. Завтра в самом начале девятого мы идем с Мариночкой к этому дому. Примерно в ползятую появляются цековские "волги". Возможно, шор поднимается за хозяином, тогда все вообще элементарно просто!

— Просто?

— Ну что я, багажник не открою?! Если же он сидит машине, Мариночка выманивает его наружу...

— Как?!

— Посмотрю на него и пойму как! — сказала она уверенно.

— Но так или иначе используя свои необыкновенные чары, — тут же подключился Петя. — А я в багажнике пробираюсь на территорию ЦК, выбираю подходящий момент...

— Каким образом вы понимаете, что он подходящий? Как проникаете из гаража в здание?.. Да нет, Петя, понимаете, какая штука, все это несерьезно!

— Бросьте вы, Марк! Небось, когда сами ходили в рабведку, вообще ни хрена не знали... "Приказано действовать решительно и по обстановке" — не так разве?

— Позвольте вам заметить, что этот спор мне странно. И как человек, которому вы обязаны подчиняться... Словом, у вас еще целый день, завтра! — Смертельно хотелось выпить таблетку и лечь. — Вечером мне расскажите заново. В подробностях! — Он поднялся и стоял, держа за спинку кресла. — Иначе я просто не назову вам фамилий!

Бакин наконец увидел, в каком он состоянии. Кивнул как можно натуральней:

— Ну, воля ваша. Завтра постараюсь все пронюхать, составлю самый подробный план.

Ночью ему снилось, как он пробирается по каким-то коридорам, наносит и принимает удары... "Если зараньше быть готовым к тому, что тебе нанесут не менее десяти ударов, можно долго стоять и можно победить пример троих. А то и четверых", — так говорил их тренер по рукопашному бою и был во многом прав, хотя и преувеличивал насчет четверых.

Поутру Петя поступил, как и собирался, как решив, глядя вчера в бледное, с запекшимися губами лицо Хадея: коли уж дал Господь свободный денек, надо провести его хорошо и спокойно, чтобы потом в перерывах между допросами хоть было про что вспомнить.

И поехал майор Бакин за город, в знаменитое Перделкино, где отец его много раз жила в Доме творчества, поэтому Петя знал там едва ли не каждую улицу. Сейчас он шел не спеша, как бы успокаивая сам себя, шел по этим аллеям-улицам, где за высокими заборами раскинулись барские поместья старых писателей. Да, знаменитых, а именно старых. В тридцатые годы сталиские агенты покупали писателей на корню: мы вам — бесцельно дешевые дачи, а вы нам — лояльность, верные подданнические чувства. И чаще всего такие сделки удавались!

Но, когда сюда стал приезжать отец Петра Бакина, а обенно сам Петя, многое успело измениться. Бывшие одажные сочинители стали сплошь благообразными и ститыми. Кое-кто из них даже сочинил недурные книж- . Подлость забылась, а книги остались. Маститые рас- внивались друг с другом и со своими почитателями, гда шли в бар Дома творчества выпить рюмку-другую няку, да покалякать о премудростях литературного оцесса, да посмотреть, у кого подрастает дочка, у кого н. Клановость, элитарность вообще очень присущи олетарскому государству. И одними из первых это яли именно писатели.

Сергей Бакин, отец нашего героя, не был ни клановым, элитным. Он вообще стеснялся называть себя писате- м, а предпочитал как-нибудь попроче — как Пушкин да ков. "Я, — говорил он, — литератор, сочинитель". И л всегда несколько на отшибе, в стороне от всяческих греч, застолий, литературных праздников и вечеров. А их литературная общественность быстро забывает пос- смерти. Тем более никто не собирается помнить их не- зчливых отпрысков! Поэтому Бакин шел совершенно не ись. Посторонний среди постороннего мира. Неужели, мал он, мне надо было отсидеть девять лет, чтобы нять эти простые истины!

Он вообще плохо представлял себе, что в этой жизни стало ему посторонним. Вот только Маринка да Ма- с...

И нечего мне тут делать!

У железнодорожной станции приткнулось кафе-стек- ка. На этом месте когда-то была деревянная пивная, ревшая однажды на 7 ноября, — то ли по халатности рожка, то ли по причине крупной растраты продавщи- . Кроме пива здесь всегда подавали и водку, и вино. кин подошел к стойке:

— Дайте-ка мне бутылочку "Фанты".

— Да что тебе эта бурдашка, милок! — сказал стоящий дом мужик. — Выпей лучше "Агдаму".

— Не могу. — Петя изобразил на своем лице сожалез. — Не могу, отец: за рулем!

— Ну тогда поставь в долг. Ты ведь Сергея Васильеви- Бакина сын, правильно?

Вот так, подумал он, на чепухе можно засыпаться!

— Нет, мужик, неправильно! — Петя хотел было сразу и, но удержал себя. Бросил на стол еще трешницу. И, да продавщица налила, сказал: — Выпей, чтоб мне зав- повезло.

Не торопясь, пошел за свободный столик. Главное — напрягаться... Думать о своем. О том, например, какую ишу можно повесить Марику на уши.

И придумалось как-то удивительно легко... Будто (он заметил на территории цеховского гаража полупустой ящик с песком на случай пожара. Там можно отсидеться до ночи. Когда все уйдут, взлезть по пожарной лестнице до четвертого этажа, где работают секретари (это сведения он получил от Халдея), через окно туалетной комнаты, на котором нет сигнализации, проникнуть в здание. А там уж...

Он глотнул еще "Фанты". Кстати, его план действительно получился неплохим. Даже если там нет ящика с песком и пожарной лестницы, где-то он спрячется, пересидит сколько надо. Потом в здание... Как? Пока не ясно. Но ясно, что со стороны гаража вход в основное здание охраняется: от кого охранять-то, от своих? Потом действительно в туалет. Но не секретарского этажа, а простого. Наибольшая опасность — обход помещений в кондминистрации. Значит, придется на веревочной петле-стуле провести какое-то время за окном. Потом по этой же веревке спуститься на секретарский, четвертый этаж. Через окно туалета... Далее — помогай Бог!

Когда документы будут найдены — обратно в туалет по веревке на пятый этаж. Мочить первого вошедшего уборную, взять удостоверение — и на волю!

Неужели выкручусь?.. А почему нет!

— Слышь, милочка, поставь "Агдаму" стаканчик. Ведь твой отец знал!

Бакин весь напрягся, медленно поднял глаза... Едва знакомый уговаривал какого-то нового клиента.

— Чего ты там знать мог, брось!

— Почему же? Никольский Константин Григорьевич

— Смотри, правда знаешь... Налей-ка ему, Людочка!

Такая профессия была у этого алкаша — помнить и называть умерших родителей.

А Халдей в это же примерно время додумался еще о двух явных "кандидатах" на Петин обыск. Ими были Курчина, управляющий делами ЦК, и Иванько, первый заместитель Генерального.

Почему Курчина? Ответ был прост: зачем завхозу, хоть и высокопоставленному, ездить за границу? Что за переговоры такие он ведет?.. "Завхозы всех стран, соединяйтесь!"

Что же касается Иванько, то доказательства тут были значительно более иллюзорными. Многолетнее общение с газетой научило Халдея тому, что называется чтение между строк. И вот в каких-то нескольких сочетаниях — каких, он не помнил, да это и не суть важно — явно проскальзывало, что Иванько не просто покровительствует Курчине, но в каком-то смысле и курирует его работу. Нити от многомиллиардных этих дел несомненно должны

даться к какому-то очень важному человеку. Более то подходит сам Генеральный. Но жене цезаря по-ло быть вне подозрений. Уже хотя бы для того, чтобы лазать" кого-то в случае провала. А раз не годится Генеральный, значит, второе лицо. То есть Иванько! Молодец, Халдей, сказал он себе, просто молодец! Да-зигарету можешь закурить ради такого случая...
Так, все было готово для завтрашней неизбежной тьюры.

ПЕТЯ НЫРЯЕТ

Зремени до выхода из дома оставалось минут трид-.. Все трое сидели за столом — завтракали. Кусок в то, естественно, не лез.

— Ну что ж, — Петя поднялся, — тайная вечеря объяв-гся закрытой?

— Тайная заутреня, — бросил Халдей, глядя куда-то в 1. — Петя, возьмите с собой бутербродов.

— Как, извините, вы сказали?!

— Ну, вам целые сутки вряд ли чего удастся поесть.

— А вы что, Марик, когда шли на задание, брали с со-шамовку?!

— Натурально.

Маринка уже намазала маслом два куска хлеба:

— С сыром или с колбасой?

Тетя и Халдей переглянулись.

— Ну? — спросил Халдей голосом экзаменатора. — с чем же?

— Только с сыром!

— Правильно! — Халдей улыбнулся. Его немного раз-1 этот маленький спектакль.

— Почему "правильно"? — Маринка уже изготовилась жить на хлеб с маслом более сытной колбасы.

— Потому, деточка, что "российский" сыр ничем не 1ет, как и всякая вещь, сделанная из высококачествен-резины. А колбаса — чесночная!

Марик, извините. Я все-таки не возьму. Вернусь и 1". Нет, это прозвучало бы слишком по-киношному. 1л бутерброды в уже известную нам сумку "со всем 1ходимым".

— До встречи, Марк Соломонович. Вернусь завтра, ча-з десять.

Халдей ничего не смог ответить. Лишь пожал ему руку 1й сухой старческой рукой.

Когда они выбрались из преисподней метрополитена 1 берегу Белорусской площади шли к цековскому до-Тетя заметил, что Маринка дрожит.

— Не трусь. Это не помогает.

— Я всегда так перед концертом. Знаешь, все-Мельпомена, то да се...

— Марин, я тебе вынужден сказать... Ты сегодня зумно хороша!

Господи, что комплименты делают с женщинами: ответ она сейчас же стала рассказывать случай какого-то замминистра, который безумно к ней клася, — то самое, что она никогда не могла рассказать. А рассказывать такие вещи хочется! И уже через минуту разгорячилась, забыла про свою "мельпомескую" дрожь.

Бакин не слушал ее, лишь контролировал общий ритм рассказа, чтобы вовремя издать одобрительное "А". А думал Петя о том, сколь эфемерен шанс на удачу и давно он не употреблял слово "эфемерный". И еще том, что согласился, что заставил себя идти туда одной-единственной причине: окружающий мир отвратителен и чужд ему — правильно подумалось вчера в Пиделкине. И бывший майор, бывший зек, бывший Петркин готов разрушить этот мир на любых условиях: любым, даже эфемерным, шансом на успех. Потому другого шанса ему не давали!

Он прекрасно все рассчитал; им пришлось ждать пять минут — иначе Маринка могла бы перегореть, успел третий раз в душе своей проговорить: "Поскобы ты, машина!" — как она появилась. Шофер из машины не вышел, развернул газету... Старый. Плохо!

Маринка не смогла даже шага сделать: из подъезда "Волгу" проскочил парень лет тридцати, больше похож на работника КГБ, чем на работника ЦК. Это все Петя мал, чтобы взять себя в руки перед началом "последнего и решительного".

— Ну вот, Маринчик, провели учебную тревогу. Тебе видела, как все будет!

Тут подошла еще одна машина. Шофер опять был рыжий, опять остался внутри, опять развернул газету... "Что там, под копирку работают?"

— Пошла, Маришенька!

— Боюсь!

— Иди!

— Старый же — не получится!

Петя опустил голову, чтобы Маринка не увидела дырки злобы, горевшей в его глазах.

Прошло минуты три, из подъезда выполз какой-то хмырь, которого Петя отфиксировал лишь в том смысле, что замочить его было бы очень просто. Маринка тряслась, в воротах уступив дорогу еще одной "Волге"...

В этой шофер был как по заказу. Вылез из машин

юдой! Стал тряпкой протирать и без того чистое вет-
ое стекло. Петя не успел ничего сказать, Маринка уже
нулась к машине:

— Ой, молодой человек, можно вам...

И что-то стала шептать ему на ухо. Петя буквально по-
ствовал, как Маринкины губы трогают щеку того шо-
юги. Махнула куда-то рукой:

— Одна минута!

Парень вопросительно глянул на дверь, из которой,
имо, должен был появиться его хозяин. А Маринка
уверенно пошла вперед, демонстрируя свои ножки.
фер бросил тряпку на капот, почапал за этими ножка-
— баран бараном!

Через секунду Петя был у машины, махнул тряпкой по
слу, пошел вдоль левого борта, чтобы находиться спи-
к подъезду, где сидел охранник. Протер задний но-
и. Проверил багажник — просто открыто! Поднял
шку, оглянулся быстро. Вперед, Бакин! Нырнул
грь, захлопнул крышку... Когда он думал сегодня
эм об этом моменте, то предполагал, что ему крепко
щемит палец, и поэтому взял с собой кусок ваты и
г. Но пронесло, пальцы остались целы. Теперь устраи-
я поудобней. Только тихо! Еще минут пятнадцать
ни тебе точно гарантированы.

ОЧТИ ЛЮБОВЬ И ПОЧТИ УБИЙСТВО

Однако прошло никак не менее получаса, как Петя
шлал из своего укрытия:

— Сергей, где ты болтаешься?

— Да бабушка тут одна попросила...

— Телефон дала?

В ответ шофер радостно заржал:

— В натуре, Кузьма Иванович! В натуре старушка!

— Ладно, поехали!

Нельзя сказать, что багажник самое удобное место
поездок. И "экономив" на травме пальца, Петя на-
себе пять или шесть весьма основательных синяков,
ишку на голове, когда он ударился обо что-то очень
зное — по-видимому, о домкрат.

После шишки машина пошла значительно медленней,
рожней, часто тормозя и переваливаясь с боку на
. Они ехали по проселку! И надо бы поскорей выска-
ть из этой душегубки, из этой неудавшейся игры. Но
остаться незамеченным? И куда он выпрыгнет? Мо-
здесь полно охраны... Машина остановилась.

— Сейчас ворота открою! — услышал Петя голос фера. — Встречают, Кузьма Иванович!

Что за черт?!

Потом сразу женский голос:

— А уж я тебя жду-жду!

Хлопнула дверца, и затем голос "хозяина":

— Да вон Сергей опять путался с какими-то матрецами... Ладно, брось. Дай-ка я тебя поцелую... Сергей, за си пакеты в дом и — свободен. Завтра здесь в восемь

— Понял, Кузьма Иванович!.. Ой, не надо, Кузьма Иванович! Я же не за деньги для вас.

— И ты, что ль, вступил в период плюрализма? Дают — бери!

— Слушаюсь!

Где-то недалеко хлопнула дверь и наступила тишина.

Вылезать, не вылезать? Тихо вынул из кармана фишки. Каких только работ она не выполняла на своем долге! Теперь вот Петя осторожно подцепил ею язычок замка... Потому, между прочим, он и охотился именно "Волгой", что багажник там можно открыть изнутри "Чайке" такого ни за что не сделает. Только зубилом автогенном!

Крышка отскочила вверх. Сейчас же Петя высоко захлопнул багажник, ужом скользнул под машину... одного опасного звука. Он лежал на мокрых осенних листьях, прикрывавших уложенные встык бетонные плиты. Посмотрел налево, направо — забор, какое-то строение, похоже, сарай, несколько высоких старых берез — их палой листвой и лежал Петя.

Надо было действовать дальше. Ситуацию, хотя и в этих чертах, он себе представлял. Вот тебе, Марик, давай, и "детальный план"!

Вылез из-под машины и увидел дом, вернее, дачу не очень шикарную, но крепкую, ухоженную, крытую листовым железом. Такую и должна была иметь обладательница голоса, который Петя слышал, лежа в багажнике. Юркнул за террасу. И вовремя. На крыльце как раз явился шофер и, не глядя по сторонам, радостно прижал к машине. Выехал со двора, аккуратно закрыл ворота и только его и видели.

Петя, пригнувшись, пошел вдоль дома. Окна? Служба высокая. Да и заглядывать туда — занятие невыгодное: на улице светлее, поэтому тебя видать хорошо, и лишь различаешь неясные фигуры. При таком раскладе легко пулю схлопотать.

Он вновь вернулся к террасе. Осторожно потянул дверь — заперто. Дальше, уже в сам дом, вела еще одна дверь, и Петя мог бы поклясться, что она открыта. Фигуры тихо отковырнул оконную замазку, вынул маленькое

шко, из каких обычно выкладывают окна на террасах. Зсунул руку внутрь, повернул колесико английского ика. Дверь, не скрипнув, открылась. Потянул за ручку дующую дверь. Она отворилась — тоже бесшумно. жжа наготове нож, Петя заглянул внутрь: стол в самом але трапезы — то, что называется, выпили по первой. тол сервирован на двоих. Боже мой, чего тут только не ю! Русскому глазу такое удастся наблюдать разве что тно про заграничную жизнь. Такого изыска и изобилия не встретите на столе ни у одного члена Политбюро, у самого генсека, а только в доме у простого директо- тродовольственного магазина. Несколько секунд Петя иог оторвать глаз от этого чудного зрелища!

Невольно вздохнул — может быть, слишком громко. ке, наверное, слишком громко, если б ни куда более мкие всхлипы и скрипы, доносившиеся из-за дощатой чы. Казалось, сама стена вибрировала от этих звуков. ии распределялись примерно так:

Кровать: "Скрип! Трах! Скрип! Скрип!"

Женщина (в такт кровати): "Хочу! Хочу! Еще! Еще! э!"

И абсолютно не ритмично, но очень громко разда- ся рык безмерно довольного собой мужика.

Как видно упражнения эти велись довольно интенсив- поскольку женщина вдруг закричала:

— Все! Милый! Подожди! Не могу больше!

— Ну, давай! Давай, — ревел мужчина. — Вдохновись э разок!

"Надо спасать бедную", — Петя приоткрыл третью эь — в третий раз бесшумно. Он увидел то, что и пред- агал. Кровать вся была растерзана, разметана, подуш- и одеяло валялись на полу. А работник ЦК КПСС тру- ся над дамой своего сердца, которая, выражаясь язы- бессмертного "Декамерона", находилась "в позе ди- кобылицы". Голова ее болталась из стороны в сторо- губы закушены. Но по всему видно было, что мысль эхновиться еще разок" не казалась ей теперь такой уж равильной. Глаза, к счастью, закрыты!

Тетя переложил нож в левую руку, сделал один эмный шаг, разом покрыв расстояние, разделяющее и живую скульптурную группу. Носком правой ноги с у закатил цекашнику в абсолютно голый бок, а ребром эни правой руки по потной и крепкой шее.

Сузьма Иванович издал икотный звук, истолкованный подругой совершенно неправильно. Она открыла гла- /дивившись, что ее так внезапно перестали... какой бы глагол употребить, придумайте сами... повернула го- / и увидела чужую жуткую руку, из которой торчало

— Пикнешь — зарезу! — Свободной рукой Петя шлепнул женщину по задку... Нельзя сказать, что этот жест с процентно был необходим для успеха дела.

А женщины такие вещи улавливают мгновенно — вы нам поверьте! С ужасом, но некоторой надеждой смотрела на явившегося к ней дьявола. Большие ее глаза ее сверкали сквозь упавшие на лицо пушистые лосы. Все еще стоя в вышеописанной позе, она протянула руку к ночному столику, поскреблась там крашенными ногтями, протянула за спину, к Пете, большую полную донь, на которой лежали золотая цепочка, кольцо с изумрудом, еще одна цепочка с висюлькой в виде старинной каравеллы:

— Возьми, милый! — прошептала она. — Больше чего нету!

— Ляг! — и осторожно, но чувствительно кольнул с прием финки в то место, где под белой ее соблазнительной кожей прыгала сонная артерия.

Безумными глазами женщина посмотрела на Пете. Кто же он такой? Лицо грабителя, а действия сексуально маньяка! Легла, готовая, так сказать, принять с крест... Она была, конечно, хороша. Природа тут ни в чем не поскупилась. Однако работа в советской, как точно говорил Петя, торговле, уже давала себя знать...

— На живот ляг, бестолочь! — и быстро скошил голову на Кузьму Ивановича. Тот продолжал оставаться солито неподвижным мешком. Черт! Не переборщил? Быстро скинул пиджак, сбросил с плеча припасенную для лазания по туалетам веревку. Отхватил два кулака. Профессионально, как учили, связал женщине ноги.

— Руки назад!

Связал руки, поднял за плечи, посадил, прислонив лобом к коврику... Кстати, очень фартовый был коврик, бекским мастерицам немало пришлось потрудиться над ним!

— Лейкопластырь где?.. Шепотом!

— В тумбочке должен быть... — Метнула взгляд на жасущего Кузьму Ивановича. Нет, на тумбочку, что стояла противоположной стеной. На лице цекашника, глаза которого все еще были закрыты, появилось неопределимое состояние — Петя-то Бакин знал, каково приходится в жизни после такой обработки. Быстро связал Кузьму Ивановича. Затем еще быстрее открыл тумбочку — пахло лекарствами. Порядок, есть лейкопластырь. Прилепил кусочек губы соблазнительной хозяйки. Из бутылки с боржомом полил на голову цекашнику, тот наконец открыл глаза.

— Слушай меня, Кузьма! Будешь орать, замолчи. Знаешь, как мочат? — под левой грудью лежащего Петя провел острием крохотную полоску — сразу выступил

пельки крови. А вид собственной крови хорошо действует на человека. — Будешь орать?

— Не буду! — ответил Кузьма со страстью и ужасом.

— Сделаешь, что я говорю, ничего с тобой не случится. Вообще никто ничего не узнает, понял?

Кузьма неотрывно глядел на своего мучителя. На упитанном боку его уже начал проявляться огромный синяк.

— Сейчас позвонишь в ЦК, закажешь мне пропуск. Любой! Тебя это вообще не касается. А может костыля! — и он похлопал по карману, где лежала финка.

Повернулся к женщине... Зараза! Глаза так и прилипают!

— Какой отсюда код Москвы? Обманешь — не жайся!

Ах да! У нее же рот заклеен. Но не стоит отлеплять — астыря маловато.

— Закроешь глаза, когда назову первую цифру... один... Два... Двойка первая?

Директорша кивнула.

— Поехали вторую цифру. Один... Два... Три... Четыре... Пять... Пятерка?.. Только смотри, без этих!

В общем он выяснил: код — 253.

— Кузьма, телефон бюро пропусков!

Несчастный цекашник продиктовал номер. У Пети не по оснований его жалеть, а все же он его жалел! Нацепил рюмку водки, влил ее в Кузьму.

— Только не дрогни голосом! — и стал набирать номер. И вдруг Кузьма заплакал:

— Не... не смогу я!

— Фамилию говори!

— Кожемякин... Из отдела культуры.

Погоди же! Петя залез в карман его пиджака, который уратно висел на стуле, вынул пропуск: "Есин Кузьма Иванович, завсектором орготдела". Прямо ладонью, на горой лежал пропуск, двинул Кузьму по физиономии.

— Так завтра же проверят, по какому вы пропуску прои! — Кузьма всхлипнул. Из глаз его текли чистые, как ушки, слезы.

Пожалеть паразита? А за что его жалеть!

— Алло, бюро пропусков? — деловито начал Петя. — Оавствуйте! Кожемякин из отдела культуры. Ко мне жден прийти товарищ Бакин... — Эх, надо было фамилию-то в паспорте хоть немного поменять! Бакинский какой-нибудь. И без проблем. Кабы знал, где упал, со мной бы подстелил! — Товарищ Бакин Петр Сергеевич.

— Хорошо, товарищ Кожемякин!

Петя положил трубку:

— Да не бойся ты, нюня! Я там не наслежу. С шоферюгой своим договоришься... Вообще никто ничего не

узнает! — С великими трудами он пересадил завсектор на диван — как раз напротив кровати, где сидела любовница. — Тяжелый ты, падла!

— Товарищ, — жалобно проговорил Кузьма, — рбейте мне, пожалуйста, лицо.

Петя рассмеялся:

— Извини, не могу. Боюсь, ты задохнешься. Шофер гу своего попросишь. — И залепил цекашнику рот пл тырем. — И сидите тут тихо, суки. Меня заметут — вам хуже!

СОТРУДНИКИ ЦК КПСС

В ЦК он прошел сказочно легко. Предъявил паспорт в глаза постовому светил значком депутата РСФС снятым с пиджака Кузьмы Есина. Куда идти, догадал слава Богу, узнать у плененного цекиста. Шестой эт комната номер такая-то. В небольшой светлой приемл секретарша вдумчиво читала знаменитую работу Лен "Государство и революция". Это Петя выяснил через л нуту, когда та, сказав: "Извините, товарищ!" — сдел какую-то пометку в тетради, потом положила книгу, сколько, как показалось Пете, нарочито, что, мол, не Ч за поганого читаем, не развратного Жапризо!

— Извините, товарищ. Слушаю вас.

— Я к товарищу Есину.

— Его нет.

Петя сел.

— И не будет сегодня, — сказала секретарша голос которым мягко, но выпроваживают.

— Не знаю, мне назначено!

— У товарища Есина сегодня совещание в парламе ской фракции "Коммунисты России"!

Вот это, оказывается, как у них называется!

Собеседница прожгла его супервнимательным взг дом:

— Вам... извините, плохо?

Здесь Петя не мог удержать смеха. Секретарша с доумением взглянула на посетителя.

— Да нет, — начал Петя. — Вы так сказали... Пр анекдот мне вспомнился. Лежит в луже пьяный. К нл подходит сердобольный гражданин: "Товарищ, л плохо?" А пьяный: "Хорошо!"

Неожиданно секретарша расхохоталась так громк резко, словно ее щекотали. Петя, отнюдь не ожидавл от своего рассказа подобного эффекта, был сильно уд лен.

— Знаете, я зайду здесь пока к друзьям, а если Кузьма знович появится...

— Хорошо, — секретарша пожала плечами. — Но он одна не появится, товарищ.

По лестнице прошел мимо четвертого, секретарского жа. В глубине за стеклянной дверью сидел прапор, ю скучал. На боку его висела кобура от "ТТ", но Петя поручился бы, что в той кобуре не туалетная бумага. В чем, охраняли здесь чисто номинально, исполняя скорит ритуал престижа.

На третьем этаже Бакин зашел в туалет. Как он и предлагал, окна не были на охране. Вот только хватит ли везики? Метра четыре... И хотя Кузьму с его бабой вязалюмно... Ну, в случае чего, ремень в запасе.

Выходя из туалета, Петя столкнулся в дверях с каким-то мужиком лет пятидесяти, они обменялись короткими тографирующими взглядами. Нет, не комитетчик он, комитетчик — успокойся. "Своих ребят" Петя чуял за юметр!

Вернулся на шестой, в приемную Есина:

— Ну, что?

— Да не будет его!

Все, пора отсюда сматываться. А времени до основной юты еще чертова уйма. Зашел в туалет, заперся в каике. Тупо просидел на толчке минут сорок. Точнее, идцать восемь. Затем кто-то вошел. Петя спустил воду, тез наружу — в кабинку рядом собирался войти тот сая, уже встреченный им тип!

Да не кагэбэшник же он, черт тебя дери! Просто брюхо тит.

— Не везет же нам! — Петя покачал головой, как бы дя в том мужике товарища по поносу. Мужик ответил очень приветливой улыбкой и скрылся за дверцей.

Таким образом, и в туалет дорога ему заказана!

Между тем срочно надо было что-то решать с пропусия. Если на вахте к положенному часу не окажется его спуска, начнут проверять, искать, не остался ли кто в знии.

Час, к которому должен уйти последний посетитель — повина шестого, так сказал ему Халдей. А сейчас было е без четверти пять. То есть нужно в темпе избавляться этой бумажки. Конечно, если он собирается выполнять ание.

Хотя, по идее, лучше уйти! Ему просто негде отси-ть. А ведь отсиживаться придется еще часа три-че-е, когда все аппаратные крысы урюют домой, ка-изшники проверят помещения и успокоятся. 4-четыре часа — это ведь очень много! А Петя буквально как черный жук на белой скатерти!

Спокойно все решить! Сейчас именно тот момент, к да можно уйти без всяких осложнений. Завтра нач шантажировать Кузю Есина, завербовать его в сообщки...

Но это — долгая песня! А ведь КГБ их ищет. И КГБ найдет! Значит, надо быстро — одним ударом. Риск! Не растягивать удовольствие на неделю — разве не риск?

Да и потом, Петр Бакин не любил шантажистов своей прошлой работе никогда не пользовался шанжом, если только начальство сильно не заставляло. Та чего же ему теперь заниматься этой гадостью!

Для начала — надо сдать пропуск.

В принципе Петя все придумал. Эх, сейчас бы при саться, вообще — оглядеть себя в зеркало. Но в туалет идти не решался, а здесь зеркала нигде не предусмотрены. Он подтянул галстук, застегнул пиджак на все пуговицы... Сколько ни чистился у есинской бабы, однако пя от лежания под машиной и в багажнике все-таки ос лись. Ну, делать нечего! Главное — идти внаглую и св кать значком депутата.

Он спустился на первый этаж и только глянул на п товых, сразу облегченно вздохнул: охранники, как ои предполагал, как и надеялся Петя, сменились. Решите но пошел на abordаж:

— Что же вы, товарищи?

— Слушаю вас, — один из постовых взял под козыр

— От нас почти три часа назад ушел человек, вот п пуск свой оставил на столе. Хорошо, что мы это обна жили. Но как же он мимо вас прошел?!

По лицу ментов волнами ходили белые и красные с лохи:

— А когда, вы говорите, он?..

— Да уже часа три! — гневно воскликнул Петя, бро постовым спасающую от начальственного гнева отгов ку, а на самом деле — крючок с приманкой, который немедленно и проглотили:

— Так здесь были не мы! — закричали постовые с достью и с особым служебным рвением. — Мы всего заступили тридцать пять минут назад! — Тут один из и сделал лицо киногероя, исполняющего роль неподкуп го сотрудника ВЧК 20-х годов. — А при нас, извините, варищ, здесь никто без пропуска не проходил. И не пр дет!

Но Петя не собирался так быстро прощать их. Ведь играл роль какого-никакого, а все ж начальника.

— Да не надо оправдываться! — Он положил проп на стол перед дежурными. — И передайте своему това шу...

Постовой дернул плечом:

— Мы их увидим теперь через двое суток!
 — Значит, передайте своему начальнику! — Петя ткнул
 ищем в пропуск, повернулся и строго пошел к лифту.
 Он был доволен собой... Однако куда же ехать? В ожи-
 ии лифта он вспомнил прелестный диалог из фильма,
 орым очень увлекался в юности: "Как ваши дела?" —
 ик у того парня, который летел с восемнадцатого эта-
 Летел он и думал: "Пока все идет хорошо!"

СОТРУДНИКИ ЦК КПСС

(продолжение)

Подъехал лифт. Сзади Петю слегка подтолкнули: что,
 т; заходи же, тютя!

— Вам какой нажать?

— Шестой, — машинально ответил Петя. Да ведь ему и
 аться-то больше некуда. Эти все работнички сидели
 своим крысиным кабинетам, и человек, слоняющийся
 коридору, становился сразу заметен. Действительно,
 жук на скатерти. Запилились бы пилой эти зоологи-
 кие сравнения!

Петя хорошо знал такие состояния, когда (как бы это
 гриличнее выразиться?)... когда твоя удача начинает
 ять терпение. Нужно или подкинуть ей какую-то новую
 ю, или ждать, когда у нее просто исправится настрое-
 . Никаких новых идей у Пети не было. И оставалось
 зть! Но, едва он вышел из лифта, почувствовал вдруг,
 , может быть, удача опять согласна терпеть его безала-
 ность и желание раз за разом испытывать судьбу. В
 ьнем конце коридора Петя увидел знакомую кофту —
 ора с серым припушком, такого, знаете ли, благород-
 о цвета: чтоб и модно, и в то же время прилично для
 рудницы ЦК партии!

Секретарша Есина! Она куда-то уходила, эта гримза. И
 можно, в приемной сейчас никого нет. И никого не бу-
 хотя бы в течение трех-четырех минут. Поработай,
 ча, поработай немного!

Очень быстро Петя оказался перед кабинетом товари-
 Есина. Никого в приемной! Выхватил позаимствован-
 : из карманов Кузьмы ключи. Раз-два, открыто. Вошел.
 -два, закрыто! Быстро осмотрел кабинет: стол, кресло,
 ф, диван, еще один стол — для заседаний. Дико было
 дставить, что в этом кабинете распоряжался тот самый
 озадый Кузьма, который сидит сейчас, горе мыкает
 ом со своей голозадой девушкой... Эх, воспоминания,
 юдьте вы такими яркими!

← тому же пора заняться делом. Что нужно перво-на-

перво, когда ты заходишь в новое помещение? Знать, г удобнее всего укрыться при перестрелке. И знать, г можно спрятаться. Первое ему было ни к чему — за и именем огнестрельного оружия. Второе? Кто посме зайти в кабинет достаточно крупного начальника в его (сутствие? Да ни одна собака! На всякий случай Петя е же заглянул в шкаф. За одной створкой было отделен для пальто. И здесь вполне можно встать и при достат ном терпении простоять хоть час. Ну и ладушки! За др гой дверцей оказались полки. На верхней стояла почат бутылка виски — все же не забывает директорша дорог го Кузьму Ивановича — и коробка шоколадных конф Тут Петино брюхо заурчало и затребовало. В самом де, столько всего успеть, столько нервов потратить — и кусочка за целый день!

Он сел за длинный заседательный стол, вынул Мари кины бутерброды, налил из графина заседательной вод Таков был его скромный обед.

И затем Петю ну просто безумно потянуло в с Единственное, на что еще хватило сил, — протереть и п тавить на место стакан — следы замести. А затем он б вально упал на диван. И уснул тотчас же!

Железные нервы? Да нет. Они были у Пети Бакина кие же, как у всех. Просто он столько раз расставалс жизнью, что расстаться еще разок не казалось ему о бенной проблемой. А поспать хотелось очень. И пот жизнь, инстинкт жизни, знаете ли, не такая уж хрупко-г пая штука: умеет за себя постоять! В этом тоже убедил Петр Бакин, играя с огнем долгие годы.

Так проспал он не менее часа. Затем его стальн пружиной подкинул звук опасности — слишком явств ные голоса раздавались у самой двери, к счастью, пок той стороны. А Петя уже стоял в шкафу, готовый в люб минуту закрыть дверцу. Но не закрывал ее, потому что тел послушать разговор. Говорили две женщины: сек тарша и еще какая-то, молоденькая.

— Да не надо ничего убирать, — говорила секретр ша. — Его сегодня вообще не было.

— Неудобно, Наталья Павловна, — отвечала мол дая. — Хоть пыль с полировок сотру.

— Вот какая ты девочка. Ну, изволь...

Заскребся ключ в замке. Петя прикрыл дверцу шка и почувствовал себя в совершенной мышеловке. Ес ственно, он никогда бы не засел в этом кабинете, если удалось найти что-нибудь иное. Но выбора-то не было

Он слышал, как секретарша села в кресло за работ стол Есина (кресло слегка скрипнуло), а уборщица ходи по кабинету, аккуратно двигала стулья — протири здешнюю мифическую пыль.

— Вот я вижу, — продолжала секретарша, — девочка старательная, хорошая. Да стараешься ты неправильно! Проползла пауза: видимо, уборщица удивленно смотрела на гримзу.

— Конечно, неправильно! — опять сказала секретарша. — Иди сюда. Вот я тебе кое-что покажу...

Петя услышал, как она ключом открывает... Петя мог и поклясться, что она открывает один из ящиков в столе юеого шефа.

— Смотри!

— Ой, да разве это можно, Наталья Павловна?!

— Не бойся: мне можно. А будешь со мной дружить — тебе многое будет можно!

Интересная заявочка. На что же она ее хочет "подписать"? Само собой, не следовало этого делать, и ни одна инструкция этого не одобрила бы. Но тем не менее Петя, зная же уповая на удачу, тихо надавил носом на дверцу.

Он увидел секретаршу, действительно сидевшую за инским столом, и девочку, стоявшую около, — лет восемнадцати, белокурую, с вьющимися волосами, симпатичную и с неплохими ножками, словом, именно такую заявочку, которые приезжают из провинции поступать в институты, а не поступив, идут уборщицами или что-то в том роде в солидные учреждения. У этой Лены была, например, протекция от обкома комсомола... Они все надеются из уборщиц пройти куда-нибудь повыше. Да только мало кому такое удается.

Секретарша открыла какой-то журнал:

— Ну-ка, смотри!

— Ой!

— Вот что тебе надо изучать! Не историю Древней Руси, а позы, в которых мужики трахаться любят!

— Ой, Наталья Павловна! — уборщица засмеялась. В посе ее слышались страх, смущение, любопытство.

— А иначе не продвинешься!.. Ты девушка; что ли, да?

— К-конечно! Не, Наталь-Палн, я лучше вообще уйду... потому я читала в этом, в "Коммерсанте". Они пишут: ор КПСС развалится!

— Дурочка ты! Это вечное. И мне, и тебе, и твоим тям здесь кормиться и кормиться. Из ЦК КПСС не одят, понимаешь? Ты слушай. Я тебя, думаешь, проститкой хочу сделать? Глупости! Будешь слушаться — с теми людьми сведу, умными, смелыми, сильными... Отбя только одно потребуется — верность работе!

— Работе?.. Какой?

— Еще поговорим. Не спеши.

И вдруг громкий мужской голос:

— Здравствуйте, девочки, что-то вы тут делаете Стоять!

Наконец-то этот человек попал Пете "в кадр": маль лет тридцати пяти — прапор с синими габэшными погон ми. Держался он очень уверенно — как-никак застука Да и вообще, видимо, был нагловат.

— Что, Наталья Павловна? Обучаешь подрастающ поколение?.. Хорош, Лен, журнальчик?

Уборщица стояла ни жива ни мертва. А прапор но мальню ее щупал — даже не в смысле взаимного возбу дения, а скорее для информации.

— Перестань ты! — секретарша вскочила, оттолкну прапора. Но не так легко было его оттолкнуть.

Лена все же сумела отойти на несколько шагов. Одно ко совсем уйти из кабинета не смела... Секретарша о менялась со своим врагом выразительными взглядами.

— Чего так смотришь, Наталья Павловна? Я же и г ворю: хорош журнальчик — прямо из начальнического ст ла. Дубликаты ключей имеете?..

— Тебе-то что?

— Мне? Да просто рапорт напишу — на Леночку, и тебя...

— Кончай ты, — тяжело сказала секретарша.

— Ну, можно и кончить, — прапор расхохотался. А ч го ему: попугал, обжал девку — хорош. — Допустим, н чего я не видал. Но выпить мне охота! Я там в шкапч ке, — он посмотрел на секретаршу, — отхлебну вискар Выпьешь со мной, Леночек? А потом я тебе убираться п могу...

И он пошел к шкафу. Прямо на Бакина!

Петя вынул из кармана финку, отлично понимая, ч все это, как говорится, "пустые хлопоты". Мышелов действительно оказалась мышеловкой!

Прапора придется сразу мочить. Девочк вырубить и возможности тихо. Переодеться, взять у него удостове рние, попробовать уйти... Операция сорвана!

— Не надо, Гриша, подожди! — секретарша шагнула прапору, взяла его за локоть. — Он следит, сколько ост лось. А у меня есть бутылка. Я тебе свою отдам... Ты ст пай, Лена, ступай. Не бойся!

Лена ушла, и Петя слышал, как она закрыла дверь легким пристуком — чтобы отгородиться от всей эти мерзости!

— А тебе, Головин, — голос секретарши вдруг изм нился почти неузнаваемо, — пора бы кое-что соображат Сколько лет служишь и все идиот!

— Чего?!

— Замолчи! Ты думаешь, мне эти дубликаты ключи

шли в "Металлоремонте"?! И девочку даже взглядом тронул.. Все, свободен!

Этому раздолбаю Головину надо бы убраться поскорей... Ему же хотелось сделать хорошую мину, пусть и на плохой игре:

— Это, Наталья-Палн... А бутылка? — и он улыбнулся, зная, конечно, что бутылки ему не видать. Но хотя бы пусть дело завершится шуткой.

— У тещи своей бутылку получишь, когда тебя какая-нибудь дура замуж возьмет!

Затем он услышал шаги прапора, шаги секретарши и яканье захлопнувшегося замка.

ДЗАПОХОВ

Абсолютно без приключений он прожил в кабинете узьмы Есина до двенадцати ночи. Поднялся с дивана — теперь уж точно пора. В этот глухой час в здании ЦК не может остаться ни одного сотрудника, и гэбисты, которые, может, где-то сидят на своих постах внутри, абсолютно не ждут ничего плохого.

Коридор был темен. Лишь в начале и в конце его светилось что-то, словно в начале и в конце тоннеля. Петя тихонько прошел до двери в туалет. Ковровая дорожка скрадыла звук его шагов. В туалете он перво-наперво открыл окно, примерил веревку — хватало, так что ремень можно было оставить в брюках. И это весьма его обрадовало, потому что Валерий Мельник был не только выше Пети, но и имел куда более обширную талию. Без ремня в таких брюках — просто караул!

Сейчас ему предстояла хоть и трудная, хоть и давно не выполнявшаяся, но все же такая работа, с которой, был уверен Петя, он сладит. Привязал веревку к трубе отопления, тихо опустил ее вниз, вылез наружу... Ну, теперь погони Бог! Мускулы были у него далеко не такие тренированные, как в прошлые времена. Да и возраст не такой, как в прошлые времена. И все же Петя спустился по не очень толстой, а потому далеко не самой удобной веревке на четвертого, секретарского этажа. Стоя на узеньком выступе перед окном и одной рукой держась за веревку, вынул стеклорез (классный, из отцовского набора инструментов, с кусочком настоящего алмаза), вырезал в стене небольшие отверстия — только чтобы рука пролезла — вверху и внизу. Открыл шпингалеты, так же поступил со второй рамой. Пролез внутрь, присел на подоконник... Сейчас бы покурить! Но, во-первых, неизвестно откуда взявшийся сигаретный дым мог привлечь внимание.

А во-вторых, надо побережь дыхалку. Чего и сколько ем здесь предстоит — драться, а может, бегать, а может. Дай-то Бог, чтобы все обошлось гладко!

Приоткрыл дверь, выглянул — пусто и так же темн как на шестом и пятом. Охранник стерег вход. Тыл, по его мнению, был совершенно надежен. Все же Петя не решился подойти к двери первого кабинета, у которого его могли увидеть с поста... Пошел вдоль коридора, вглядываясь в неясно проступающие в полутьме фамилии. Все было не то. Е-малина! Сколько же они тут секретарей не набирали! И каждый кушать просит... Наконец: "Дзапохо Александр Сергеевич". Стал колдовать над замком. Все-таки что значит хорошо учиться в школе и быть собственным учеником! Вошел, отжал ручку, тишайше поста вил язычок автоматического замка в его законную дырку! За дело!

Бакин заранее знал: кабинет будет не маленький. И все же какую-то мыслимую целесообразность, пусть даже огромного помещения, но для одного человека, он вправе был ожидать.

"Мудак! — раздраженно подумал о Дзапохове Петя. — На кой черт тебе столько квадратов? А мне это все обыскивай!" В полутьме, лишь иногда разрешая себе подсветить фонариком, он принялся за свою не то что нелепую, а просто чудовищную работу. Он не искал тайники. Старые тайники были известны, наверное, слишком мизигим, а новые эти временщики вряд ли сделали.

Прежде всего Бакин взялся за сейф — такую, знает классическую консервную банку с замком без всякой мудростей, от которого ключ обычно прячут здесь же. И ключа Петя не нашел — как-никак учреждение солидно. Ему пришлось возиться минут тридцать, пока наконец дурацкий ящик не открылся. Протоколы каких-то собраний, заседаний, пленумов обкомов, речь на завтраке в честь речи на обеде в честь... Планы работы чего-то никогда не осуществленного. А тот, кто это писал, наверное, и в голубе не держал, что осуществится!

Закрыл сейф, стал осматривать шкаф: за стеклянными дверцами стояло собрание сочинений Ленина, статьи речи Горбачева, статьи и речи Андропова, Черненко. Уголке во втором ряду книжка Ельцина... Как говорится вообще-то мы правоверные мусульмане, однако Талму нам тоже не помешает!

Он взял наудачу несколько книг. Было видно, что книги эти ни разу не открывали. Нет, вряд ли среди их страниц хранилось что-то важное!

Особенно много времени занял стол: ящиков — одиннадцать штук, и в каждом чертова гибель бумаг. Все и конечно, прочитать... нет, хотя бы даже как следует при

ютреть было невозможно. Пришлось довериться интуиции. А ведь это энергоемкий способ познания бытия! "Не, не то, не то, — говорил себе Петя, — не станет он важную вещь тут хранить — на виду, где плохо запирается!" айор Бакин всегда сомневался в достоверности того уста из рассказа о Шерлоке Холмсе, где говорится, что жные документы нужно прятать на виду у всех. Чушь бачья. Надо так затыривать, чтоб ни одна сволочь не шла. А гражданин Дзапохов, хотя с книжками, как вид-и, не очень дружит, эту простую истину должен понить — как человек хитрый и к тому же восточный. Польше положишь, поближе возьмешь!

Поэтому, добросовестно осматривая бумаги в столе, эта все же не особенно надеялся на успех. Как не на-ялся найти что-то в шкафу и даже в сейфе — ну что это сейф с замками, как говорится, "для честных людей"!

Потом он, не ленясь, обстукал деревянные панели, которыми были обиты стены комнаты отдыха. И сердце дрогнуло — нашел, услышал звук пустого пространства, упрятанного внутрь. Уже не стал возиться в поисках крета. Подцепил финкой, довольно грубо.

Посветил в проем. Вот бывают, знаете, помещения, в торых давно никто не жил. Это понятно. А для розысика так же понятен тайник, которым давно не пользует-ся.

В принципе он так и предполагал. Но разочарование е равно настигло его, навалилось на плечи. Петя почув-вовал усталость, апатию, злость. Открыл холодильник — огромный заграничный и — совершенно пустой. диотизм какой-то!

Вышел из комнаты отдыха, посидел немного в дзаповском кресле. Оно было как бы фараонское, с высокой инкой, но довольно удобное, легко поворачивалось, гко ездило от одной тумбы стола к другой... Зачем он, бственно, уселся здесь, если ничего нет? Вроде бы надо ти дальше, по другим помещениям рыскать, а он сидит. туиция не пускает!

Посмотрел на часы... Едрена-корень! Он провозился у запохова более трех часов. То есть осмотреть все четыре аказанных" Мариком кабинета абсолютно нереально и орой раз попасть сюда в обозримом будущем вряд ли астся. Значит, что нам остается?

Да ничего не остается. Работать! Глаза бояться, руки де-ют, как говорил покойный папаша.

Однако не уходил. Что-то с этим столом было не в по-дке.

Неизвестно зачем стал выдвигать ящики. Нет, не от-зда. Нужны ящики правой тумбы. Верхний, второй, тре-й... Ящик был короче! Чуть ли не на одну треть! Вынул

его совсем, вынул четвертый, пятый. Посветил в образе вавшуюся пустоту фонариком... Сейф! Петя узнал его! Д и как было не узнать? Точно такой стоял в квартире Мельника: та же солидная, чуть не в-сантиметр, сталь. Те ж два шифровальных колеса на дверце — одно с буквами другое с цифрами.

В голове словно что-то повернулось — сразу вспомнилось то, что было необходимо: пустой сейф Мельника приоткрытой дверцей...

Он взял с дзапоховского стола листок бумаги, шариковый карандаш (хорошо быть начальником — все под рукой!), подумал несколько секунд и стал писать:

В-н: КВДЖ 1425

Я-в: БОРГ 7619

Д-в: ПОЛК 9821

Ф-н: ИРМА 2433

К-а: ЛАММ 1953

В-о: СТУК 1774

Так, если предположить... Да какого там хера предплагать! Дзапохов — это Д-в!

Стал на колени перед сейфом, чувствуя в душе невероятный трепет... Все же я вас, падлы, раскатал!.. Нача крутить колесо с буквами: П, О, Л, К. И сейф откликнулся словно бы благодарным щелчком. Что, надоело закрытым-то стоять? Сейчас мы тебя...

Теперь цифры: 9, 8, 2, 1! Потянул за ручку... Ну, стари ты гений! А ведь сколько раз он смотрел на эту бумажку Два раза! Там, у Мельника в квартире.

В сейфе лежали какие-то бумаги. Только они не понравились Пете — не такой у них был вид.

Это были письма. Наудачу развернул одно из них:

"Дорогой Сашенька! Вот уже три дня, как ты уехал и дома отдыха. Скучаю так, что хочется выть. Стою гола перед зеркалом, смотрю на те места, которые ты особенно любил целовать. Помнишь ли ты ту мою нахалку-рсдинку, которая забралась..." Петя перевернул страницу "Я, конечно, понимаю, что у тебя семья. И знаю, что ты никогда и никуда от нее не уйдешь..."

Вот уж не поверил бы, что такие люди могут хранит подобные письма. Любил, стало быть! Все же есть в ни что-то человеческое!

Под пачкой писем лежало еще что-то... фотографии. Испытывая неловкость, Петя все же взял их в руки. Не прилично ведь: сидишь в чужом кабинете, читаешь чужие письма, смотришь в глаза чужой любимой.

Однако майор Бакин на этот раз ошибся! На фотографиих был... молодой Горбачев — уже слегка лысоватый но еще вполне такой пригодный мужчинка! — в штанцах в рубашечке. Но зато дама, которая сидела у него на кс

енях... Причем снимок вполне качественный. Хотя и было понятно: будущий президент отнюдь не собирался поировать — шаршили скрытой камерой.

Петя бросил фотографии и письма обратно в сейф. осподи, какая все-таки гадость — хранить рядом письма любимой и компромат!

ВСЕ ДАЛЬШЕ ВГЛУБЬ

Итак, любовные письма, итак, порно-политические фотографии, а больше ни хрена. Был бы он Бальзаком — ругое дело: прекрасный повод для написания еще одной тавы "Человеческой комедии"...

Хотя, если поразмыслить, тут и для частного детектива зплохой улов. Только его надо осмыслить. И на том же кстке, где он по памяти воспроизвел записи с клочка, зйденного у Мельника, Петя написал фамилии людей из К, которые дал ему Марк:

Иванько
Фалдин
Дзапохов
Курчина.

Сопоставил с тем, что написано слева: ИВАНЬКО — какакого "И-о" в мельниковском списке нет. ФАЛДИН — ит он, есть: "Ф-н: ИРМА 2433"! КУРЧИНА — и он лееется: "К-а: ЛАММ 1953". Кто остальные трое, он не ал, да и Аллах с ними! У него есть Фалдин и Курчина. К им в кабинеты и надо прорваться... А с Иванько как? занько отставить. В мельниковском списке обладателей ецсейфов его нет, а Марик мог и промахнуться в одной змилиии из четырех.

Таким образом, два "кандидата" — время уже эконо- ится. Но, главное, он теперь знал, что искать — "спец- йфы". А это тебе не листок бумаги, их всегда можно йти.

Кабинет Фалдина был в противоположном от охранни- и, таким образом, относительно безопасном конце ко- дора. Петя уже понял систему здешних замков — они лько кажутся вовек неоткрываемыми — и практически з хлопот оказался в кабинете одного из самых загадоч- х руководителей нынешней партии большевиков. Меж- прочим, его прозвище там — "Немец". И говорят, что только из-за того, что он долгие годы был послем в зГ.

Петя минут за пятнадцать осмотрел все мыслимые ста, где можно было укрыть сейф — вещь все-таки не- ленькая. Что за дьявольщина? Наконец взгляд его упал

на стандартный сейф (ту самую "консервную банку"), к которой был и в кабинете Дзапохова. Может, там? И верилось и как-то не верилось. Но больше искать было просто нигде!

Стал возиться с замком так и эдак. Наверное, уже пидустал... "Ведь откроешься же, паразитина, — уговаривая он сейф, — зря только заставляешь время терять!" Сейф однако, держался до последнего и смилоствивился лишь через час непрерывных взаимных мучений.

"Спецсейф" действительно стоял в "консервном". Была в этом какая-то особая, казуистическая хитрость... И, М, А, 2, 4, 3, 3... Открылось! Но, черт возьми, и тут Петя ждало разочарование. В сейфе никаких бумаг не было — лишь три компьютерные дискеты. "Лишь" — потому что Петя абсолютно не представлял, как с ними управлять. Он всегда считался докой в технике. Преподаватели в высшей школе нередко ставили его в пример и так далее и тому подобное. Но за десять лет поотстал Петр Бакин.

А хрен ли тут поделаешь, друзья мои? Вон она стоит паскудная электронная машина под названием "компьютер". А чего надо с ним делать и куда эти дискеты прикладывать?

Скорее из мстительного упрямства Петя взял дискету с собой. Ладно, не будем плакать, дорогой майор. Поидем взламывать кабинет Курчины. Он закрыл один сейф, закрыл второй, сделал "все, как было". Тихо вышел наружу, мягко защелкнул дверь. Временная неудача буквально в ближайшие минуты могла обернуться полной победой. На душе, однако, отчего-то было неспокойно. Так бывает у особенно чутких детей, уже слышащих свою скрюченную болезнь.

Ладно, не будем мнительными. Петя крался от одной двери к другой, а они, надо заметить, стояли редко, словно двери люксов в пятизвездочных отелях: Фалдин, Шей Горенко, Дзапохов, еще и еще какие-то фамилии, которые Пете совершенно ничего не говорили.

Вот уже и опасный конец коридора, где сидит охранник. Бакин сунул финку в левый рукав пиджака — чтобы удобно было выхватить в любой момент. Осталась по ледняя дверь в последний "апартамент" — буквально: спиной у охранника. Угораздило же этого Курчину! Значит, сперва придется с прапором разбираться. Но прежде все-таки вытянул шею, прищурил глаза. И прочитал в последней двери — благо освещения там было больше Галина Владимировна Семенова.

Что за бредовина?!

Чуть было не кинулся снова проверять все двери. Но слишком был уверен в себе... Тогда в чем же дело? Ответ был прост: Халдей забыл сказать, а Петя просто знает!

знал, что Курчина не секретарь ЦК. Где же теперь искать эго кабинет?!

Несколько минут Петя Бакин отдыхал от своей очередной неудачи — стоял, прислонившись к стене в темном, тропитанном враждой коридоре. Затем наклонился, снял гуфли... Оставлять невозможно — засунул в карманы тиджака. Беззвучно прошел вдоль стены к освещенной площадке.

Прапорщик, молодой парень, дремал над каким-то учебником. Петя собрался... Левая рука, согнутая в локте, зод горло, голову противника резко назад. Одновременно правой подхватил стул вместе с сидящим на нем охзанником — и на два шага назад, чтобы тот не успел накатать сигнальное устройство. Потом нож к самой морде, к тевому глазу:

— Ни звука, рвань!

Тот сидел на своем стуле — полузадохшийся, полужизой от страха. Лишь бы в штаны не наделал, штаны могут еще пригодиться.

— Быстро! Номер кабинета Курчины! — и царапнул ему ножом по переносице у самого глаза.

— Я не знаю! — глаз у малого раскрылся, стал огромный, как яблоко. Ему бы наоборот зажмуриться, а он...

— На каком этаже?

— Этаже?.. На третьем.

— Точно?

— Честное слово!

Внезапно Петя отпустил левую руку, сильно, ребром ладони ударил в то самое, известное всем боевикам место, где шея переходит в плечо. В следующую секунду прапорщик превратился в бесформенный, бесчувственный куль. Именно как куль, Петя и взвалил его на плечи, почти бегом дотащил до кабинета Дзапохова. Уже не особенно заботясь о тишине, открыл дверь, содрал с прапорщика штаны, китель... Теперь связать его... Чем? Вот ремень товарища Мельника и пригодился. На рот кусок дачного пластыря. Потом в шкаф болезного...

Задохнется, не дай Бог... Оставил дверцу приоткрытой. Мельниковский костюм? Он бы еще пригодился, да деять некуда. Затолкал его под диван, вынув прежде из гарманов все документы, все бумажки, свинтив значок депутата. Финку в карман, Сумку с инструментом? Под китель на плечо.

Вышел из кабинета — никого. На площадке четвертого — никого. Аккуратно поставил стул на место, словно бы постовой на минутку отлучился в туалет. Спустился на ретий — пусто... А вот и дверь с надписью "Курчина Николай Ефимович". Замок. Преодолели на раз.

Ну, товарищ Курчина, признавайся, чем нас пора дуешь?

ХАЛДЕЙ

В ту ночь Халдею приснилось, будто он разговаривает с женой Фаней. Она уговаривает Халдея, о чем-то просит а он — и согласен и не очень. А Фаня с обычной своей напористостью:

— Марик! Послушай сюда и пойми одну простую вещь!

У нее всю жизнь была классическая еврейская интонация, над которой Халдей слегка подшучивал. Впрочем она не оставалась в долгу — всегда вворачивала что-то не ожидаемое. Фаня была исключительно остроумная женщина, вообще одаренная. В ответ на его шутку про интонацию она могла, например, воскликнуть:

— Вы посмотрите на этого борца за чистоту языка! Великий русский лингвист Бодуэн де Куртэнэ!

И вот теперь там, во сне, она что-то старалась ему втолковать, но не шуточно, а совершенно серьезно. Потом он вдруг сказал ей:

— Ладно, иди домой. Я скоро.

Оказалось, они шли солнечным днем по лесной дороге и Халдей нес на плече связанного немца-языка. Ничего такого в реальной жизни не было и быть не могло. Потому что языков через линию фронта переправляли всегда ночью и чем погода хуже, тем лучше. А бедного фрица конечно, не несли на плече, а волокли по земле, ибо все приходилось делать в высшей степени скрытно. Так что этим языкам крепко доставалось. К ним относились, как вещи — дорогой, но вещи: если даже футляр испортится не так страшно. Командир роты им говорил: "Руку-ног поломаешь — не горюй, лишь бы мог дать сведения!"

Но в этом сне Халдей нес немца на плече, и тот был ужасающе тяжел. Фаня кивнула и пошла, скоро пропав в лесу, а Халдей с огромным трудом понес пленного дальше. И вскоре проснулся — ему слишком тяжело было нести свое сердце.

Это называется тахикардия — когда оно бьется бьется, бьется. Сейчас, после странного сна, оно билось как-то особенно надрывно. Кстати, это во многом выдумка, что "сон лечит и дает отдых". Для старых, для сердечников все далеко не так.

И в чем же его так настойчиво убеждала Фаня? Куда звала? Сердце все билось и билось. Лишь бы Мариночка не услышала... И почему так сильно бьется? Из-за Фани Она снилась не то чтобы часто, но очень как-то регулярно

И всегда живая. Когда Фаня была по-настоящему жива, она ему часто снилась умершей или умирающей. А Халдей, здоровый мужик, разведчик (это звание человек сохраняет до конца дней!), просыпался в слезах. И, поняв, что все в порядке, так легко, просто потом засыпал!

Но после Фаниной смерти наступила иная эра. Даже несмотря на то что через несколько лет он сумел найти Мариночку!

И еще сердце его билось из-за Софы. Так тревожно они разъединились в последний раз. "Алло! — он кричал. — Алло!" А Сонечки уж не было. И не могли его успокоить мысли о том, что дочь в надежной стране с очень надежным и преданным ей мужем. Слишком многое ими было поставлено на карту. Слишком жестоким грабителям она стала на пути. Если б можно было позвонить... Пусть бы она не добралась ни до какой полиции — только б все с ней было в порядке! Господи, хотя бы позвонить: "Жива?" — и слава Богу! Но это все равно что самому пойти на Лубянку. Значит, приходилось терпеть.

За хорошее известие о Соне Халдей и действительно отправился бы на Лубянку, но он не имел на это права. Из-за Мариночки!

Из-за Пети, конечно, тоже. Вообще из-за многого, из-за так называемого высокого, из-за справедливости: как жить на свете, если какая-то паскудина может тебя эшельмовать, когда в твоей стране, за которую ты... ну и так далее. Он обязан был выжить и доказать свою правоту тредже всего из-за Мариночки.

Затаив дыхание, он взял в изголовье часы. Времени было пять утра. И тут Халдею в голову пришла вполне грезвая мысль. Он посмотрел на себя как бы со стороны. На то, как он лежит, прижав к груди левую руку, на мученическую физиономию, которую в темноте не видно, но которая именно такова, на то, как он дышит, словно бегущий в гору человек... Халдей посмотрел на себя такого и казал, словно не о себе:

— А ведь я могу до Пети и не дожить!

Лекарство было на кухне, он пошевелился, чтобы встать. Сейчас же Маринкина рука нашла его:

— Что?

— Накапаешь?.. На кухне там...

— Я знаю.

— Только свет не зажигай, там шторы не задернуты.

Маринка уже встала, пошла к двери — обнаженная, неидиная. Но, честное слово, ее красота светилась в темноте и оттого казалась Халдею божественной.

— Маринчик! Мне значительно лучше... Иди сюда!

— Перестань! — По ее голосу было понятно, что Маринка тоже считала лекарство, которое сейчас выбрал

Халдей, самым эффективным, причем от всех болезней но в данный момент решила сделать уступку этой глупо ватой медицине.

Через минуту она явилась:

— На.

Халдею так легко было обнять ее за талию, за те прелестные выпуклости, которые в русском языке не имею сколь-нибудь приличного названия, а все "задница" да...

"Неужели я ее никогда не разлюблю?" — удивленно подумал он.

— Эх ты! Как сердце-то бьется! — сказала Маринка осуждением. — Надо нам в какой-нибудь подмосковный санаторий забраться месяца на два.

Халдей молча ждал, когда подействует лекарство: он и вправду помогло — всемогущая химия, да в лошадиные дозах.

— Надо окошко открыть, — сказала Маринка. — Через полчаса ты вообще забудешь про свое сердце — уж я тебя знаю!

— Нельзя ведь, Мариш.

А самому так хотелось поглотить отмытой дождем московской ночной прохлады.

— Да какой там шут сейчас увидит! — и она открыл окно, легла к Халдею: — Погоди, прошу тебя. Не трога меня. Давай просто полежим. Пусть оно у тебя успокоится.

— Но уж тогда!..

— Молчи.

ЛАММ 1953

А шила ведь в мешке не утаишь — по крайней мере так утверждает русская поговорка. Но Курчина сумел утаил. Петя, кажется, посмотрел везде. "Консервный сейф не хотел вскрывать принципиально: ну не могли ж Фалдин и Курчина воспользоваться одним и тем же местом. Однако делать нечего — повозился, вскрыл: опыт-т расправы над этими типовыми сейфами у него уже по явился. Пусто! Ведь так и знал, сам себя за дурака посчитал!

И снова принялся искать. Ну где, Господи ты Бож мой?.. Пока наконец не обратил внимание на журнальный столик, заваленный, как ни странно, действительно стопками журналов. А посредине этого печатного хлама возвышался огромный чугунный сталевар с изложнице в могучих руках... Может, за этим столиком в стене где-нибудь. Очень уж завален он солидно и... бутфорски

Попробовал отодвинуть столик — черта лысого: тяжелый, словно привинченный. Быстро Петя снял журналы, не без заметного усилия ссадил на пол металлурга. Однако... однако столик не полегчал! Правда, что ли, привинченный?

И тогда наконец, дурак набитый, он обратил внимание на тумбу. В два счета нашел потайную дверцу. За ней была дверь сейфа!

ЛАММ 1953! Сезам, отворись!

И сразу увидел то, что искал: "В Политбюро ЦК КПСС. Строго секретно. В одном экземпляре. Отчет по операции "Странник". А далее, как и предполагал Халдей, список фамилий, суммы — кто перевозил, куда передавал, какие акции куплены. И еще списочек таких западных фирм, что Петя даже присвистнул. А когда он глянул на второй документ, аккуратно прикрепленный к первому и снабженный таким же грифом, то и вовсе обомлел. Там говорилось о завершении операции "Гознак". И снова — цифры, фамилии, притом не только советских граждан.

Все, Петя. Ты молодец, ты настоящий разведчик, ты дьявол во плоти. Хотя лучше б ангел. Но в этом потом разберемся. А теперь, раз уж оказался в военной форме, тихо выйти по удостоверению... Как того солдатика зовут? Надо же — Петр Пинчук... Ну прости, тезка. Если из КГБ вышибут — тебе же лучше будет!

Однако судьба распорядилась иначе!

Он услышал шум за дверью, и рука, готовая нажать на ручку, замерла.

— Ты в этом галюне посмотрел?.. Внимательно, или как мудака?

Все. Хватились прапорщика. И сразу он понял: это еще далеко не факт, что отсюда выйду. Ну и что делать? Тут же глаза уперлись в факс. В факс, понятно тебе, Бакин! Это же гениальное изобретение двадцатого века. Пока ты там заколками зарабатывал и лес валил, инженерная мысль не дремала. По крайней мере, отправлю бумаги, а там — если сразу не прибудут — еще поглядим, на чьей стороне сила.

Хорошо, что он тоже не последний человек по части инженерной мысли. Хорошо, что симпатичная Инуля отправляла при нем депеши с помощью этого чудного аппарата, а он, бывший зек Бакин, смотрел не только на ее софточку, полную сисек, но и на то, какие она клавиши нажимает. Слава тебе Господи, памятью природа не обидела.

Но кому же отправлять-то? Марик велел ехать в пять здесов. А у него только один экземпляр... Да ведь здесь же есть этот, как его?.. Множитель. Пять экземпляров халдеевского письма в Интерпол. Петя не читал его, но сейчас бегло просмотрел:

“Я, Марк Халдей, обвиненный КГБ СССР в финансовых махинациях на валютных биржах мира и участии пресловутой афере Хоффмана, обращаюсь ко всем честным людям планеты...” Ну, а далее все по фактам. Вначале малость, конечно, высокопарно, но как комментарий добытым документам — в самый раз.

Положил письмо на факс... Так, нажимаем вот эту клавишу. Должно загореться зеленым... Загорелось! Выползла копия! Вторая... Третья... Пятая!

Теперь Курчинины листочки — точно таким же макаром. Ставим таймер. Сколько мне, чтобы отсюда уйти. Минут пятнадцать... слишком жирно будет! Ставим на семь.

Листки, вырванные из “Информейшн Москоу”. Вот они. Набираем номера факсов. Прежде всего Ив Ланс — пусть хороший человек на нас хоть подзаработает немного! Дальше — “Нью-Йорк таймс”, “Франс пресс”, “Би-би-си”, “Асахи” — пять копий. Но ведь у него еще есть оригинал. В “Правду” его! Привет, ребята... Включил таймер.

Теперь чисто выйти из кабинета.

Послушал — тихо! Нажал ручку, выскочил, закрыл. И сразу в сторону, чтобы не поняли, откуда он возник, такой волшебный... Вышел на лестничную клетку — сверху кто-то грохотал вниз через три ступеньки. Петя едва успел нырнуть за угол. А теперь быстрее!

Снова выскочил на лестницу. Сверху крикнули:

— Эй, кто там?

— Я, товарищ командир! — гаркнул Петя.

— Второй этаж там проверили?

— Никак нет!

— Так какого ж хера?!

— Слушаюсь! — и Петя побежал вниз... Давай-давай работай, вписывайся в общую неразбериху!

У дверей на свободу стоял только один постовой. Второго, видно, задействовали для поисков.

— Ну что там?

Петя вынул удостоверение Пинчука:

— Нашли... Видишь?

Левой рукой подставил удостоверение к самому лицу дежурного, пальцами правой в то же мгновение сильно ткнул в солнечное сплетение. Как говаривал их преподаватель по рукопашке:

— Тебя ночью разбуди, ты должен противнику попадать в солнечное сплетение из ста сто!

Подхватил осевшего парня под мышки... Куда? А между дверей. Обнаружат, но не сразу. Значит, у меня есть при определенном везении, минут десять: они же сразу не будут по мне объявлять всемосковский розыск. Попро-

буют замять это дело своими силами. На фига им сор из избы выносить!

А сам уже шел по улице, по крутой горке — вниз, вниз, к метро "Площадь Ногина", которую теперь вроде бы переименовали в "Китай-город". Ну да кто же успел прикинуть к этим новым названиям.

ХАЛДЕЙ И ХОДИН

А участковому, майору Ходину, видишь ты, тоже не спалось. Ему спалось бы, если б жильцы в его микрорайоне были чуть-чуть понормальней. Несколько домов хороших — интеллигентные, спокойные люди, а несколько — ну просто шпана на шпане, шпаной погоняет! Ночью часа три звонок из отделения:

— Иди, Ходин, разбирайся. Опять твои братья Сарычевы друг другу харю чистят.

— Вы что? — закричал Ходин. — Вы там милиция или что? У вас что, ночного патруля нет?

— У ночного патруля прямо никакой другой заботы, как разнимать твои пьяные драки. Кто должен воспитательную работу проводить? Пушкин?

И Ходин поплелся. Да подумаешь, дело великое: человек он одинокий. Другой бы не пошел, конечно. И был бы абсолютно прав. И еще бы перед ним извинились за звонок в ночное время. Но у нас ведь как? Кто возит, того и погоняют!

Возвращаясь с этого малоприятного мероприятия, которое к тому же и закончилось лишь относительно удачно (а может ли пьяная ссора стопроцентно закончиться победой доброты и разума?!), итак, возвращаясь домой, он заехал к дому номер восемь, где еще недавно жил хорошо известный ему человек — Мельник. Потом туда комитетчики полезли: то ли Мельник за границу эмигрировал, то ли Мельник... в общем, Ходин этого не знал и знать не хотел!

А комитетские ребята ему сказали: "Поглядывай!" — Чего поглядывать-то?" — "Тебя, что, учить надо? Ты в милиции сколько? Лет тридцать?" — "Лет сто!" — сердито ответил Ходин, взял ключи от квартиры Мельника и шел. "Только зря туда не лазай!" — сказали вслед кагэзшники. "Ну так сделайте опись!" — расходился Ходин. Это вечная история: КГБ говорит, что при обысках — и вообще при всех удобных случаях — грабит милиция. А милиция, соответственно, валит на комитетчиков... "Ты чего, на пенсию срочно захотел, Ходин?" — "Я когда захочу, я тебе лично отзвоню, ладно?" И ушел. И в гробу он

видал эту квартиру. Ну, раза два проходил — в окнах темно. У соседей поинтересовался — тихо.

Сейчас Ходин, привычно подняв глаза на знакомые окна в шестом этаже, вдруг увидел...

А ведь все было закрыто — это он точно знал!

***

Они лежали — в полной тишине. Поэтому и услышали как ключ заскребся в замке железными коготками. Ключи были только у Пети... Или?..

Халдей вскочил, быстро влез в брюки, кинул подтяжки на голые плечи, выглянул в коридор... В проеме двери стоял не Петя!

— Кто здесь? — спросил человек и отступил к стене чтобы его не было видно.

Однако Халдей его видел и даже видел, как блеснули на плечах погоны.

— Маринка! Спасайся! — тихо сказал Халдей. Затем он резко присел, кровь бросилась в голову, тошнота подступила к горлу. Он этого ничего не замечал... Вчера Петя принес несколько банок морской капусты — они так и остались лежать тут в сумке в коридоре. Сейчас рука Халдея нашла это оружие... Куда бросать? В голову не попасть. В грудь! И потом сразу на него... Этот выбор решения занял у Халдея, наверное, меньше чем полсекунды.

— Ой! — Это тяжелая банка попала майору Ходину ключицу. Но не правой, а левой руки.

И когда Халдей бросился на врага, тот выстрелил. Одно очень короткое мгновение они летели навстречу друг другу — человек и пуля. Потом пуля ударила в сердце, и только тогда Марк Халдей услышал звук выстрела.

— Мимо! — подумал Халдей. — Не так-то просто меня...

И умер.

Ходин включил свет. Тут же в коридор выскочила Маринка. С начала эпизода прошло три или четыре секунды. Увидев голую женщину, Ходин совершенно автоматически закрыл дверь — что называется, "от чужих глаз".

Маринка упала на колени перед лежащим Халдеем, увидела дырку в груди, увидела, что он мертв. Кто хоть раз имел дело с мертвыми, знает: мертвого от хотя бы немножко живого всегда отличишь.

— Ты что сделал, подонок?! — заорала Маринка. — Ты что сделал?!

Майор Ходин, конечно, узнал человека, распростертого на полу. У него в кармане даже была объективка на это го особо опасного преступника, поэтому он отлично по

чимал: ему ничего не сделают за этот выстрел, не навесят тревошение...

Но дело в том, что он очень давно не убивал — с козейской войны, когда был летчиком и жег американские позиции только что изобретенным у нас "сгущенным бензином", который впоследствии получил имя "напалм".

ЭПИЛОГ

У входа в метро кто-то взял его за рукав:

— Сынок, бутылку не надо?

— Почем торгуете?

— Тридцать пять...

За бутылку водки три с половиной цены... Бедная Россия! Нет, надо с этими суками бороться!

— Давай, старуха!

Он ехал в поезде и представлял, как они сейчас выпьют с Мариком, закусят чем Бог послал... Он любил выпивать с Халдеем. Грохнет свою порцию, затынется сигареткой:

— Видите ли, Петя, какая штука... — с этого Марик начинает почти любую свою речь.

Он хорошо поработал и ехал домой счастливый, бедный наш друг Петя Бакин.

И не знал, что Соня вместе с мужем погибла в автомобильной катастрофе — так и не доехав до Интерпола.

И больше нет на свете Марка. А на кухне у Мельника Лариночку, одетую лишь в платье на голое тело, лупят по руди, чтобы она скорее дала показания. И сейчас она их начнет давать.

Но уже заработал факс, и пока служба слежения мается в поисках начальства, чтобы выяснить, как случилось это неурочное включение, пока ищут запасной ключ от кабинета и, не найдя, решаются взломать дверь, информация Марка Халдея, вся, до последнего листка, уходит по адресам.

Даже в орган ЦК КПСС газету "Правда".

Советы Ильича—Переделкино,
Февраль—май 1991 года.

ЭКСПЕРТИЗА

Аркадий Ваксберг

СТАЛИН ПРОТИВ ЕВРЕЕВ

“...Что-то смещалось и начинало происходить в последние годы после войны, — вспоминает Константин Симонов в своих известных записках “Глазами человека моего поколения”. — Внезапная гибель Михоэлса, которая сразу же тогда вызвала чувство недоверия к ее официальной версии; исчезновение московского еврейского театра; послевоенные аресты среди писавших на еврейском языке писателей...”

“Что-то смещалось” — но было ли ощущение надвигающейся катастрофы?

Крохотная бытовая деталь иногда говорит больше не только о внутреннем состоянии человека, но и об общественной атмосфере, чем масштабные явления, увиденные холодным оком историка. Именно об этом — о неверии в неизбежное и полном непонимании происходящего — говорит мне, к примеру, крохотная записка, сохранившаяся в Архиве внешней политики СССР.

Записка датирована январем 1949 года: бывший заместитель министра иностранных дел (на этом посту он проработал с 1939 по 1946 год), бывший начальник Совинформбюро, чьих сообщений в годы войны ждала вся страна (на этом посту он задержался до 1948 года), С.А.Лозовский пишет на своем бланке депутата Верховного Совета СССР (последний престижный пост, который еще за ним оставался) недавнему коллеге — не бывшему, а действующему заместителю министра иностранных дел А.Я.Вышинскому: “Дорогой Андрей Януарович (так в тексте. — А.В.)... я очутился на мели с транспортной точки зрения — от ЦК я машину больше получать не буду. Не может ли МИД за свыше чем семилетнюю работу оказать мне в этом содействие... до предоставления мне работы?” Вышинский наложил резолюцию: “Надо обратиться к т.Молотову”. Но обращаться не пришлось: Лозовскому

быстро обеспечили и транспорт другой, и работу другую — за ним пришли через несколько дней — 26 января.

Записка... Что это было? Безоглядная наивность умудренного, казалось бы, жизненным опытом человека (Лозовскому было в то время 70 лет) или просто невозможность нормальному разуму поверить в начавшиеся уже катаклизмы? Вроде бы после 37-го поверить можно было во все. Получалось: не так...

Впрочем почему только после 37-го? Были гораздо более свежие факты, несомненно имевшие прямое отношение уже лично к нему. Не знать о них он не мог: снаряды звались по соседству. Совсем рядом. Все ближе и ближе.

Начать придется с того, что А.Лозовский (Соломон Абрамович Дридзо, очень известный еще с двадцатых годов деятель международного профсоюзного движения, генеральный секретарь Профинтерна), будучи тогда заместителем начальника Совинформбюро, курировал по долгу службы все созданные в начале войны антифашистские комитеты (Славянский, Молодежный и др.), в том числе и Еврейский.

Все загадочно и темно в истории образования этого комитета и его краткой жизни. Даже дата создания не может быть названа с абсолютной достоверностью. В официальном судебном приговоре, о котором речь еще впереди, временем создания назван апрель 1942 года. Ничуть не менее официальный, к тому же новейший Большой энциклопедический словарь (1991, т. 1, с. 422) утверждает, что комитет создан в августе 1941 года. Как ни странно, обе эти даты можно считать достоверными: парадоксальность такого утверждения отражает противоречивость различных сил и тенденций, сопровождавших всю жизнь этой вымученной Системой организации от момента ее "зачатия" до трагической гибели.

В этом очерке нам не раз придется прерывать повествование, отвлекаясь "в сторону" и "назад", — первое такое отступление необходимо сделать уже сейчас. Идея создания комитета (его первоначальное название: "Еврейский антигитлеровский комитет" — ЕАГК) принадлежит не советским властям, и даже не советским общественным организациям или еврейским активистам, а деятелям польским — руководителям Бунда Генриху Эрлиху и Виктору Альтеру, чьи имена были хорошо известны и в Европе, и в Америке. Когда два тирана — Гитлер и Сталин — нашли общий язык "дружбы" и осуществили раздел Польши, еврейские политические деятели этой страны выбрали из двух зол наименьшее, ища спасение в Советском Союзе. Здесь они и были арестованы (один в Вильно, другой в Каунасе) и тотчас стали обвиняемыми по делу о шпионаже. Впрочем, уже одно то, что они выступа-

ли против "дружественной" Советскому Союзу фашистской Германии, содержало "состав преступления", тем более что они предлагали советским властям организовать "единый фронт" для борьбы с фашизмом.

Более полутора лет шло следствие по этому дикому — и вместе с тем рядовому для тех лет — делу, а протесты и запросы различных социалистических партий мира и руководства II Интернационала оставались без всякого ответа. Немецких антифашистов Сталин пачками "возвращал на родину", отдавая их в лапы гестапо, а с польскими расправлялся сам. При Ежове следствие было поставлено на скоростной конвейер, при Берии шло обычно беспешки — обстоятельно и со вкусом. Дело Эрлиха и Альтера затянулось до гитлеровского нападения на Советский Союз. Затянулось, но не оборвалось: примерно до начала августа сорок первого неповоротливая "военная юстиция" (читай: Лубянка) продолжала крутиться по инерции — так, словно за стенами пыточных камер и судебных залов ничего не произошло. В последних числах июля 1941 года Эрлиха и Альтера приговорили к расстрелу (одно из обвинений: велиагитацию против пакта Молотова—Риббентропа), затем смертную казнь поспешно заменили десятью годами лагерей. На Западе существует устойчивая версия, будто крутой поворот в судьбе Эрлиха и Альтера (их освобождение) произошел благодаря специальному ходатайству союзников, прежде всего польского правительства в изгнании. Это не совсем так. Ходатайство касалось не только их. 12 августа 1941 год Президиум Верховного Совета СССР издал указ об амнистии "всех (подчеркнуто мною. — А.В.) польских граждан, содержащихся ныне в заключении на советской территории в качестве военнопленных или на других достаточных (?? — А.В.) основаниях". Оставим в стороне очевидные красоты советского официозного стиля: главное — Эрлих и Альтер были освобождены наряду с другими польскими жертвами сталинского террора. Но отношение к ним было, разумеется, вовсе не рядовым. В сентябре 1941 года мы застаем их не просто свободными людьми, а видными общественными деятелями, которым поручено создать Еврейский антигитлеровский комитет.

Этому предшествовало событие, весть о котором сразу же облетела мир. 24 августа в Москве состоялся "митинг представителей еврейского народа", на котором выступили виднейшие деятели культуры. Имена многих из них — Петра Капицы, Сергея Эйзенштейна, Соломона Михоэлса, Ильи Эренбурга и других — были известны далеко за пределами Советского Союза. Участники митинга приняли обращение к "братьям евреям во всем мире", призывая их объединиться для отпора фашизму

роме названных выше обращение подписали писатели амуил Маршак, Перец Маркиш, Давид Бергельсон, Сауил Галкин, Алексей Каплер (фильмы, созданные по сценариям, — “Ленин в Октябре” и “Ленин в 1918 году” — пользовались тогда большой популярностью), архитектор Борис Иофан, художник Александр Тышлер, ланисты Яков Флиер, Эмиль Гилельс, Яков Зак, скрипач авид Ойстрах, певец Марк Рейзен, актер Вениамин Зусин, кинорежиссер Фридрих Эрмлер, дирижер Самуил амосуд и еще многие другие “работники культурного ронта”. Но о создании Еврейского антифашистского комитета не было сказано ни слова: за кулисами шли переговоры, причем кандидатуры Эрлиха и Альтера на руководящие посты продолжали оставаться наиболее перспективными.

Вопрос о создании Еврейского антифашистского комитета был решен: поддержка мировой еврейской диаспоры, среди которой было множество влиятельных политиков, крупнейших представителей финансовых и промышленных кругов, могущественных бизнесменов, деятелей культуры, была Сталину жизненно необходима. Но тияние такого комитета усилилось бы сразу же во много раз (и сулило, наверное, более скорую отдачу), если бы во главе его оказались не только советские, не слишком хорошо известные на Западе деятели, но и такие люди, как Эрлих и Альтер, чей авторитет именно в тех кругах, на которые делалась ставка, был очень велик. Тем более, что инициатива создания комитета — и это в мире было известно — им и принадлежала. Как сообщает исследователь этого “белого пятна” новейшей истории Л. Колтон, обсуждались возможности вступления в действующую армию евреев-беженцев из Польши и формирования в США еврейского легиона для участия в военных действиях в составе Красной Армии. Комитет должен был попытаться установить контакт с евреями, оставшимися в Польше, и организовать их выступление против гитлеровцев”.

За кратчайший срок Эрлих и Альтер из смертников превратились в крупные политические фигуры. К этому времени возобновились дипломатические отношения между польским эмигрантским правительством и Советским Союзом — Альтер и Эрлих стали активно сотрудничать с посольством своей страны, которое передавало им зручения правительства генерала Сикорского, дислоцированного в Лондоне. Они начали было заниматься розыском пропавших польских офицеров, уже похороненных к тому времени во рвах под Катынью, под Харьковом, других местах уничтожения. Виктор Альтер получил задание войти в инспекцию по надзору за уральскими ла-

герями, где интернированные польские солдаты ожидал возможности вступить в будущую армию генерала Андерса. Но, конечно, главным их делом оставался Еврейский антигитлеровский комитет, находившийся в затяжно периоде организации. Сталин, ознакомившись с программными документами комитета, подготовленным Альтером и Эрлихом, дал вроде бы принципиальное согласие на создание такого комитета, но не дал конкретных, прямых, недвусмысленных указаний. Однако эйфории наметившегося сотрудничества оба деятеля, не смотря на свой полуторагодовой тюремный опыт, не ощущали нависшей над ними угрозы. Совместно с Соломоном Михозлсом, Ициком Фефером и Перецом Маркшешем — виднейшими деятелями советской еврейской культуры, которым тоже предстояло войти в руководство комитета, — они обсуждали "оргвопросы", полагая, что его провозглашение — вопрос если не дней, то недель.

Время, между тем, шло, фашистские войска подходили к Москве, дипломатический корпус вместе с основным составом советского правительства эвакуировался в Куибышев. Туда же направились и Альтер с Эрлихом. Сь Генриха Эрлиха, профессор Йельского университета Виктор Эрлих, у которого я гостил в 1989 году, рассказывал мне, что отца и его друга поселили в комфортабельной гостинице, что с учетом реальных условий того времени само по себе говорило об официальном признании и определенной мере уважительности. Но то обстоятельство, что "уважаемым иностранцам" не вернули их польские паспорта, должно было, видимо, их насторожить. Не насторожило.

Ничего удивительного нет в том, что "куратором" еще функционирующего, но уже существующего на бумаге комитета стал НКВД в лице полковника А.Волковисского. Деятельность всех подобных образований проходила под эгидой этого ведомства, так что данный факт вряд ли поверг руководителей комитета в смятение: они уже привыкли и смирились с советской реальностью. И поэтому не усмотрели ничего грозного в срочном вызове, который последовал от помощника Волковисского капитана Хазановича, заявившего, что получено письмо от самого Сталина. Для Эрлиха и Альтера это не могло быть чем-то неправдоподобным: напротив, они знали, что все основная документация докладывается лично Сталину. Берии и что принятия каких-либо решений надо ждать только от них. Эрлих и Альтер тотчас направились в "резиденцию" НКВД и оттуда уже не вернулись. Больше и никто никогда не видел.

Случилось это в начале декабря. Вряд ли можно, как делает Л.Колтон, ставить это в какую-то связь с военными

итуацией на подступах к Москве. Нет абсолютно никаких зных для такого предположения. Происходили какие-то згие, неведомые нам пока события в Кремле и на убянке, а может быть, и в наркоминдельском особняке : Кузнецком мосту, где бессменно восседал Молотов, зорые привели в движение потайной механизм и побу- или пойти на дипломатический скандал. Мне кажется евидным, что поспешный расстрел (есть весомая вер- я, согласно которой оба арестованных сразу же были знены), как и в случае расправы над крупнейшими вое- зчальниками в октябре того же года, объяснялся стра- м оставить в живых каких-то важных свидетелей: ведь збытия развивались так, что и Эрлих и Альтер вот-вот зжны были отправиться в Лондон.

Все попытки польского посла Станислава Кота, зару- жных социал-демократий, международных и нацио- зльных еврейских организаций узнать что-либо об их 'дье оставались безрезультатными. Ни на один запрос : давалось ответа. Точнее, Наркоминдел просто сооб- ал, что ему ничего неизвестно. Лишь в 1943 году сначала зшинский — в Москве, а затем советский посол Максим итвинов в Вашингтоне официально довели до сведения :интересованных лиц и организаций" заявление нарко- в иностранных дел Молотова: "После своего освобо- дения... они (Г.Эрлих и В.Альтер. — *А.В.*) возобновили :аждебные действия, включая призывы к советским зйским остановить кровопролитие и немедленно заклю- ить мирный договор с Германией". Информация закан- :ивалась сообщением о смертном приговоре обоим :реступникам", который приведен в исполнение.

Американский журналист Морис Хиндус, автор книги (ризис в Кремле", изданной в Нью-Йорке в 1954 году, :дает резонный вопрос: "Каким же образом Молотов :деялся убедить кого-то в Америке, что социалисты- :реи, которые всегда боролись с фашизмом, вдруг не- :киданно стали союзниками Гитлера? Каким образом :юстранец мог непосредственно обратиться с призывом :расной Армии по какому-либо поводу, не говоря уже о :ирном договоре с Гитлером, который все еще удержив- :ил громадные территории России в своих руках? Эти :просы только демонстрируют полное невежество Мо- :това, его абсолютное незнание американской психоло- :ии или же презрительное безразличие к тому, что поду- :ают об этом лживом объяснении американцы..." Морис :ндус отмечает также, что Литвинов (в отличие, конечно, : Вышинского) "в глубине души сильно страдал от тако- :го "поручения" и был им несказанно возмущен — это бы- :ло самое отвратительное "поручение" из всех, какие ему :ишлось выполнять по принуждению Молотова".

Ничуть не желая обелять вышеназванного господина для характеристики которого не жаль никаких, даже самых сильных эпитетов, должен, однако, заметить, что Мелотов выполнял эту функцию, так сказать, протоколно, качестве наркома иностранных дел, который только и может давать указания своим заместителям и своим посланцам. В "аргументации" явственно ощущается "логика" малограмотного ведомства Лаврентия Берии, которое вместе со своим шефом действительно отличалось полным невежеством и абсолютным незнанием чьей бы то ни было психологии, равно как испытывало презрительное безразличие к тому, что, кто и как подумает. Энкаведистская "версия" — о том, что Генрих Эрлих и Виктор Альтер осуждены "как агенты Гитлера" (?!), — никак не опровергнута до сих пор, поскольку никакой аутентичной информации, упрятанной в пока еще недоступных архивах по-прежнему нет.

Решение о создании Еврейского антигитлеровского комитета (август 1941 г.) не было отменено, но появилось (апрель 1942 г.) другое: о создании Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) при Советском информбюро. "Кураторами" его по-прежнему оставались крупные чиновники с Лубянки, но легальным шефом был Соломон Лозовский, которому эта роль, казалось бы, шла по всем статьям. Теперь это был уже не международный, а только советский комитет. Возглавил его великий актер Солмон Михозэлс, в состав комитета, как и в состав его президиума, вошли главным образом наиболее известные литераторы, писавшие на языке идиш: Перец Маркиш, Давид Бергельсон, Лев Квитко, Ицик Фефер, Давид Гофштейн и другие. ЕАК был призван исполнить ту миссию, которая предназначалась Антигитлеровскому комитету, задуманному, созданному, но не осуществленному трагически погибшими Г.Эрлихом и В.Альтером.

Впрочем, эта миссия (в сталинском варианте) была теперь сильно сужена и фактически сводилась только выколачиванию денег из богатых заокеанских евреев. И она могла быть осуществлена лишь в том случае, если за несколько абстрактным понятием "комитет" будут стоять достаточно известные в Америке и вообще на Западе имена. Прежде всего именно по этой причине 24 мая 1942 года — ровно через девять месяцев после первого — в Москве состоялся второй (и последний) митинг "еврейской общественности", принявший еще одно обращение "к братьям-евреям во всем мире": слезный призыв оказать финансовую и материальную помощь в борьбе против гитлеризма. К числу тех, кто подписал первое

обращение, прибавились новые, всемирно известные имена: академики Лина Штерн и Александр Фрумкин, художник Натан Альтман, профессор Меер Вовси и другие. Митинг транслировался по радио. Было оглашено приветствие Лиона Фейхтвангера, что, казалось бы, сулило надежды. Ничего оно не сулило! В Советском Союзе плохо представляли себе реальный вес этого писателя в тех кругах, к которым был обращен клич о помощи.

Как ни печально в этом признаться, но даже самые громкие (по нашему представлению) имена руководителей новосозданного комитета (ни академиков, ни музыкантов, ни художников в их числе не оказалось) мало что кому-либо говорили за пределами своей страны. Лучше других было известно имя Михозэlsa, но и то в основном понаслышке: ведь популярность актера зависит от частоты его живого появления перед зрителем, от прессы. Особенно похвастаться этим — не у себя дома, конечно, а вдали от родных пенатов — не мог даже великий Михозэls. Практически не переводились и книги известных еврейских советских писателей. Не забудем: это были именно советские писатели. При всем своем таланте они ревностно пропагандировали большевистский "интернационализм", весь пафос их произведений и в прозе, и в поэзии, и в драматургии так или иначе сводился только к одной идее: благоденствия некогда забитых и замордованных евреев под солнцем ленинско-сталинских конституций. Узкий круг специалистов, конечно, кое-что знал и об этих произведениях, и об их авторах. Но для осуществления весьма утилитарного сталинского замысла, притом в кратчайший срок (на долгий уже не хватало времени), этого все-таки было мало. Тем более — вспомним снова — после скандального исчезновения двух всемирно известных деятелей международного еврейского движения, авторитет которых мог бы оказать Сталину неоценимую услугу.

Вот почему не оставалось ничего другого, как "подключить" к знаменитостям и несомненным талантам людей значительно более скромного уровня, неприметно работавших редакторами, переводчиками, консультантами. Внутри страны они были известны самому узкому кругу или вообще никому неизвестны, зато в Америке (а расчет был именно на нее) их знали довольно неплохо. Знали именно те, к кому предстояло обратиться с протянутой рукой. Потому что раньше эти люди жили за границей, активно участвовали в работе различных национальных организаций, были лично знакомы с теми, от кого хоть что-то зависело. Конечно, бывший член американской компартии, потом переводчик Совинформбюро Леон Тальми или, скажем, бывший член руководства пар-

тии "Поалей-Цион" (сначала в Австрии, затем в США) ставший редактором издательства литературы на идиш в Москве, Илья Ватенберг никак не могли возместить отсутствие Эрлиха и Альтера, но свою скромную роль все же играли.

Скромную? Нет, скромнейшую. Связи налаживались плохо, время тянулось отчаянно медленно, реальных результатов все не было. Сталин был раздражен. Молотов непрерывно отчитывал своего заместителя Лозовского который, напомню, отвечал за деятельность ЕАК, — требовал результатов. Тогда и родилась идея поездки в США.

Трудно точно сказать, кому именно она пришла в голову сначала. Да вряд ли это и важно. Скорее всего, действительно Лозовскому, человеку не столько решительному, сколько создававшему безвыходность положение ведь еще немного — и Сталин потребует отчета о результативности работы ЕАК, а чего нет (в сталинском понимании), того нет... Несомненно, замысел поездки делегации комитета в США — чтобы на волне огромной симпатии к Советскому Союзу и массовой солидарности с жертвами фашистского геноцида в самых разных кругах американского общества осуществить "атаку" на бизнесменов и финансистов — был поддержан и советским послом в Вашингтоне Максимом Литвиновым, который понимал что при умелом подборе визитеров и хорошо продуманной программе поездка может дать отличный пропагандистский эффект.

Шла война, поездка даже в чисто техническом отношении была сопряжена с большими трудностями. К тому же Сталин вообще колебался: первые ростки государственного антисемитизма, которые стали пробиваться ближе концу войны, сначала появились, само собой разумеется в голове вождя и учителя: Что-то его удерживало от решительного "да", Лозовский настаивал, убеждал — впоследствии ему будет поставлено это в вину.

Наконец согласие было получено — с мизерной "квотой": два места. Одно из них вне всякой конкуренции заведомо принадлежало Михоэлсу. Не по должности даже (председатель комитета), не по актерскому его таланту, по известности и по способности влиять на умы и сердца. Второе было под вопросом. После долгих размышлений и невидимой миру закулисной борьбы (не в ЕАК, разумеется, и не в Совинформбюро, а на Лубянке) окончательный выбор пал на Ицика Фефера, поэта, ответственного секретаря ЕАК. Никакой особой способностью пропагандиста (применительно к традициям и вкусам американской публики — тем более) он не отличался, был вполне ортодоксальным догматиком, непогрешимым партий

цем с 1919 года, но в пару к Михозэлсу искали надежного человека, на которого НКВД мог бы положиться в столь необычной — можно даже сказать, не имевшей прецедента — командировке.

Формальная "цель поездки", как она записана в решении так называемой "Инстанции" (эвфемизм ЦК — иногда Политбюро, иногда секретариата, иногда одного из отделов, а в те времена — просто-напросто Самого! звучала так: "Усиление пропаганды достижений СССР и борьбы с фашизмом". Звучит безграмотно и нелепо, но зато — на партийно-бюрократическом языке — понятно и солидно.

Отметим еще раз: эта поездка (ее маршрут, кроме США, включал еще Англию, Канаду и Мексику) нужна была Сталину, а не Михозэлсу, не Феферу, не членам ЕАК. То есть им, конечно, она нужна была тоже, чтобы — в случае успеха — показать, сколь полезен их комитет и сколь плодотворна их общественная деятельность. Кремлю (или, если точнее, применительно именно к тому периоду нашей истории — Ставке) поездка эта была необходима в самом прямом и буквальном смысле: без немедленных финансовых инъекций и увеличения поставок вооружения, продовольствия, одежды, медикаментов измотанная врагом, разоренная и разграбленная страна могла не выдержать.

Как водится, поездка была должным образом оснащена: посланцев Кремля снабдили необходимым пропагандистским материалом, который должен был им помочь в обработке американского общественного мнения, прежде всего еврейских организаций США. Полученный ими материал делился на две части. Одну составляли данные об огромных потерях, понесенных Советским Союзом в войне, об уничтоженных заводах и фабриках, шатах и рудниках, о человеческих жертвах, о неизбежном спаде производства, об оборонной продукции, выпускаемой в тылу. Другая часть представляла собой материалы о жизни советских евреев. Не столько о фашистском геноциде, сколько о благоденствии их "в семье свободных народов", о неслыханных успехах созданного для них сталинским гением нового отечества на Дальнем Востоке — вокруг ставшего вдруг всемирно известным заштатного городка Биробиджана. Эта "информация" содержала и какие-то сведения о природе края, запасах его недр, народнохозяйственном потенциале и перспективах развития после победоносного завершения войны. Разумеется, все сведения были подготовлены, отфильтрованы и одобрены множеством экспертов и контролеров, снабжены всеми необходимыми подписями и "грифами". Ни Михозэлс, ни Фефер вообще в этих вопросах не разбирались: инте-

ресы отправлявшихся за океан гуманитариев были сосредоточены совсем на другом: папкам, которые они везли собой, суждено было служить лишь подспорьем в предстоящих им выступлениях на массовых митингах, в дискуссиях и конференциях, во встречах с деловыми людьми.

Поездка, о которой уже достаточно много рассказано в печати, прошла великолепно. Успех превзошел все ожидания. Успех не только моральный: помощь, на которую рассчитывал Сталин, была оказана. Установленные Михозлсом и Фефером контакты имели затем деловое продолжение — контракты, дополнительные поставки, благотворительную помощь; в последующих переговорах, доведении дела до конца участвовали уже профессионалы — дипломаты, внешторговцы, военные специалисты. Сами же "курьеры" привезли в виде трофеев лишь тысячи газетных вырезок: об их триумфе восторженно писали журналисты самых разных направлений. Да еще Фефер привез роскошное меховое пальто, подаренное ему одним расчувствовавшимся богатеем. Точно такое же это даритель — от чистого сердца — просил передать Сталину. Фефер, при всем своем даровании не отличавшийся качествами титана мысли, не нашел ничего лучшего как, докладывая Сталину о результатах поездки, облачиться в эту шубу и непринужденно накинуть ее "дубль на плечи вождя и учителя. Не знаю, поморщился ли Сталин, сдержался ли, как долго выдержал на себе заокеанский подарок, но о чем он подумал и даже какими словами мысленно отреагировал — об этом догадаться не трудно.

С конца 1943 года (возвращение делегации ЕАК из-з океана) начался очень короткий, но и очень насыщенный событиями период деятельности комитета, который вполне можно назвать эйфорическим. Казалось, что успехе-кому вскружил голову, а трагедия европейского еврейства, получившая затем короткое и емкое наименование "Катастрофа", позволяет быстро решить вопросы казавшиеся до этого неразрешимыми. Нереальными — так будет точнее. Главный из них касался создания на территории Советского Союза еврейского национального очага, который мог бы стать центром притяжения и для зарубежной диаспоры.

Как известно, идея собрать рассеянных по всему миру евреев на исторической родине, в Палестине, с разной степенью интенсивности существовала всегда, передаваясь из поколения в поколение на протяжении многих веков. С конца девятнадцатого столетия она овладевает

мами уже как конкретная, практически осуществимая цель, к достижению которой приступает движение, получившее впоследствии (и ставшее ныне столь одиозным) название "сионизм". Очень широкое распространение получило это движение и в дореволюционной России. Деятели еврейской советской культуры, сосредоточившиеся в ЕАК, противопоставили ему идею создания Еврейской республики на территории СССР. Им — не без оснований, я думаю, — казалось, что этот замысел (прежде всего по соображениям большой политики) должен был встретить полное сочувствие и понимание в Кремле. К тому времени подготовка к созданию государства Израиль вступила в последнюю, решающую фазу, переговоры, которые шли за кулисами политической сцены, продвигались успешно, замысел этот, как мы знаем, был реализован менее чем через пять лет после поездки Михозлса и Фефера в США, где они, конечно, обсуждали эту проблему и обогатились надлежащей информацией. В качестве ответственного секретаря ЕАК Ицик Фефер написал и представил в ЦК подробный отчет о командировке, подробно изложив все, что удалось узнать в США и Англии на эту весьма беспокоившую Сталина тему: речь шла не только о судьбе евреев, но и о сферах влияния на Ближнем Востоке.

Отчет Фефера, копия которого была послана Молотову и Берии, заслужил наверху благоприятные отзывы. Был, так сказать, оценен. Вполне удовлетворило Лубянку и его поведение в роли парткомиссара при беспартийном Михозлсе. Успешное осуществление этой миссии плюс содержательный доклад о поездке повысили рейтинг Фефера в кабинетах лубянских руководителей, а повышение рейтинга привело и к повышению статуса. Фефер охотно согласился стать секретным осведомителем "соответствующего" ведомства, расценив сделанное ему предложение как акт высокого доверия. Ему был дан псевдоним "Зорин". Шесть лет беспорочной службы отражены во множестве донесений этого "источника", которые по-прежнему содержатся в тайных архивах бывшего КГБ.

Вскоре после этого и произошло событие, оказавшееся самой драматичной страницей в предыстории разгрома ЕАК, советской еврейской культуры и начала государственного антисемитизма в СССР, длившегося почти полвека. Событие это связано с попыткой реализовать замысел по созданию еврейского национального очага на территории Советского Союза. К тому времени никто уже не скрывал — едва ли не официально, — что образование так называемой Еврейской автономной области в приграничной дальневосточной тайге ни к каким резуль-

татам не привело. Еврейских переселенцев даже в "золотую пору" ее существования, после выхода на экран пропагандистского, "зазывного" фильма "Искатель счастья", прибыло всего несколько тысяч человек, тогда как все еврейское население СССР до войны исчислялось миллионами. Искусственность этого "национально-территориального" образования, удаленность от мест исторического проживания евреев и тяжелые климатические условия не сулили надежды на то, что ситуация изменится к лучшему.

Приходилось выбирать другой "объект", более реальный, более привлекательный. "Объект" был найден. В истории этой, столь трагически судьбоносной для многих многих людей, еще много неясного. Архивные находки сулят нам, несомненно, в достаточно близком будущем множество новых открытий. Несомненно, вопрос о том, какую территорию следует просить для "национального очага", обсуждался Михозлсом и Фефером в США, о чем Фефер должен был проинформировать Кремль и Лубянку в секретной (а может быть, и не только секретной) части своего отчета. Оба они не могли видеть в разговорах на эту тему и в самой идее ни малейшей злокозности — напротив, они искренне исходили из вполне патристических соображений. Они, видимо, нисколько не сомневались в том, что эта идея будет наверху горячо одобрена и полностью поддержана. Разоренная страна в целом, а будущая "Еврейская республика" (союзная? автономная?) в частности, не могли подняться на ноги без иностранной помощи — так, по крайней мере, тогда казалось, ведь именно за помощью их и послали в Америку. А раз так, надо было заручиться предварительной поддержкой заокеанских партнеров. Наконец, в самом еврейском национальном движении за границей, прежде всего в США, существовали различные течения, отнюдь не все были сторонниками создания государства на территории Палестины, а тем более массового заселения его та называемой "алией", то есть иммигрантами, выходцами из других регионов, хотя бы уже потому, что это предполагало заведомо затяжной и мучительный конфликт с арабским населением региона и противоборство великих держав, каждая из которых имела здесь свои интересы. Словом, создание "параллельного" национального очага в интернациональной стране (в "социалистическом отечестве — родине трудящихся всего мира") могло найти своих приверженцев и в зарубежных еврейских кругах, обсуждение с которыми такой потенциальной возможности — повторю это снова — никем ни с какой стороны не воспринималось как нечто крамольное.

Насколько можно судить по дошедшим до нас обрывочным свидетельствам очевидцев, вопрос этот предварительно обсуждался где-то "в сферах", и руководству ЕАК, которое с "подачи" Михозлса и Фефера решило официально выступить инициатором проекта, явно намекнувши, что он приемлем и имеет хорошую перспективу. Последником в предварительных переговорах был Лозовский — лицо сугубо официальное: заместитель наркомана иностранных дел СССР (Молотова), чуть ли не ежедневно бшавшийся со своим шефом, а то и с Самим. Его слово оспринималось неукоснительно как верховная мудрость: зря не скажет"... Именно в такой обстановке и было составлено коллективное письмо на высочайшее имя с просьбой разрешить заселение Крыма евреями для последующего образования там Еврейской республики. Среди множества более или менее серьезных аргументов, обосновывавших это предложение, фигурировали и такие доводы, как "реанимированный" гитлеровцами на оккупированных территориях антисемитизм, как трагическая удыба, постигшая миллионы семей в результате геноцида, в частности, утрата эвакуировавшимся в глубь страны еженцами прежнего жилья и необходимость начинать жизнь сначала.

Впоследствии именно это письмо было объявлено подрывной акцией международного сионизма", якобы инспирированной "лидером сионистов Хаимом Вейцманом, миллионером Розенбергом и другими еврейскими националистами, с которыми Михозлс и Фефер встречались в США" и которые будто бы потребовали "добиться советского правительства заселения евреями Крыма, оздания там еврейской республики". Конечно, такое здорное обвинение можно было предъявить лишь тайно: оглашенное публично, оно заставило бы смеяться горьким смехом весь мир. Ведь названные лица, как и все их диномышленники, боролись всю жизнь именно с попыткой создать для евреев какой-либо очаг вне Палестины. Более того — даже с абстрактной идеей о существовании такой гипотетической возможности. Проект Михозлса если его вообще допустимо назвать проектом одного человека) мог встретить поддержку лишь у левого крыла диаспоры, отрицательно, или хотя бы скептически, относившегося к программе сионизма.

Сейчас исследователи той мрачной страницы недавней истории полагают, что отправка письма о "Крымской еврейской республике" была откровенной провокацией о стороны Сталина, Берии и их окружения — провокацией, целью которой было создать "базу" для начала широкой антисемитской кампании. Вряд ли это так. Можно,

пожалуй, сказать и еще категоричней: это почти безусловно не так!*

Скорее всего, в сегодняшних рассуждениях на эту тему происходит психологически понятная и не очень заметная поначалу временная подвижка. Первая половина сорок четвертого года это еще совсем не сорок седьмой даже не сорок шестой год. Никакого далеко идущего многоступенчатого замысла — подготовить расправу ЕАК, с его руководителями, со всем советским еврейством — тогда еще не было. К тому же для расправы с негодными ни в каких "обоснованиях" Сталин не нуждается: "обоснования" еще могли пригодиться на публичном процессе, но никак не на тайном. А эпоха публичных кровавых шоу к тому времени уже отошла в прошлое. И, наконец, никакого намерения ссориться с богатыми американцами, хотя бы и еврейского происхождения, Сталина тогда не было и быть не могло.

Вполне вероятно, что лично с ним вопрос этот вообще предварительно никто не обсуждал. В конце концов решила пока только о предложении, а не о решении. Лозинскому достаточно было поговорить с Молотовым: посоветоваться, предупредить. Но Вячеслав Михайлович и принципиальную, глобальную акцию, тем более такого замаха, ни за что бы не отважился. Даже Берия вряд ли бы на это решился (да и зачем ему-то это было нужно?! тем более что сам он — чудовище, деспот, палач — если чем и не был замечен, так в антисемитизме).

Суммируя доступную нам информацию, можно, видимо, сказать, что, заручившись поддержкой, с одной стороны, каких-то кругов в Америке, с другой — окрыленный благожелательством советских верхов и оптимизмом Лозинского, деятели ЕАК решили использовать уникальный шанс, открыв своему многострадальному народу двери райский уголок земли, который, в отличие от Биробиджана, несомненно привлек бы к себе тысячи и тысячи гонимых, поверженных, обездоленных, жаждущих очага. Уникальность шанса состояла в том, что Крым только что

---

* Несколько лет назад в Израиле изданы воспоминания Эстер Маркиш "Столь долгое возвращение...", где она рассказывает, что в конце 1947 года Молотов и Каганович пригласили к себе группу руководителей ЕАК и посоветовали внести в Политбюро предложение о создании в Крыму Еврейской автономной республики. Но архивные документы с непростой достоверностью свидетельствуют: это предложение было внесено несколькими годами раньше. В конце сорок седьмого события разворачивались так, что для многоходовой провокации с письмом в Политбюро не было ни надобности, ни времени. Что касается П.Маркиша, то он считал "исторически более справедливым" создать еврейскую автономию не в Крыму, а в землях бывшей республики немцев Поволжья. О "справедливости" не говорю: с этим все ясно. Но — так или иначе — любое предложение подобного рода было заведомо обречено.

подвергся варварской акции Сталина, депортировавшего в глубь страны по облыжному обвинению в тотальной измене все коренное население — крымских татар. Как раз в это время решался вопрос о том, кем заселять, кому обживать этот, оказавшийся почти безлюдным благодатный край: по тогдашней политической ситуации, особенно в обстановке неоправданной эйфории, охватившей деятелей ЕАК, казалось логичным, что "пособники оккупантов" понесут наказание, а жертвы геноцида получают закономерную компенсацию.

Конечно, даже не только с сегодняшних позиций, но и по вечным, не подверженным никаким "подвижкам", нравственным категориям решать судьбу одного гонимого народа за счет другого, тоже гонимого, было совершенно недопустимо. На чужих костях, на чужом горе, на чужой беде свое счастье не построишь. Была ли это собственная инициатива руководителей ЕАК, или чья-то подсказка, или хотя бы и провокация, ничто, на мой взгляд, не оправдывает благородное рвение тех, кто в самый неподходящий (а казалось, наоборот, в самый подходящий) момент возмечтал разделить чужое наследство. Но, опять же справедливости ради, надо сказать, что идея освоения именно Крыма еврейскими переселенцами родилась не вчера; не в этот трагически неуместный период истории, а гораздо раньше, и притом с участием руководителей партии и страны.

Когда в 1924 году были созданы КОМЗЕТ (Комитет по земельному устройству трудящихся евреев) и ОЗЕТ (Общество землеустройства трудящихся евреев), местом их устройства и землеустройства был избран именно Крым. Создание национального очага в Палестине тогда казалось делом довольно отдаленного будущего, поэтому иностранные благотворительные организации и, если пользоваться современным языком, деловые спонсоры горячо поддержали крымский вариант и именно в Крым направили основной поток материальной помощи: тракторы, другую сельскохозяйственную технику, племенной скот. Их получили первые переселенцы; откликнувшиеся на призыв собраться под крымским солнцем в его степной (не в приморской, заселенной татарами) части для национального возрождения.

Сам "дедушка" Калинин пришел в 1926 году на съезд ОЗЕТа и обратился с призывом осваивать крымскую землю: "Перед еврейским народом, — сказал он, — стоит большая задача — сохранить свою национальность, а для этого нужно превратить значительную часть еврейского населения в компактное население, измеряемое, по крайней мере, сотнями тысяч. Только при таких условиях

еврейская масса может надеяться на дальнейшее существование своей национальности”.

Правда, уже к 1928 году для “компактного населения вместо Крыма был избран Дальний Восток. Одним из аргументов оказался тот несомненный факт, что успешн начавшееся освоение степных крымских территорий хлынувшими туда первыми еврейскими переселенцами пробудило у коренных жителей этих районов откровенны антисемитские настроения, которых раньше здесь никогда не было. Но это уже, как говорится, второй вопрос. Мы не обсуждаем сейчас, насколько правильной, дальновидной и перспективной была идея искусственного создания еврейского национального очага вне исторической родины вообще, и в Крыму в частности. Я напомнил об этом имевшем место факте лишь для того, чтобы подчеркнуть реанимированная идея крымской “колонизации” не содержала в себе ничего неслыханно нового, во-первых, и уж тем более ничего преступного, во-вторых. Самое худшее, на что она могла быть (и, по моему убеждению, должна была быть) обречена, это на то, чтобы оказаться отвергнутой. Поначалу так оно и было.

Авторами обстоятельно аргументированного, в весьма уважительном тоне написанного письма на имя Сталина следует считать Михозлса, Фефера, вскоре умершего журналиста Шахно Эпштейна, а также главного врача больницы имени Боткина Бориса Шимелиовича, человека ясного ума, твердой воли и больших организаторских способностей: он играл в ЕАК очень активную роль. Письмо отредактировал, предварительно посоветовавшись с кем-то “наверху”, Соломон Лозовский. 15 февраля 1944 года оно ушло в Кремль. “Резолютивная” часть письма состояла из двух пунктов: 1) создать на территории Крыма Еврейскую Советскую Социалистическую Республику и 2) назначить правительственную комиссию по этому вопросу.

Авторы письма не сомневались в положительном и притом очень скором ответе: ведь судьбу Крыма действительно надо было быстро решать. Они не делали из своего замысла никакой тайны: уже в марте сорок четвертого — нет, не о письме, а о предстоящем создании в Крыму ЕССР (!) — знала буквально “вся Москва”. Нелепая

---

* Этот план сразу же встретил сопротивление и отнюдь не только в партийных кругах. Он напугал тех представителей еврейской интеллигенции, которые были трезво мыслящими политиками, способными предвидеть реальные последствия безрассудства. Есть достоверные свидетельства того, что “крымскому проекту” решительно воспротивились Илья Эренбург и Максим Литвинов, но их голоса не были услышаны. Скорее всего, этому способствовали два обстоятельства: во-первых, оба “оппонента” были известны как сторонники еврейской ассимиляции, во-вторых же, через Лозовского кто-то явно злонамеренно тянул ЕАК в пропасть.

опасная и заведомо обреченная на провал затея казалась настолько осуществимой, что члены руководства ЕАК стали готовиться, не дожидаясь ответа, к практическим шагам. Выдающийся поэт, автор стихов, которые, благодаря мастерству талантливых русских поэтов-переводчиков, знали наизусть миллионы советских детей всех национальностей, Лев Квитко, отложив на время поэзию, отправился в Крым, чтобы "изучить вопрос на месте", разобраться в тех практических проблемах, которые возникнут при переселении "компактных масс" на разоренную землю, внести свои деловые предложения. Несколько лет спустя эта бесплодная, но невинная, продиктованная самыми возвышенными целями, акция будет на привычном языке МГБ квалифицирована так: "Выполняя преступные указания руководства ЕАК, выезжал в Крым для сбора сведений об экономическом положении области".

Хорошо налаженная, казалось, машина забуксовала. Предложение, содержащееся в письме, отвергнуто не было. Но и поддержано не было тоже. По давно отработанной советской бюрократической манере письмо безответным утонуло в кремлевском архиве. Утонуло, чтобы вскоре всплыть уже на Лубянке.

Однако руководители ЕАК еще не теряли надежды. Ничто, казалось бы, не предвещало грядущих событий. В комитете, рассказывает дочь С.М.Михозлса — Наталия Зовси-Михозлс, "была создана специальная комиссия по розыску без вести пропавших, ...время от времени появлялись... партизаны и рассказывали о борьбе партизанских отрядов с фашистами... Поступали сообщения о лагерях смерти. Было создано Информационное бюро, куда стекались толпы, чтобы навести справки о своих близких. Стали появляться первые чудом уцелевшие беженцы". В комитет все чаще и чаще стали приходить письма возвращавшихся домой из эвакуации евреев о притеснениях, которым они подвергались, пытались трудоустроиться, прописаться. Это была естественная реакция тех, кто с величайшим удивлением и растерянностью толкнулся с первыми, вероятно, еще не резко обнаженными, не демонстративно откровенными проявлениями официального антисемитизма, хотя бы и только на айонном уровне. Отвыкнув от него за двадцать лет, предшествовавших войне, а тем более ощутив себя жертвами нацистского геноцида в антифашистской войне, которую вел Советский Союз, они не могли представить себе, что "инициатива" идет откуда-то сверху. Им казалось, что все это — единичные проявления какого-то "фашистского недобитка" или очередного "врага народа", о чем

официально существующий Еврейский антифашистский комитет должен незамедлительно информировать высшие сферы для принятия мер. Именно так комитет (то есть его уважаемые руководители) и поступал. Не только на самый верх, но и в республиканские, областные, городские организации летели запросы, жалобы, протесты — вскоре в "компетентных органах" (читай: ЦК и МГБ) их скопилось изрядное количество. Реакция понятна. Точнее, известна.

Сталин создавал ЕАК, разумеется, не для этого. Мы знаем, зачем он его создавал. Эта цель, во-первых, уже была достигнута, во-вторых же, отпала сама собой с окончанием войны. Крутой поворот внешней политики — тем более после того, как Черчилль открыто и недвусмысленно откликнулся на него своей исторической речью в Фултоне, — сопровождался и поворотом в политике внутренней. Вызывающе дразнящие сигналы ЕАК об "отдельных" участившихся проявлениях антисемитизма приводили в ярость чиновников, хорошо осведомленных об истинном положении дел, ускоряя неизбежную ликвидацию этого странного "общественно-политического" института слишком загостившегося на политическом небосклоне сороковых годов. Еврейский антифашистский (то есть откровенно пропагандистский, откровенно политический) комитет на глазах превращался в просто Еврейский комитет и уже по одному этому был обречен, но бурная, наступательная активность его руководителей, явно неадекватно реагировавших на изменение обстановки, действовала на Сталина, как красное на быка, чем способствовала скорейшему приближению неизбежного конца.

Александра Щербакова, под цекистской эгидой которого действовал ранее комитет (именно Щербаков в беседах с будущими руководителями ЕАК определил его функции и компетенцию), уже не было в живых. "Куратором" стал Михаил Суслов, личность и позиции которого слишком хорошо известны и не нуждаются в дополнительных комментариях. Именно он представил 19 ноября 1946 года в политбюро за своей подписью докладную записку, обличающую ЕАК в том, что тот "скатился" на позиции национализма и сионизма, что дальнейшее его существование представляет, с точки зрения политической, опасность для государства и что, стало быть, его следует немедленно распустить.

Можно ли считать случайностью, что именно тогда же — и тоже в адрес политбюро (то есть Сталину) — ушла другая докладная записка? Она вышла из стен МГБ и официально называлась: "О националистических тенденциях некоторых деятелей Еврейского антифашистского комитета". Но речь в ней шла отнюдь не о "некоторых

деятелях", а о Комитете в целом как об организации враждебной, антисоветской, о принятии ко всем ее активистам "соответствующих" мер.

Сталин тогда еще не был готов к "соответствующим" мерам. Расстановка сил в Палестине и вокруг Палестины еще не определилась. Дразнить потенциальных союзников было в высшей степени неразумно. Высочайшего ответа не последовало. "Докладные" остались ждать своего часа. Между тем и на Старой площади, и на Лубянке разгорачивалась борьба различных сил, борющихся за свое влияние, положение и карьерный рост. Внешнеполитический департамент ЦК (Международный отдел) курировал Андрей Жданов. Именно к нему (и явно не без его предварительного благословения) обратились в июле 1947 года два сотрудника отдела — Баранов и Григорян — с предложением оказать помощь ЕАК и повысить его активность. Эта "докладная" тоже не имела никаких последствий, но ее существование дает нам косвенное, однако очень яркое представление о том, какая борьба шла внутри отнюдь не единой команды сталинских соратников. Еще одним тому подтверждением служит письмо, подписанное Суловым и заведующим отделом пропаганды ЦК Георгием Александровым, датированное седьмым ноября 1947 года (неужели трудились даже в день ветлого праздника? Очень возможно: Сулов горел на работе, а его аскетизм по алкогольной части общеизвестен). На этот раз письмо было направлено не просто в политбюро, а лично Вячеславу Молотову и секретарю ЦК Александру Кузнецову: авторы призывали их стать союзниками в борьбе за роспуск зловердного комитета.

Ответа не было. Сталин продолжал выжидать.

Но вся эта невидимая миру возня прикрывалась вполне благопристойным фасадом: вождь блистательно умел искать пыль в глаза, используя доведенные до виртуозности коварные приемы "восточной" хитрости. Первые в пробившиеся наружу проявления повсеместного государственного антисемитизма были как бы опровергнуты осуждением Михоэлсу, Зускину, художнику Александру Тышлеру и другим участникам постановочного коллектива Сталинской премии за спектакль "Фрейлехс" в Государственном еврейском театре: на этот яркий, праздничный, веселый и грустный мюзикл (как сказали бы мы сегодня) валом валили тысячи поклонников подлинного искусства. То, что премия была совершенно заслуженной, у кого не вызывало сомнения. Но она "проходила" совсем не по "ведомству" искусства, служа неотразимым гумментом против высказанных или невысказанных реков в раздувании антисемитизма или хотя бы потворования ему.

Между тем в кабинетах на Старой площади и в Лубянке шла своя работа: уж там-то хорошо понимал, что есть дымовая завеса, а что — суть, ею скрываемая. этому времени у Сталина, Маленкова, Жданова и Суслова скопилось множество “докладных записок” с грифом “совершенно секретно”: все они были одного содержания, в них сообщались “дополнительные факты” о нацистической, враждебной, шпионской деятельности Еврейского антифашистского комитета. Нет никакого сомнения: такой поток целенаправленной, лживой “информации” не мог идти в столь большие верха, если бы фальсификаторы не знали, что именно таких материалов от них ждут.

Сценарий, спешно сочинявшийся в это время “чекистами”, делал главными героями двух американцев еврейского происхождения, которые в США относились “крайне левым” и подозревались в связях с советскими секретными службами: журналистов Новика и Гольдберга. Новик был ветераном рабочего движения в США, 1921 года состоял в компартии, располагаясь на самопросоветском ее крыле, редактировал газету американских коммунистов-евреев “Морнинг фрайхайд”, где всегда печатались статьи, восторженно отзывавшиеся о “сталинской национальной политике”. Гольдберг был автором таких статей. Возвратившись из Советского Союза, он опубликовал не только в “Морнинг фрайхайд”, но и в других американских газетах левого направления репортажи, где использовал полученные им в Москве пропагандистские фальшивки для восхваления Сталина, советской “дружбы народов” и вообще всего того, что было принято называть “советским образом жизни”. Материалы были переданы через ЕАК, что очень скоро будет вменено в вину его руководителям, а сами материалы будут квалифицированы как шпионские.

Вот этих-то людей (напомню: подозревавшихся американской контрразведкой в связях с советскими спецслужбами) Лубянка представила Кремлю как агентов ЦРУ. Ей это было нужно, поскольку никаких других американских “эmissаров”, прибывших в Москву для контактов с ЕАК, попросту не было. Бессмысленно искать тут хоть какую-то логику. Новый вираж сталинской политики был чутко воспринят в том ведомстве, которое теперь возглавлял не Берия, а Абакумов, — и оно из подручных средств стало готовить материалы, явно рассчитанные на благосклонного читателя с неизменной трубкой в руке.

Еврейская тема выходит к тому времени на первый план в раздумьях первого человека страны. Уже через три недели после того, как Суслов и Александров призвал ближайших соратников нанести “удар по сионизму”, Г

еральная Ассамблея ООН приняла решение (29 ноября 1947 г.) о создании на землях Палестины ("подмандатная" территория Англии с 1920 года) государства Израиль. Никаких симпатий к этому будущему государству Сталин, онечно же, не испытывал, но держатель "мандата" Англия, теряя свои позиции, поддерживала тогда арабов, и же по одному этому Москва горячо приветствовала обетение евреями своей исторической родины. Иные из еятелей ЕАК приняли, кажется, это "приветствие" за чисую монету. Затевалась сложнейшая политическая интриа, где неспособные разобратся в кремлевских играх, держимые идеями, которые скоро обзовут "националитическими", активисты гибнущего комитета становились бреченными на заклятие жертвами. Они явно этого не онимали.

Готовить убийство, организованное не снизу, а сверху, олго не надо. И все же решение предшествует его исполению. Это значит, что убрать Михозлса Сталин задумал икак не позже декабря 1947 года. Не позже, но, скорее сего, и не раньше. Стратегия, родившаяся в сталинской олове после названного решения ООН, исключала приутствие в стране признанного лидера еврейского национального движения, пользовавшегося огромным авторитетом во всем мире. Казалось бы, никакой государственной фигурой он не был, на политику никак не влиял, о его личность, а значит, и мнение, а значит, и позиция, а начит, и слово — все это весило очень много. Он был ишним настолько же, насколько в другой период и о другим причинам был лишним Горький. Есть люди, неригодные для суда. Ни тайного, ни явного. И даже для асправы в тюремных подвалах. Лучше — помочь им йти...

Есть и другие подтверждения тому, что роковым месяцем стал именно декабрь сорок седьмого. 19 декабря по казанию министра госбезопасности Абакумова без санкции прокурора (хотя какой бы прокурор в ней тогда отказл? И действительно 8 января сорок восьмого года пролрор СССР Сафонов подмахнул ордер) был арестован эктор экономических наук, старший научный сотрудник нститута экономики АН СССР Исаак Гольдштейн. Что эслужило формальным поводом для этого ареста — уснновить невозможно, но "сверхзадача" очевидна — она една не только из целенаправленных вопросов следователей, но и из объяснений самого Гольдштейна, данных 2 стября 1953 года. Да, именно так: "родоначальник" гинтской мистерии, избранный на Лубянке в качестве перэй жертвы, которая увлечет за собой всех остальных, — ч остался жив, получив 29 октября 1949-го без суда (пос-

тановлением так называемого Особого совещания) 25 ле лагерей. Скорее всего, потому, что мог (так замышля лось) еще пригодиться.

Впрочем, мы забежали вперед. Протокол перво го (!) допроса Гольдштейна датирован девятым январ 1948 года, хотя справка, хранящаяся в деле, бесстрастн сообщает, что с 19 декабря 1947 года по 8 января 1948-г он вызывался на допрос 17 раз и "давал показания" в об щей сложности 69 часов. О том, как и какие он "давал пс казания", можно узнать из двух других документов: зак лючения военного прокурора подполковника юстици Жукова (1955 г.), на основании которого состоялась ре абилитация деятелей ЕАК, и письменных объяснений вы жившего и освобожденного из лагеря Гольдштейна с 2 октября 1953 года.

В заключении сказано: "После его (И.И.Гольдштей на. — А.В.) ареста следователь Сорокин и бывшие замест ители начальника следственной части по особо важным делам (МГБ СССР. — А.В.)... Лихачев и Комаров по указа нию Абакумова начали домогаться от Гольдштейна пока заний о якобы проводимой им шпионской и националист ической деятельности, несмотря на то, что никаки данных на этот счет в органах государственной безо пасности не было (разрядка моя. — А.В.). Гольдштейна подвергли избиениям, вынудили подписат сфабрикованный ими с участием работника секретариат Абакумова — Бровермана* протокол допроса, в которо (Гольдштейн. — А.В.) показал, что Лозовский, Фефег Маркиш и другие под прикрытием ЕАК занимаются как бы антисоветской националистической деятельностью. проводят шпионскую работу".

А вот что писал в своих объяснениях после освобожде ния сам Гольдштейн: "19 декабря 1947 года я был аресто ван в Москве, препровожден на Лубянку, а затем в след ственную тюрьму в Лефортово (значит, сразу не дал же лаемых палачам показаний и отправлен на "обработ ку". — А.В.). Меня стали жестоко и длительно избиват резиновой дубинкой по мягким частям и по голым пят кам. Били до того, что я ни стоять, ни сидеть не был в со стоянии... Сорокин и еще один полковник (сопоставля объяснения Гольдштейна с другими документами, сле

---

* Это имя встречается в различных материалах проверок, которы шли начиная с 1953 года множество раз. Броверман считался самым луч шим, если не единственным, грамотеем ведомства. Не участвуя лично ни допросах, ни в избиениях, он превращал безграмотную стрельню костоло мов и фальсификаторов в удобоваримое чтиво. Был затем арестован, предан суду вместе с Абакумовым, Леоновым, Лихачевым, Комаровым декабре 1954 года. На суде упоенно уличал других подсудимых, выгораживая себя. Приговорен к 25 годам лагерей, но вышел на свободу задолго д окончания срока. Потом следы его затерялись.

дует прийти к выводу, что это был Комаров! — А.В.) стали меня так сильно избивать, что у меня на несколько недель лицо страшно распухло, и я в течение нескольких месяцев стал плохо слышать... Меня заставили расписаться под этим протоколом... Всего меня избивали 8 раз, требуя все новых и новых признаний. Измученный следовавшими за собой (так в тексте. — А.В.) дневными и ночными допросами, терроризируемый избиениями, руганью и угрозами, я впал в глубокое отчаяние, в полный моральный маразм, стал оговаривать себя и других лиц в тяжчайших преступлениях”.

Следователь Георгий Сорокин подтвердил это заявление Гольдштейна. В ходе проверки ему предложили написать свои объяснения. Вот что сказано в них (датировано третьим января 1954 г.): “Указание Абакумова о применении к Гольдштейну мер воздействия Комаров выполнял в тот же вечер при моем участии... Прочитав протокол допроса, Абакумов мне говорил, что я плохо допросил Гольдштейна, неумело составил протокол допроса, а поэтому он должен быть поправлен Броверманом, который кем-то из заместителей начальника следственной части... в моем присутствии подверг “обработке” этот протокол, который пошел в Инстанцию...”

Что называлось “Инстанцией” (писалось это слово обычно с большой буквы), мы знаем. Сопоставив даты, нетрудно понять, как складывалась и развивалась цепочка событий. Михозэlsa убрали, но решения, как поступить с АБ и его руководителями, все еще не было. Тому было две причины: “внутренняя” и “внешняя”. И никто не знает, какая из них была важнее. Впрочем, обе они были настолько тесно переплетены, что делить их на более или менее важную вряд ли возможно.

Сказав, что экономист И.И.Гольдштейн был первой жертвой Лубянки в ее чудовищном заговоре против целого народа, я сознательно допустил на время одну неточность, следуя за канвой, которую набросали разоблачители этого заговора (Главная военная прокуратура) в 1953—1955 годах. (Отметим попутно, что прокуратура была, конечно, лишь исполнителем: “авторы” потайных разоблачений находились на Старой площади.) На самом деле первыми жертвами были другие, но и после смерти Сталина это не “афишировалось” даже в секретных документах. Теперь нам предстоит слить воедино как оно и было в действительности) два вроде бы параллельных и не соединенных друг с другом потока.

Еще за девять дней до того, как был схвачен Гольдштейн, МГБ арестовало родственницу жены Сталина — Л.С.Аллилуеву — Евгению Александровну Аллилуеву.

Она была замужем за погибшим при загадочных обстоятельствах братом Надежды Сергеевны Павлом. Именно ее, наверное, и следует считать первой жертвой, хотя к деятельности ЕАК она никакого отношения не имела и никто об этой деятельности ее не допрашивал. Ей вменялось в вину, что "на протяжении ряда лет у себя на квартире устраивала антисоветские сборища, на которых распространяла гнусную клевету в отношении главы советского правительства" (то есть своего дальнего родственника Иосифа Виссарионовича Сталина). Те же обвинения были предъявлены ее второму мужу Николаю Молочникову* и дочери Кире Павловне Аллилуевой, артистке Малого театра, арестованной 6 января 1948 года. Те же — сестре Надежды Сергеевны Анне Сергеевне Аллилуевой члену Союза писателей СССР (арестована 30 января 1948 года). В том же обвинили их приятельницу — Лидию Александровну Шатуновскую, выпускницу ГИТИСа, ученицу Мейерхольда, театроведа**, и ее второго мужа, профессора физики Леонида Тумермана, арестованных 2 декабря 1947 года. Все эти подробности, а тем более даты чрезвычайно важны для того, чтобы следить за развитием событий.

Но какое отношение аресты семьи Аллилуевых и их друзей имеют к теме этого очерка? О том, как Сталин "любил" родственников своей жены, хорошо известно. Достаточно подробно описана и история уничтожения мужа Анны Сергеевны — Станислава Реденса, казненного еще в 1938 году (интересующихся отсылаю к книге Светланы Аллилуевой "Двадцать писем к другу"). Патологическое стремление Сталина вырубить под корень эту семью не было секретом ни для Берии, ни для Абакумова, ни для остальных столпов тайной полиции. Теперь было решено связать в один узел разрозненные "факты", сочинив немислимый сюжет и создав такую драматургию, на которую были горазды только лубянские мастера:

Л.А.Шатуновская была хорошо знакома с Михоэлсом

* Хотя инженер Н.Молочников и был арестован, Е.А.Аллилуева из доспросов на следствии поняла, что он являлся агентом МГБ, в течение многих лет снабжавшим "органы" информацией о жизни ненавистного Сталина "клана" Аллилуевых. После реабилитации и освобождения она с ним разошлась.

** Л.А.Шатуновская в молодости жила в семье старого большевика члена ЦИК и заместителя председателя Верховного суда СССР Петра Крисикова. Близость к этой семье и брак с умершим еще в 1932 году высокопоставленным советским хозяйственником позволили ей поселиться в Думе на набережной, где она познакомилась и подружилась со многими представителями партийной, государственной, военной элиты. После освобождения из лагеря жила и работала в Москве. В семидесятые годы вместе с мужем эмигрировала в Израиль. В 1982 году издательство "Чилидизе паббликейшн" (Нью-Йорк) выпустило книгу ее мемуаров "Жизнь в Кремле".

помогала ему в литературной работе, они часто встречались. В "докладной записке", пошедшей с Лубянки в Кремль, сообщалось, что именно через нее поступают к Михоэлсу, а оттуда в ЕАК и дальше — американским шпионам, некие сведения о "главе советского правительства" (даже документы с грифом "совершенно секретно" не допускали упоминания всуе имени божества) — разумеется, злостно клеветнические: какие другие еще могли бы интересовать иностранных шпионов? Это была "любимая мозоль" вождя, его "пунктик", который можно было использовать со стопроцентной гарантией на успех. Напомним: еще за несколько лет до описываемых событий первую любовь юной Светланы Аллилуевой — кинодраматурга Алексея Каплера — обвинили в том, что по заданию английской разведки он пытался проникнуть в "монаршую" семью, дабы раскрыть какие-то секреты вождя народов и предать их врагу...

Итак, сюжет номер один выстраивался следующим образом: презренные наймиты международного сионизма во главе с Михоэлсом, засевшие в ЕАК, получают "клеветнические сведения" о сокровенных тайнах великого Сталина через посредство Шатуновской от членов семьи Аллилуевых, которые вознамерились отомстить ему за гибель Надежды, Павла, Станислава и других родственников, эти "клеветнические сведения" руководители ЕАК передают американским шпионам, а уж что те делают или собираются с ними делать, одному Богу известно... Видно, этот личный мотив, задевший Сталина за живое, сыграл решающую роль в том, как стремительно и жестоко стали вскоре развиваться события.

Стремительно — да, и все же не сразу. Уже в начале января 1948 года, не дожидаясь, пока Броверман оформит как следует протокол, "инстанцию" уведомили: арестованный Гольдштейн "вынужден признать, что еще в 1946 году его знакомый Гринберг Захар Григорьевич (работник аппарата президиума ЕАК. — А.В.) сообщил ему, что еврейский антифашистский комитет проводит антисоветскую националистическую работу, что возглавляет всю эту работу Михоэлс, который завязал широкие связи с еврейскими буржуазными националистами в США и пользуется полной поддержкой у американских сионистов".

"Возглавляет Михоэлс..." Ему оставалось "возглавить всю эту работу" еще несколько дней...

Если вчитываться в документы и сопоставлять даты, то педует прийти к выводу, что убийство Михоэлса на время притормозило уже заготовленный по сценарию обвал. Ждали дальнейших указаний сверху, а их все не было. Грандиозные похороны, устроенные Михоэлсу, не

укладывались в схему, по которой он тут же мог быть объявлен американским шпионом и сионистским агентом. Распространенная версия, будто Михозлсу отводилась первоначально роль жертвы сионизма, а не его агента, находит косвенное, но убедительное подтверждение доступных нам материалах. Допросы уже арестованных "заговорщиков", относящиеся к февралю — маю 1948 года, не содержат упоминания о какой-либо контрреволюционной деятельности убитого артиста. Его имя вообще исчезает из протоколов в каком бы то ни было контексте: позитивном, негативном, даже нейтральном. Зато оно упоминается в иных официальных документах: имя его присваивается ГОСЕТу (Государственном еврейскому театру), еврейской театральной студии, а Москве устраиваются два грандиозных вечера его памяти о которых аршинными буквами извещают расклеенные по всему городу афиши. Я был на обоих. Помню выступления Ильи Эренбурга, Ивана Козловского, генерал-лейтенанта, писателя Алексея Игнатьева, Сергея Образцова, Александра Таирова... Свою поэму о Михозлсе читал Перец Маркиш, стихи — Ицик Фефер, Лев Квитко и другие — все те, на кого уже лежали в лубянских сейфах распухшие от лживых доносов и выбитых показаний досье...

Уточним: разгром ЕАК и еврейской советской культуры был на время приторможен, но это вовсе не значит, что запланированные Лубянкой акции прекратились. 2 января 1948 года был арестован заведующий отделом фотинформации Совинформбюро Григорий Соркин. Его обвинили в шпионаже, причем опять среди "источников шпionской информации" на первом месте стояли ЕАК. Учреждение, где он работал: Совинформбюро. Снаряд ложились уже совсем рядом с Лозовским: этот последний орган именно он и возглавлял.

Вот что рассказывал Соркин в мае 1954 года, пробыв в неволе шесть лет из отмеренных ему двадцати пяти: "... 24 января по 22 февраля 1948 года, будучи в Лефортовской тюрьме, я ежедневно подвергался избиениям резиновой палкой, причем удары наносились по всему телу, но больше всего на область ягодиц, в результате чего на ягодицах образовались кровоточащие раны, заживление которых продолжалось более 4 месяцев". Спустя шесть лет медицинская экспертиза обнаружила "рубцы звездчатой формы" — результат "травматического повреждения тупым предметом". Чего хотели от Соркина истязатели? Сам он их интересовал меньше всего. Они требовали подтвердить, что "Лозовский, Маркиш и другие деятели ЕАК продались американцам и сионистам". Михозлс уже был убит и погребен — имя его среди "продавшихся" не упоминается. Но когда возникнет необходимость выстави

публично "еаковцев" как изменников и шпионов, "доказательства" искать не придется: Михозлс вполне мог быть отнесен к числу "других"...

Как уже сказано, были определенные внешние причины, которые оттягивали принятие Сталиным какого-либо решения, и это продлеvalo агонию ЕАК. Да и только ли ЕАК? Ведь его судьба автоматически влекла за собой решение тысяч судеб. Может быть, сотен тысяч. А может, и больше...

Близился день формального провозглашения государства Израиль. Ставка на его руководителей как на силу, противостоящую английским интересам, желание вытеснить Британию из региона и овладеть определенными позициями на Ближнем Востоке — все это казалось тогда в Москве отнюдь не прожектерством. Затевать, пусть даже без барабанного боя, широкомасштабную антисемитскую кампанию было решительно не с руки. Поэтому команды развернуть наступление не было. Но не было и отбоя.

Официальное провозглашение государства Израиль состоялось 14 мая 1948 года. Немедленно состоялось и явно заготовленное заранее официальное признание "новорожденного" Советским Союзом, сопровождаемое поставкой оружия для отражения атаки арабских государств, выступивших против возрожденного государства. Кажется, США успели сделать это (объявить о признании де-юре) на несколько часов раньше, но официальные представители СССР упорно твердили, что первым государством, признавшим Израиль, был именно Советский Союз. Ни в большой политике, ни в дипломатической практике такое первенство не имеет никакого значения. Десятки государств неизбежно оказываются вторыми, третьими, двадцать третьими, и это ничуть не умаляет их достоинств и не делает их отношения с признанной на день, на неделю или даже на месяц позже страной менее прочными. Зачем же Сталину было нужно так настаивать на "золотой медали", принадлежащей только ему? Даже Вышинский, выступая в те дни на проходившем с большой помпой вполне деловом обсуждении макета учебника по теории государства и права, вдруг совсем "не на тему" сообщил: "Мы первыми, именно первыми, признали государство Израиль". Он не сомневался: аудитория — сотни юристов — разнесет по стране не только его сообщение, но и ту восторженную интонацию, с которой оно было преподнесено.

Эта акция преследовала тоже двойную цель. О стремлении заполнить вакуум, образовавшийся после вытеснения англичан из Палестины, уже говорилось. Очень многие руководители нового государства были выходцами из

России, Украины, Белоруссии, из районов, так или иначе относившихся к территории тогдашней советской империи. Не столько ностальгия и сентиментальность, сколько трезвый расчет (ведь в СССР оставалось несколько миллионов потенциальных граждан нового государства) побуждали, казалось, израильских руководителей ответить подобающим образом на демонстративный сталинский жест. Но в Израиле вели себя более осторожно. Американцев, с которыми лидеры Израиля были в теснейшей связи, отнюдь не устраивало проникновение сталинского влияния на Ближний Восток. Англия срочно приспособилась к новой политической реальности. В объятия к Сталину никто не спешил бросаться.

Вторая цель состояла в том, чтобы нейтрализовать уже проникшие в общество слухи о меняющемся курсе в национальной политике. Слухи подкреплялись фактами: получить работу и жилье, поступить в институт лицам с неприемлемыми анкетными данными становилось все труднее. Теперь вроде бы эти слухи и тревожные настроения лишались почвы. Психологическое и политическое алиби на случай грядущих событий (аресты, ссылки, пропагандистская кампания и т.д.) казалось обеспеченным.

3 сентября 1948 года в Москву с первой дипломатической миссией прилетела Голда Меир (в советской печати сообщалось о прибытии Голды Меирсон). Вскоре она посетила московскую синагогу: праздновался еврейский Новый год. Присутствующих было много, толпа запердила маленькую улицу, на которой помещалась (и сейчас помещается) синагога. Израильскому послу устроили очень теплую встречу. Впоследствии, распространяясь через вторые, третьи и пятые руки, молва превратила празднование Нового года на тихой московской улице в "гигантское шествие по улице Горького, когда в честь Голды Меир было перекрыто на несколько часов движение в центре Москвы" (так написала, откликнувшись на один мой газетный очерк, москвичка И.П.Позднякова).

Центр не перекрывали, но необычное для советских нравов уличное торжество с участием иностранного посла дало возможность ведомству Абакумова подтолкнуть Сталина к принятию нужного Лубянке решения. Ведь во Внутренней тюрьме и в Лефортове уже сидели "заговорщики", все материалы были готовы, торможение связывало "выбивал" по рукам и ногам.

Сталин принял решение. Поворот политики по отношению к Израилю отразила опубликованная 21 сентября 1948 года в "Правде" статья Ильи Эренбурга "По поводу одного письма". Статья написана в форме ответа на письмо некоего Александра Р., "немецкого еврея из Мюнхена". То, что письмо сочинено, или, как теперь принято го-

ворить, "смоделировано", не подлежит ни малейшему сомнению. Как не подлежит сомнению и то, что Эренбург выполнял прямой сталинский заказ: произошла перемена политики по отношению к Израилю, и об этом надлежало уведомить мир.

"Я хочу узнать, как относятся в Советском Союзе к государству Израиль? — вопрошал автор "письма". — Можно ли видеть в нем разрешение так называемого "еврейского вопроса"? Бездарная прямолинейность вопроса, чисто советская фразеология (чего стоит это "так называемого"!) слишком очевидно выдавали заданность публикации: может быть, Эренбург намеренно постарался дать знать Западу, что исполняет верховную волю?

"Советское правительство первым (! — *А.В.*) признало новое государство, — напоминает Эренбург, — энергично протестовало против агрессоров, и, когда армии Израиля отстаивали свою землю от арабских легионов, которыми командовали английские (! — *А.В.*) офицеры, все симпатии советских людей (так уж и все? — *А.В.*) были на стороне обиженных, а не на стороне обидчиков". Сталинский голос слышится и в тех пассажах, где прославленный писатель назойливо пишет об "атаках английских наемников", о "вторжении англо-арабских полчищ" и "англо-американского капитала".

Но целью публикации был, конечно, ответ на второй вопрос, содержащийся в "письме": "...Разрешение "еврейского вопроса", — разъяснял Эренбург своему корреспонденту, — зависит... от победы социализма над капитализмом... Все советские евреи, — продолжал он, — считают советскую страну своей родиной, и все они горды тем, что они граждане той страны, где нет больше эксплуатации человека человеком... Граждане социалистического общества смотрят на людей любой буржуазной страны, в том числе и на людей государства Израиль, как на путников, еще не выбравшихся из темного леса. Гражданина социалистического общества никогда не сможет прельстить судьба людей, влачащих ярмо капиталистической эксплуатации".

Поразительное косноязычие и примитивные пропагандистские штампы не имели ничего общего с блестящим публицистическим пером Ильи Эренбурга. Сердца и рука оказались в непримиримом конфликте. Но Сталину под такой статьей было нужно его имя. Уже зрели грандиозные и кошмарные планы — именно поэтому вождь счел необходимым напомнить устами Эренбурга, что не кто иной, как Сталин заявил еще в 1931 году: "Антисемитизм как крайняя форма расового шовинизма является наиболее опасным пережитком каннибализма".

Отметим: статья появилась ровно через три недели

после прибытия в Москву первого израильского посла. Эйфорию, рожденную в некоторых кругах этим событием, следовало немедленно погасить. Но приезд этот сам по себе, конечно, не мог быть причиной крутых поворотов в политике. И тогда, в разгар драматических событий, и многие годы спустя, когда к ним возвращаются как те, кто их пережил, так и те, кто их изучает, большое, едва ли не судьбоносное значение придавалось и придается отдельным фактам, которые предстают как причина последовавших за ними арестов, высылки, всевозможных гонений. На самом деле перемены в сталинской политике были обусловлены значительно более глубокими причинами, нежели те, что кочуют из книги в книгу. Едва ли не все мемуаристы и, увы, даже историки придают чуть ли не роковое значение той встрече, которая произошла между Голдой Меир и Полиной Жемчужиной, женой Молотова. Встреча эта состоялась на приеме, который Молотов как министр иностранных дел устроил для дипкорпуса по случаю тридцать первой годовщины Октябрьской революции.

Следует напомнить, что Жемчужина была не просто женой Молотова, но и человеком, известным в партийных и государственных кругах. Не только женой второго лица в государстве, а еще и человеком со своей биографией. Была наркомом рыбной промышленности, возглавляла трест "Жиркость" (знаменитое в тридцатых годах "ТэЖэ", то есть ведомство государственной парфюмерии), входила в состав ЦК партии. Но главное — была близкой (а возможно, и единственной) подругой Надежды Сергеевны Аллилуевой, последней, кто видел ее живой и с кем она поделилась своими переживаниями буквально за несколько минут до своего трагического конца. Уже одно это делало ее неизбежной жертвой сталинской мести. Жемчужину неоднократно "критиковали" (то есть попросту травили), изгоняли с занимаемых ею постов, в феврале 1941 года, на 18-й партийной конференции, вывели из ЦК за какие-то "провалы в работе". Но до тех пор, пока Молотов был "самым верным и самым близким соратником великого Сталина", до "крайних мер" дело не доходило.

В "Автобиографии" Голды Меир, написанной многие годы спустя, рассказано о том, как на приеме Жемчужина сама подошла к ней и сказала, что очень рада этой встрече. Не преминула добавить, что говорит на идиш, выразила желание познакомиться с дочерьми посла, расспрашивала об израильских кибуцах... "Мы беседовали довольно долго, — пишет Г. Меир. — На прощание Полина Жемчужина сказала: "Если у вас все пойдет хорошо, то хорошо будет и всем евреям в мире".

Кто знает, испросила ли она разрешение министра иностранных дел на эту беседу? Проинформировала ли мужа-министра о ее содержании хотя бы потом? Но то, что каждое слово их длительной беседы тут же стало достоянием "органов", в этом нет никакого сомнения. "После разговора с нами, — заключает Г. Меир, — Полина Молотова была арестована". После — да. Но только ли из-за этого? Возможно, секретная информация "лично" вождю послужила последней каплей. Прочитав информацию, Сталин сказал своему любимцу, уже переставшему быть таковым: "Тебе надо разойтись с женой". Как свидетельствует доверенное лицо Вячеслава Михайловича поэт Феликс Чуев, Полина Семеновна отреагировала в стиле партийной этики: "Если это нужно для партии, мы разойдемся". Развод оформили без проволочек: это было в конце 1948-го. А в феврале 49-го Жемчужину арестовали.

Этому предшествовала унизительная процедура "обсуждения личного дела" на заседании политбюро с участием "партийного актива". Среди приглашенных был и Александр Фадеев. Писатель Марк Колосов воспроизводит в своих воспоминаниях рассказ Валерии Герасимовой, первой жены Фадеева: "Жемчужину обвиняли политически — вражеская подрывная работа. К этому прибавили и ужасающую грязь. Схема такая: она, мол, сожительствовала со своим секретарем (молодой человек), он был агентом, ставленником капиталистического государства, кажется, Америки". Пользуясь близостью с Молотовым, Жемчужина выведывала и передавала государственные тайны врагам нашей страны".

Член политбюро Молотов участвовал в обсуждении персонального дела жены, слушал весь этот оскорбительный вздор и (раз нужно для партии!) проголосовал вместе со всеми за ее исключение "из рядов". Почти за восемь

---

* Этот эпизод требует уточнения. Секретарем Жемчужиной — в ту пору начальника главного управления текстильно-галантерейной промышленности Министерства легкой промышленности СССР — был не мужчина, а женщина (Мельник-Соколинская): ее арестовали вместе с шефом. Обе категорически отказались признать себя виновными, в шпионаже, хотя никуда не могли уйти от бесспорного факта — пропажи секретных документов, что представляло собой самостоятельный состав преступления. Нет сомнения в том, что эти документы были похищены абакумовскими сотрудниками. Однако Сталину было нужно обвинить Жемчужину не в потере бдительности, а в том, что она продалась сионистам: удар не только по ней, но и по "самому близкому соратнику". Чтобы сломить ее волю, явно не без указания вождя, абакумовцы выбрали из двух арестованных сотрудников министерства "признание", что они участвовали в "групповом сексе" с пожилой большевичкой. Так что, скорее всего, не партийная дисциплина, а это дикое оскорбление парализовало ее волю к сопротивлению. Поэтому вряд ли "адюльтер" обсуждался при рассмотрении персонального дела коммуниста Жемчужиной: оно предшествовало аресту и следствию, и этого эпизода тогда еще не существовало.

лет до этого, когда Полину Семеновну изгоняли из ЦК, он осмелился воздержаться!..

К тому времени на Лубянке уже был сочинен сценарий, который отвечал двум важнейшим условиям: он не просто учитывал патологическую мнительность вождя, но и давил на самую-самую болевую точку (трагическая гибель жены, взаимоотношения с родом Аллилуевых и близкими к ним людьми); он был необычайно прост, предельно доступен для восприятия и, главное, отличался известной логичностью, если считать логикой умение подогнать друг к другу сочиненные большим воображением "факты". Убогая примитивность этого сценария и была его главным достоинством. Построен он был на одной ведущей "теме": для того чтобы выведать (зачем?) тайны личной жизни товарища Сталина, использовали через посредство международного сионизма еврейских жен видных советских деятелей или тех из евреев, кто каким-то образом еще уцелел на крупных постах.

Эта схема оказалась настолько правдоподобной, что сразу же встретила понимание. Маховик стал раскручиваться с неслыханной быстротой. Арестовали Брониславу Соломоновну Поскребышеву — жену одного из ближайших к Сталину людей, Александра Поскребышева. Арестовали Эсфирь Хрулеву, в девичестве Горелик, жену генерала армии Андрея Хрулева, который в годы войны был командующим тылом и сыграл важнейшую роль в обеспечении победы. Арестовали генерал-майора авиации Георгия Угера, заместителя председателя Комитета по радарной технике, который возглавлял Маленков. Арестовали члена-корреспондента Академии наук СССР, известного экономиста Ревекку Левину. Список этот можно продолжить.

Каждому можно было "вменить" какую угодно измену, особенно двум последним (выдавали врагу военные тайны или секреты советской экономики). Но им вменили все то же: информирование сионистов, а через них — американских спецслужб о личной жизни неназванного по имени главы советского правительства. Оказалось, что все они, если и не прямо, то через чье-то посредство, "имеют выход" на членов семьи Аллилуевых: генерал Угер волею обстоятельств, рассказ о которых увел бы нас слишком в сторону, жил в одной квартире с Евгенией Аллилуевой; под началом Левиной в Институте экономики Академии наук работал упомянутый выше Исаак Гольдштейн, который знал Е.Аллилуеву по работе в Берлине еще в двадцатые годы; Хрулева познакомилась с ней в эвакуации во время войны. И так далее и так далее. Все оказались повязанными единой цепочкой. А ниточка от

нее через Лидию Шатуновскую вела к Михозлсу. И от него — ко всему ЕАК в полном составе...

Лишь одна "недостойная" жена (впрочем, может быть, и не одна, ведь подобных списков не существует) счастливо избежала общей участи, хотя и была — через посредство членов ЕАК — "связана с мировым сионизмом": Роза Пересыпкина, жена маршала войск связи Ивана Пересыпкина. Именно в их загородном доме на Николиной горе, среди знаменитых генералов встречали Новый, сорок девятый год их друзья Перец и Эстер Маркиши. За несколько дней до этого были арестованы поэт Ицик Фефер (в своей квартире) и артист, ставший после гибели Михозлса художественным руководителем Еврейского театра, Вениамин Зускин (в больничной палате). С начала января аресты пошли лавиной — по несколько человек ежедневно. Не только в Москве, но и в Киеве, Одессе, Минске... Одного из кандидатов в арестанты, русского поэта Михаила Голодного (Эпштейна), песни которого о красном командире Щорсе и матросе Железняке пользовались тогда огромной популярностью, постигла участь Михозлса: среди бела дня его задавило автомашиной на московской улице. Остальные попали на Лубянку в январе — феврале сорок девятого. 26 января взяли "главного" — Соломона Лозовского. Имя Михозлса замелькало во всех протоколах: "враг народа", "американский шпион", "агент сионизма"...

Тот факт, что к этому времени наверху уже было принято не какое-то частное решение, относящееся к одному "делу", пусть и масштабному, а разработан план сталинского (видоизмененного гитлеровского) решения "еврейского вопроса", подтверждается начавшейся одновременно с массовыми арестами шумной пропагандистской кампанией против так называемого "безродного космополитизма". Ей дала ход редакционная статья "Правды" под названием "Об одной антипартийной группе театральных критиков". Статья была опубликована 2 февраля 1949 года — сразу же вслед за арестом Маркиша, Бергельсона, Квитко. Никто не знает — и вряд ли узнает, — почему Сталину пришла в голову мысль начать именно с театральных критиков. А почему под конец жизни он стал вдруг теоретиком языкознания? В любом случае и театральные критики, и языковеды служили лишь поводом для "обобщений", для далеко идущих выводов с самыми крутыми последствиями. Критики оказались подходящей мишенью, ибо среди них было действительно много людей определенной (или, как тогда говорили, соответствующей) национальности. Если критик писал под псевдонимом, сообщалась в скобках его подлинная фамилия,

чтобы ни у кого не осталось ни малейших сомнений, о ком и о чем идет речь.

Это была тщательно продуманная и хорошо организованная психологическая обработка населения перед грядущими катаклизмами, которые предначертал обезумевший диктатор. Ее не просто охотно, а с наслаждением осуществляли бездари и графоманы, обрадованные возможностью свести счеты со своими "гонителями" и опьяненные открывавшейся перед ними перспективой. Чтобы не повторять хорошо известное (об этом уже немало написано), процитирую полностью лишь одно сочинение — ответ на клич, прозвучавший со страниц сталинской "Правды". Лучше всяких пересказов оно введет нас в атмосферу, которая царила тогда на "культурном фронте".

Речь идет о поэме Сергея Васильева "Без кого на Руси жить хорошо". Она была публично прочитана автором на одном из собраний в Союзе писателей и подготовлена к печати в журнале "Крокодил". Однако публикация была отложена по внешнеполитическим причинам до того момента, когда начнутся события, о которых будет сказано ниже. Но "крокодильская" верстка чудом уцелела. Она сохранилась у мужественного борца за национальное равноправие писателя Григория Свирского, который опубликовал ее в практически недоступной нашему читателю книге "Заложники", изданной крохотным тиражом в Париже в 1974 году. Оттуда я ее и заимствовал.

В каком году — рассчитывай,
в какой Земле — угадывай,
на столбовой дороженьке
советской нашей критики
сошлись и заслословили
двенадцать злобных лбов.
Двенадцать кровно связанных,
Нахальницкой губернии,
уезда Клеветничьего,
Пустобезродной волости,
из смежных деревень:
Бестыжева, Облыжева,
Дубинкина, Корзинкина,
Недоученка тож.
Сошлись — и заспорили:
где лучше приспособиться,
чтоб легче было пакостить,
сподручней клеветать?
Куда пойти с оравом
всей дружною оравом —
в кино, в театр, в поэзию
иль в прозу напрямик?
Кому доверить первенство,
чтоб мог он всем командовать,
кому заглавным быть?

Один сказал: — Юзовскому!
— А может, Борщаговскому? —
второй его подсек.
— А может, Плотке-Данину? —
сказали Хольцман с Блейманом.
— Он, правда, молод, Данин-то,
но в темном деле — хват!
Субоцкий тут натужился
и молвил, в землю глядячи:
— Ни Данину, ни Левину,
ни Якову Варшавскому
я первенства не дам!
Хочу я сам командовать
такою шайкой-лейкою,
хочу быть главным сам!
— Ужо, куда отважился! —
вскричал Малюгин яростно, —
Не быть тебе начальником,
ни в жизнь не допущу!
— А ты молчал бы, выронок! —
Малюгину вдруг Трауберг,
как ножик под ребро.
— Уж лучше Бояджиева
иль Оттена бывалого
заглавным посадить!
Нашелся, тоже, выскочка,
ублюдок, прости господи,
тьфу, пакость, драмодел!
Космополит, он смолоду
как старый бык: втемяшится
в башку какая блажь,
колом ее оттудова
не выбьешь: упираются,
всяк на своем стоит!
Такой скандал затеяли,
что думают прохожие,
советские читатели:
чай, клад космополитики
тут делят меж собой?
Идут и чертыхаются,
цитатами бодаются,
что дале, то сильней.
За спором не заметили,
как село солнце красное,
как дверь гостеприимная
открылась в ВТО,
как в "Литгазете", в "Знамени"
и в "Новом мире" в сумерках
заснули сторожа.
— Давай сюда! — с оглядкою
друг другу шепчут странники, —
скорей, скорей сюда!
Кто на чердак ударился,
по дымоходу снизился,
кто в дырочку, кто в щелочку,

кто по трубе — в окно.
Кто по верху вскарабкался,
кто внутрь прорвался по низу,
кто проскользнул ужом.
— Потом! — решили странники, —
потом старшего выберем,
не время тут артачиться,
кто будет главным значиться,
доспорим опосля!

Как порешили странники,
охальники-бездомники,
так сей же час и сделали:
один проник в кино,
один на шею прозы сел,
другой прижал поэзию,
а остальные спрятались
в хоромах ВТО.
И зачали, и почали
чинить дела по-своему,
по-своему, по-вражьему,
народа супротив.
Юродствовать, юзовствовать,
лукавить-ненавистничать,
врагам заморским на руку,
друзьям Руси назло.
У каждого начальника
по пять лихих сподручников,
по восемь заместителей,
по десять холуев.
Один бежит за водкою,
второй мчит за селедкой,
а третий, как ужаленный,
летит за чесноком.
За дегтем двое посланы,
за сажей трое выгнаны,
а четверо с ведерками —
за серной кислотой.
Зачем нам проза ясная?
Зачем стихи понятные?
Зачем нам пьесы новые,
спектакли злободневные
на тему о труде?
— Подай Луи Селина нам,
подай нам Джойса, Киплинга,
подай сюда Ахматову,
подай Пастернака!
Поменьше смысла здорового,
а больше от лукавого,
взамен двух тонн свежатины —
сто пять пудов тухлятины
и столько же гнильцы.
Один удар по Пырьеву,
другой удар по Сурову,
два раза по Недогонову,

щелчок по Кумачу.
Бомбежка по Софронову,
долбежка по Ажаеву,
по Грибачеву очередь,
по Бубеннову залп!
по Казьмину, Захарову,
по Семушкину Тихону,
пристрелка по Вирте.
Статьи строчат погромные,
проводят сходки темные,
зловредные, отравные
рецензии пекут.
Жиреют припеваючи,
друг другом не нахвалятся:
— Вот это мы! Молодчики!
Какие гонорарищи
друг другу выдаем!
Спешат во тьме с рогатками,
с дубинками, с закладками,
с трезубцами, с трегубцами
в науку, в философию,
на радио и в живопись,
и в технику, и в спорт.
Гуревич за Сутыриным,
Бернштейн за Финкельштейном,
Черняк за Гоффенштефером,
Б.Кедров за Селектором,
М.Гельфанд за Б.Руниным,
за Хольцманом — Мунблит.
Такой бедлам устроили,
так нагло распоясались,
вольготно этак зажили,
что зарвались вконец.
Плюясь, кичась, юродствуя,
открыто издеваясь
над Пушкиным самим,
за гвалтом, за бесстыдной,
позорной, вредоносной,
мышинюй возней
иуды-зубоскальники
в горячке не заметили,
как взял их крепко за ухо
своей рукой могучею
советский наш народ!
Взял за ухо, за шиворот,
за руки загребушие,
за бельма завидушие —
да гневом осветил!

В каком году — рассчитывай,
в какой земле — угадывай,
на столбовой дороженьке
советской нашей критики
вдруг сделалось светло.
Вдруг легче задышалось,
вдруг радостней запелось,

вдруг пуще захотелось
 работать во весь дух,
 работать по-хорошему,
 по-русски, по-стахановски,
 по-пушкински, по-репински,
 по-ленински, по-сталински,
 без усталости, с огнем.
 Писать, душою радуясь,
 творить, сил не жалеючи, —
 и все во имя Родины,
 во имя близкой, завтрашней
 зари коммунистической,
 во имя правды утренней,
 во имя красоты.

Эта "поэма", которая ни в коем случае не должна окататься в забвении, несколько опередила время, что свидетельствует не столько о тонком авторском предчувствии, сколько о хорошей осведомленности поэта. К моменту создания светло еще не сделалось, наступила лишь пора чуть забрезжившего рассвета, что и побудило отложить публикацию до лучших времен, когда мажорный финал этого бессмертного творения окажется в полном соответствии с реалиями жизни. Пока же за плотными засовами лубянского кабинета и тюрем шла спешная подготовка.

Листая повергающие в отчаяние, страшные архивные дела, я тщетно пытаюсь понять хоть какую-то закономерность, хоть какую-то логику, по которой одних готовили большому процессу и растянули "следствие" на три года, а других — с теми же формулировками, с теми же "связями", словом, все один к одному — без каких-либо проволочек отправляли в Военную коллегия или "пускали" через Особое совещание (заочная "тройка") чаще всего, пускали в расход. Чаще всего, но не всегда.

Лозовский, Маркиш, Фефер и другие еще оставались под следствием, ждали суда и приговора, а за "связь" с ними — "изменниками", "шпионами", "предателями" прочее (именно эти формулировки содержатся в документах) были отправлены в лагеря или прямо на тот сводный десяток людей. Вот всего лишь несколько примеров: Наум Левин, главный редактор ЕАК, приговорен к расстрелу 22 ноября 1950 года как "один из активных участников еврейского националистического подполья (?! — А.В. в СССР... Вместе с врагами советской власти Михозлсон Фефером и другими сообщниками, под прикрытием ЕАК проводил шпионскую и националистическую работу (что это значит? — А.В.) против Советского государства. Арестованный 18 января 1949 года писатель Самуил Персиков расстрелян 23 ноября 1950-го (на следующий ден

после вынесения приговора) "за связь с Лозовским, Михозлсом и Фефером". С той же формулировкой поэт и драматург Самуил Галкин 25 января 1950 года получил от Особого совещания всего-навсего десять лет. Другой писатель — Самуил Гордон (в наивной надежде укрыться от бури он устроился было бухгалтером Измайловского парка культуры и отдыха имени товарища Сталина, но славные ученики этого "товарища" отловили его и там) — за "передачу шпионских сведений (не о работе ли аттракционов в парке культуры? — А.В.) Феферу и Бергельсону" 21 июля 1951 года получил "в подарок" от Особого совещания пятнадцать лет лагерей. В тот же день, что Н.Левин и С.Персов, осуждена к расстрелу "за преступную связь с Фефером, Квитко и Галкиным" журналистка Мариам Айзенштадт (Железнова), а двумя днями позже — к 25 годам лагерей заместитель начальника отдела Управления по награждениям и присвоению воинских званий Министерства вооруженных сил СССР Арон Токарь — "за связь с М.С.Айзенштадт (Железновой), а через нее с врагами народа Фефером и Квитко..." Но суд над теми, кто назван врагами народа, состоялся лишь два года спустя. Кто, однако, принимал тогда в расчет эти юридические "формальности"? По свидетельству Лидии Шатуновской, полковник Владимир Комаров так ей прямо и сказал на допросе: "Вот вы, умная женщина, а политики наших органов не понимаете. Вы говорите о том, что вы только подследственная, но еще не осужденная. Поймите, что для нас этого различия не существует. Все виновны".

По двадцать лет лагерей получили Л.Шатуновская и ее муж Л.Тумерман, соответственно десять и пять — Евгения и Анна Аллилуевы*, а "следствие по делу ЕАК" все продолжалось. Формальным его началом считается арест 28 декабря 1947 года сотрудника комитета Захара Гринберга, имя которого после зверских попыток назвал И.Гольдштейн. В июне 1953-го, когда произошел крутой поворот и садист Комаров сам оказался в тюрьме, он собственноручно дал такие показания: "...Абакумов... заявил,

* А.С.Аллилуева была арестована 30 января 1948 года и осуждена Особым совещанием уже 29 мая того же года — в тот же день, что и ее сестра Е.С.Аллилуева. Когда до истечения определенного ей срока оставался всего месяц, 27 декабря 1952 года то же Особое совещание без всякой мотивировки по чьему-то (легко догадаться!) указанию увеличило Анне Сергеевне срок вдвое — до десяти лет — "за распространение клеветнических измышлений о Главе Советского Правительства". Пожалуй, эти три пышные заглавные буквы в "судебном" документе говорят сами за себя. Что касается дочери Евгении Сергеевны, Киры Павловны, то и она была осуждена в тот же день на 5 лет ссылки, которую отбывала в Ивановской области. Ей вменено "снабжение информацией о личной жизни семьи лиц, заботавших в американском посольстве". Все они реабилитированы в 1954 году с поразительной формулировкой: "по указанию правительственной инстанции".

что... Гольдштейн интересовался личной жизнью руководителя Советского правительства и его семьи не по собственной инициативе и что за его спиной стоит иностранная разведка. Никаких материалов на этот счет у нас не было, тем не менее Гольдштейна стали допрашивать в этом направлении. Вначале он не признавал такого обвинения, но, после того как по указанию Абакумова его побрили, Гольдштейн дал показания... Абакумов заявил, что показания Гольдштейна он держать не может и обязан с них доложить в инстанцию... В результате непроверенных показаний Гольдштейна, полученных в результате его избияния, был арестован Гринберг, показания которого послужили началом известному делу Еврейского антифашистского комитета".

З.Г.Гринберг подвергся сначала не пыткам, а лживому шантажу. Коллега Комарова по преступному ремеслу полковник Лихачев пообещал ему немедленное освобождение за нужные показания. Их он вскоре получил, но выполнять свое обещание, разумеется, не собирался. "Следователи" просто-напросто перестали с Гринбергом встречаться. Он взывал к Лихачеву умоляющими и очень сдержанными письмами. "Четыре месяца тому назад, — писал он Лихачеву 19 апреля 1949 года, — Вы официально объявили мне, что дело мое прекращено и что я должен быть скоро освобожден, но, к сожалению, вышло не так. Шестнадцать месяцев я в заключении, а сил все меньше и меньше..." 22 декабря 1949 года, так и не дождавшись и обещанного освобождения, ни приговора, Гринберг умер от инфаркта во Внутренней тюрьме.

Не дождался приговора и другой арестант, обвиненный в преступной связи с неосужденными еще "шпионами": известный литературовед, профессор Исаак Нусинов, которого четыремя годами раньше Николай Тихонов обозвал в газете "беспачпортным бродягой" — только за то, что в своей книге о Пушкине тот посмел утверждать что у русского национального гения были предшественники на Западе. 31 октября 1950 года тюремные врачи констатировали его смерть "от паралича сердца". Но тот факт, что это произошло в Лефортове, позволял усомниться в правильности диагноза. И верно: архивные материалы (с грифом "совершенно секретно") содержат справку о результатах вскрытия. (Поразительно, что та кокое имело место. Обычно это запрещалось, так как неизбежно выдавало истинные причины смерти.) Там сказано, что И.М.Нусинов умер "от опухоли твердой мозговой оболочки головного мозга". Не надо быть специалистом, чтобы понять: профессора били палкой по голове.

Внимательно вчитываясь в архивные материалы и со-

поставляя даты, приходишь к выводу: как бы ни были сфальсифицированы содержащиеся там документы, они все же проливают некоторый свет на тайны кремлевского двора. Так называемое "следствие" по делу ЕАК было закончено уже к концу марта 1950 года (например, в деле подследственного номер один Соломона Лозовского есть даже точная дата: оно закончено 24 марта).

До сих пор мы неизбежно рассматривали дело ЕАК, или, если точнее, дела его руководителей, членов, сотрудников и всех, кто попал в орбиту внимания вездесущей Лубянки, как бы сами по себе, вне связи с тем, что происходило в Кремле. Для каждого, кто причастен к тому или иному делу, это закономерно. Но вождь мыслил шире и глубже. Все эти мелкие, ничтожные даже для его орлиного взора дела виделись им в контексте общего грандиозного замысла, постепенно зревшего в его воспаленном мозгу.

Патологическая мнительность Отца Народов повелевала ему повсюду видеть заговоры и интриги. Дело явно шло к новым грандиозным политическим процессам, где первую скрипку должен был играть попавший в опалу Молотов. Не случайно же ставший ему известным невиннейший факт — предоставление Молотову отдельного вагона при командировке в США для поездки из Нью-Йорка в Вашингтон — вызвал болезненную реакцию Сталина, укрепив его еще больше в своих подозрениях. Возможно, американцы сделали это, чтобы проявить внимание к посланцу Москвы, где, как им было отлично известно, вожди не ездят с простолюдинами в общем вагоне. Возможно, так им легче было прослушивать разговоры гостя с его командой. Но уж, во всяком случае, это никак не означало, что Молотов продался ЦРУ: вряд ли хоть одна разведка мира станет столь дешевым способом разоблачать своих агентов. Сталин же, получив соответствующую информацию, раздул ее в грандиозное дело. Он специальной шифровкой запросил заседавшего в ООН Вышинского, действительно ли такой факт имел место. И, получив подтверждение, сделал выводы. На будущей скамье подсудимых места рядом с Молотовым должны были занять Микоян и Ворошилов, а может быть, кто-то еще. Отстраненный от руководства МГБ, Берия чувствовал себя весьма неуверенно. Хорошо все это знавший Абакулов блистательно играл на слабых струнках вождя. Имея в своем "активе" деятелей такого размаха, как Лозовский и руководители ЕАК, не следовало в новых условиях так скоропалительно и так неразумно расставаться с ними. Законченное было следствие возобновилось. Причина: "дополнительно получены материалы о

вражеской деятельности Лозовского и других арестованных”.

Ничего еще получено не было. Но могли они “получить” все, что угодно. Все, что потребует партия в лице Вождя и Учителя.

По моим подсчетам, в расследовании дела ЕАК прямое, непосредственное участие приняли как минимум 30 человек, но я абсолютно убежден, что их было гораздо больше. Мне хочется назвать их всех, хотя большого практического значения это не имеет, поскольку (не ради меня причине, их имена и даже инициалы ни в одном документе не проставлялись, что весьма затрудняет идентификацию большинства из них. Все же перечислю (в тех случаях, когда они мне известны, указываю имена): старший лейтенант Стругов, капитаны Демин, Жирухин, Марчуков, Меркулов, Ошкадеров, Родин, Смелов, Хребтати майоры Бурдин, Василий Зайцев, Лисицкий, Метеленко Погребной, подполковники Артемов, Алексей Герасимов Павел Гришаев, Каждан, Коняхин, Кузьмишин, Иван Лебедев, Макаров, Носов, Путинцев, Анатолий Рассыпнинский, Смоляков, Евгений Цветаев, Швец, Шишков, полковники Комаров, Лихачев, Романов, Рюмин, Сорокин, Холев, генерал-майоры Лернов и Питовранов, а также начальник секретариата Особого совещания при МВД СССР Иванов и офицер Жигалов, чье воинское звание мне установить не удалось. Повторяю, их наверняка было гораздо больше, я выписал лишь те фамилии, которые содер­ жатся в доступных мне архивных документах.

Возглавлял следственную бригаду помощник начальника следственной части по особо важным делам подполковник госбезопасности Павел Иванович Гришаев. Он был самым юным из той удалой команды: ему исполнилось тогда всего тридцать лет. Карьеру, на которую иные требовались годы и годы, он одолел буквально одним прыжком.

Что же все-таки притормозило расправу с “группой Лозовского? Почему громкое дело, запланированное в середине пятидесятого года, отодвинулось на двадцать четыре месяца и оказалось совсем не громким? Страшным, трагическим, но не публичным, а тайным...

Причин много. Выделим три из них. Сначала о первой.

Внимание Лубянки, но, главное, самого Сталина целиком переключилось на более грандиозное и куда больше пугавшее Хозяина так называемое “ленинградское дело”. В июле сорок девятого был арестован Яков Калус

тин*, в августе Алексей Кузнецов**, Петр Лазутин***, Петр Попков****, Михаил Родионов*****, Николай Соловьев*****, в сентябре — Николай Вознесенский***** и другие партийные деятели высокого ранга. Раздувавшийся Абакумовым "кремлевский заговор" приковал к себе куда большее внимание вождя, чем происки каких-то сионистов, устремивших свой взор на Крым. С аллилуевцами расправились поодиночке, а злополучный ЕАК ждал своей очереди. Имена большинства следователей, занимавшихся его деятелями, мы найдем в протоколах "ленинградского дела": их перебросили на более важный объект.

В сентябре-октябре 1950 года, когда состоялись один за другим два главных процесса по этому делу, можно было вернуться к ЕАКовцам (и новое движение следствия, действительно, началось), но тут возникла скандальная интрига на самых-самых лубяньских верхах, которая не только снова переключила внимание вождя, но и вызвала необходимость спешно менять сценарий.

Пока метастазы дела ЕАК вяло расплзались во все стороны, ожидая, когда следователи, наконец, освободятся и снова дружно примутся за работу, в орбиту внимания Лубянки по доносам ее сексотов попал "активный еврейский националист", профессор 2-го московского медицинского института Яков Этингер. Поскольку напрямую с ЕАК профессор никак связан не был, ни о чем, кроме "антисоветских разговоров", да притом в узком кругу, в доносах не говорилось, арест сразу же не со-

* Яков Федорович Капустин — второй секретарь Ленинградского горкома партии. С его ареста началось все "дело". Абакумов доложил Сталину, что Капустин английский шпион. В тридцатые годы он стажировался в Англии как начинающий инженер и уже тогда, по возвращении, обинялся в шпионаже, но чудом спасся.

** Алексей Александрович Кузнецов — секретарь ЦК КПСС. Во время блокады один из организаторов защиты города. По упорно распространявшимся слухам, намечался Сталиным в его "наследники" по партийной линии.

*** Петр Григорьевич Лазутин — председатель исполкома Ленсовета.

**** Петр Сергеевич Попков — первый секретарь ленинградских обкома и горкома партии, член президиума Верховного Совета СССР. Как и А.А. Кузнецов, один из организаторов обороны города во время ленинградской блокады.

***** Михаил Иванович Родионов — председатель Совета Министров СФСР.

***** Николай Васильевич Соловьев — в момент ареста первый секретарь Крымского обкома партии. В 1938—1946 гг. председатель Ленинградского облисполкома, руководитель всего снабжения блокированного Ленинграда.

***** Николай Алексеевич Вознесенский — член политбюро ЦК, первый заместитель председателя Совета Министров СССР и председатель осплане СССР. Академик. Предположительный (по слухам) преемник Сталина на посту главы правительства.

стоялся. Профессора взяли только в ноябре 1950 год Абакумов сам его допрашивал, но не разглядел возможности раздуть из малой искры большое пламя. Этингер по традиционной схеме (поскольку ни в каких злодеяниях он не признался) перевели в Лефортовскую тюрьму для "обработки", где он и умер от острой сердечной недостаточности.

Эта, весьма ординарная с точки зрения нравов и практики Лубянки, история была ловко использована чекистом среднего уровня — старшим следователем по особо важным делам Михаилом Рюминым, который отважился, казалось бы, невыносимый авантюрный поступок: в личном письме Сталину он бросил вызов своему всевышнему министру, утверждая, что тот потворствует террористам, вознамерившимся убить дорогого Иосифа Виссарионовича и его ближайших соратников. И что, в частности, именно этим объясняется внезапная смерть профессора Этингера, который слишком много знал о совершаемых и готовящихся убийствах, а потому и был фактически ликвидирован опасавшимся каких-то разоблачений Абакумовым.

Есть разные версии по поводу того, явился ли этот документ, действительно, единоличным актом безумца, действовавшим по принципу "или пан, или пропасть". Не исключено, что было именно так, но, возможно, за Рюминым стояли какие-то силы, которые умело направляли его руку, играя на непомерном его честолюбии. К тому времени в Кремле уже всюду шла отчаянная борьба за власть как раз между самыми ближайшими соратниками Берия — яростный ненавистник Абакумова — был отстранен от контроля за МГБ, необходимость пробиться к этому ключевому посту толкала на спешные и решительные ходы. Но мы не будем касаться сейчас этой самостоятельной и серьезнейшей темы, ибо она неизбежно уведет нас далеко в сторону. Здесь важно отметить, что и в Кремле, и на Лубянке произошли события, которые не могли не отразиться на ходе следствия по делу ЕАК. Уж хотя бы потому, что дело "зачинал" Абакумов, который вдруг превратился в арестанта, в государственного преступника. По невыясненным со сколько-нибудь надежной достоверностью причинам письмо Рюмина, минуя все преграды, попало к Сталину. (Это более, чем странно! Если его не передал из рук в руки тот, кто был вхождением прямо к Хозяину, оно должно было пройти через такой фильтр, как личный секретарь Сталина Александр Поскребышев, который сам был чекистом. Получается, что он действовал на руку Берии, зная желание Хозяина отдалить Берию от Лубянки. В итоге сам же и пострадал, изгнанный за верную службу и подвергшийся ре

прессиям.) Вслед за Абакумовым были арестованы его заместители Николай Селивановский и Евгений Питовранов, а также главные творцы дела ЕАК — Леонов, Комаров, Лихачев, Шварцман, причем последнему вменялось в вину то же самое, что он вменял своим недавним "клиентам": национализм, сионизм, вражеская деятельность и прочее — весь джентльменский набор.

Совершенно ясно, что в этой обстановке задуманное геперешними арестантами дело ЕАК не могло не претерпеть каких-то изменений. Безраздельным хозяином следствия стал Рюмин, совершивший кратковременный, но молниеносный и феерический карьерный скачок. Он стал генералом, возглавил следственную часть по особо важным делам, а потом занял и кресло заместителя министра госбезопасности. Теперь дело начинает нести следы эго личного, и притом весьма яркого, творческого присутствия.

Такова вторая причина задержки, из которой естественно вытекает третья, может быть, самая главная.

Стало очевидным, что ни история с Крымом, ни передача безвестным американцам каких-то якобы секретных бумаг, ни даже сбор сведений о личной жизни вождя, — все эти обвинения не могли впечатлить массу. Впечатлить настолько, чтобы вызвать всенародную ярость и стать основой для "окончательного решения" все никак не решавшегося "еврейского вопроса". Такие, весьма стандартные и, в условиях эмоциональной инфляции, уже не возбуждавшие никого, обвинения не могли помочь реализации задуманного замысла.

Почва в стране уже была подготовлена, не хватало острейшего и безотказно действующего сюжета, который без всяких усилий смог бы ошеломить и приватить патриотов к таким действиям, по сравнению с которыми всемирно известная "хрустальная ночь" в гитлеровской Германии тридцать восьмого года показалась бы детской забавой. Такой сюжет Рюмин нашел: рачи-убийцы. Его детищем, его голубой мечтой стало именно это "дело". Публичное, а не тайное — за закрытыми дверями. Дело ЕАК становилось прологом к тому, самому Главному. Первым актом двухактной кровавой трагедии.

Первый состоялся. Второй не наступил: вмешалась южья Воля.

Суду были преданы пятнадцать человек. Список возглавлял Соломон Лозовский. За ним следовали писатели Ицик Фефер, Лев Квитко, Перец Маркиш, Давид Бергельор, Давид Гофштейн, академик Лина Штерн, врач Борис

Шимелиович, актер Вениамин Зускин, историк Иосиф Юзефович, журналист Леон Тальми, сотрудники ЕАК — редакторы и переводчики — Илья Ватенберг, Чайка Ватенберг-Островская и Эмилия Теумин. Пятнадцатый обвиняемый, заместитель министра госконтроля РСФСР Соломон Брегман перед началом процесса тяжело заболел и вскоре умер естественной смертью, если, конечно смерть в застенке после пыток и унижений можно назвать естественной.

Дело слушала военная коллегия Верховного суда СССР под председательством генерал-лейтенанта юстиции Чепцова. С ним вместе заседали военные судьи генерал-майоры юстиции Дмитриев и Зарянов. Ни прокурора, ни адвокатов не было: пресловутый сталинский закон от 1 декабря 1934 года продолжал действовать. Заседания происходили в основном все на той же Лубянке — в чекистском клубе имени Дзержинского, в присутствии следователей и других сотрудников "органов". Процесс проходил с 8 мая по 18 июля 1952 года, хотя в приговоре, по совершенно непонятным причинам, указано, будто он длился всего неделю — с 11 по 18 июля. Кому и зачем была нужна еще и эта ложь в "совершенно секретном" документе? О том, как проходил процесс, что делалось за кулисами, кто какую роль играл, — о себе не скажу ни слова. Просто приведу в отрывках текст письма генерала Чепцова на имя министра обороны СССР маршала Жукова, которое написано им в связи с разбирательством дела о партийной ответственности всех повинных в фальсификациях (поэтому автор письма указал не государственный, а партийный пост Жукова).

ЧЛЕНУ ПРЕЗИДИУМА ЦК КПСС

товарищу ЖУКОВУ Г.К.

По Вашему предложению сообщаю об обстоятельствах расследования и судебного рассмотрения дела по обвинению ЛОЗОВСКОГО С.А. и других.

...По указанию руководства Верховного суда СССР дело это рассматривалось в судебном заседании под моим председательством вместе с двумя другими членами суда в течение длительного времени — с 8 мая по 18 июля 1952 года, т.е. более двух месяцев, и вызвано это было не только большим объемом дела, но и тем, что в ходе судебного процесса у нас, у судей, появилось много сомнений правдоподобности предъявленных ЛОЗОВСКОМУ и другим обвинений.

Следует показать, что в то время у Верховного суда СССР не было специального помещения, где бы можно было проводить судебные процессы, и мы были вынуждены слушать это дело в зале клуба МГБ СССР, где, как после выяснилось, бывший замминистра МГБ СССР Рюмин не только не помогал объективно разобраться с делом, но и мешал и неоднократно угрожал мне за желание тщательно разобраться с делом.

...В первые же дни процесса у состава суда возникли сразу сомнения в полноте и объективности расследования дела.

До начала судебного следствия ряд осужденных заявили ходатайства о приобщении документов, опровергающих их обвинение, в чем им при расследовании дела было отказано.

На первый вопрос суда — признают ли они себя виновными — 5 из 15 обвиняемых стали отрицать свою вину полностью, ссылаясь на то, что их показания на следствии были неправильные и даны ими вынужденно, под физическим воздействием со стороны следователей. Остальные подсудимые признавали вину либо полностью, либо частично.

В то время как все подсудимые признавали отдельные факты проявления национализма в своих литературных работах и в деятельности ЕАК, подсудимый ФЕФЕР упорно на протяжении многих дней изобличал всех подсудимых в антисоветской деятельности, в том числе и ЛОЗОВСКОГО, как организатора и руководителя этой преступной организации. Однако под влиянием перекрестного допроса на суде ФЕФЕР стал давать путаные, не внушающие доверия показания.

После длительного и тщательного исследования на суде материалов дела в целях установления объективной истины я решил устроить отдельные закрытые допросы подсудимых, свидетелей и экспертов вне стен МГБ СССР, в одной из комнат Военной коллегии. Это было необходимо сделать и потому, что бывший замминистра МГБ СССР Рюмин был заинтересован в исходе дела и мешал объективному его рассмотрению. По поведению отдельных подсудимых можно было предполагать, что следователи в перерывах влияют на них. Рюмин установил подслушивание судей в их совещательной комнате. На ряд недоуменных наших вопросов к нему по поводу следствия он и его помощники явно говорили нам неправду.

На закрытом отдельном допросе, спустя месяц после начала процесса, подсудимый ФЕФЕР заявил суду, что он

с 1944 года являлся негласным сотрудником МГБ СССР*, что после ареста и угроз избиением подписывал все протоколы допросов, изготовленные следователями, и что перед судебным процессом был предупрежден следователем о необходимости подтверждать свои показания на суде. В дальнейшем в ходе процесса он стал подтверждать лишь отдельные факты националистических проявлений со стороны своей и др. подсудимых в их литературной деятельности и в работе их в ЕАК.

Аналогичные показания дал и подсудимый ЮЗЕФОВИЧ, который являлся секретным сотрудником МГБ с 1938 года.

...На предварительном следствии ФЕФЕР утверждал, что при поездке его и МИХОЭЛСА в 1943 году в США они по заданию ЛОЗОВСКОГО и ЕАК вошли в связь с некоторыми американскими капиталистами, договорились с ними о материальной помощи в проведении националистической деятельности в СССР и передали им шпионские сведения.

Однако на суде он это стал отрицать и заявил, что все встречи их в США с американцами контролировались работниками посольства СССР, назвал их фамилии, однако на следствии никто из них не был допрошен.

Все это выяснилось к концу судебного процесса. Ясно, что выносить приговор по этому делу при таких непроверенных и сомнительных материалах было нельзя.

В ходе длительного судебного следствия я часто в перерывах заходил к бывшему министру МГБ СССР т. Игнатьеву, которого информировал о том, что происходит на процессе, ибо я ему верил как партийному работнику, как и сейчас верю в то, что он был и есть честный партийный работник. Я ему говорил, что есть факты фальсификации со стороны Рюмина и его следователей и что Рюмин обманывает его. Рюмина же эти мои действия озлобляли. Я лишь после смерти т. Сталина из объяснений т. Игнатьева, данных им ЦК КПСС по делу врачей, узнал, что Рюмин пользовался полным доверием т. Сталина, который в то же время т. Игнатьеву не доверял. Этим я только объясняю, что т. Игнатьев не мог меня тогда поддержать по делу ЕАК, а может быть, в этом сказалась его неопытность в работе МГБ.

Прервав процесс в начале июля 1952 года, я обратился

---

* По инициативе А.А.Чепцова военная коллегия произвела проверку и установила, что это заявление соответствует действительности. И.Фефер действовал под псевдонимом "Зорин" и выполнял задания своих хозяев не только до, но и во время процесса. Он слишком поздно понял, что обманут и что его ждет та же участь, как и тех, на кого он "стучал". Фефер отважился наконец на правдивый рассказ перед судьями, но участь его была предreshена.

к бывшему Генеральному прокурору т. Сафонову с просьбой совместно со мной пойти в ЦК КПСС и доложить о необходимости возвращения дела на исследование. Однако он от этого отказался, заявив мне: "У тебя есть указание политбюро ЦК, и выполняй его". Не поддержал меня и бывший Председатель Верховного суда СССР т. Волин. Тогда я обратился по телефону к бывшему Председателю КПК при ЦК КПСС Шкирятову, который сам вел следствие по делу ЛОЗОВСКОГО и др., но он, узнав от меня, что я хочу ставить вопрос о возвращении дела на исследование, заявил мне, что он убежден в виновности ЛОЗОВСКОГО и др., отказался меня принять и рекомендовал обратиться к секретарям ЦК.

Я тогда, как и многие, верил ему, как совести нашей партии, и не мог предполагать, что он был двурушником.

После этого я информировал т. Шверника Н.М., бывшего тогда Председателем Президиума Верховного Совета СССР, и получил от него совет обратиться с этим вопросом к секретарю ЦК Маленкову. Я позвонил по телефону Маленкову и просил его принять и выслушать меня. Узнав от меня, что я хочу с ним говорить о возвращении дела ЛОЗОВСКОГО и др. на исследование, он мне сказал, что подумает и, возможно, вызовет.

До встречи с Маленковым я о положении с этим делом подробно проинформировал бывшего заведующего административным отделом ЦК КПСС т. Громова Г.П., который одобрил мою позицию по делу и также рекомендовал обратиться к Маленкову. В этот период времени я был вызван к бывшему секретарю ЦК КПСС т. Пономаренко для переговоров относительно возможного моего возвращения на работу в аппарат ЦК КПСС, где я работал до перехода моего на службу в прокуратуру, а затем в конце 1948 года в Военную коллегияю.

Я тогда подробно доложил т. Пономаренко о моих сомнениях по делу ЛОЗОВСКОГО в присутствии т. Громова и его заместителя т. Егорова и получил тот же совет — обратиться к Маленкову.

Через несколько дней я был вызван к Маленкову, который помимо меня вызвал также к себе Рюмина и т. Игнатьева.

Я полагал, что Маленков меня поддержит и согласится с моими доводами о возвращении дела на исследование для тщательной проверки всех материалов обвинения. Однако этого не случилось. Он, видимо, больше верил подобным проходимцам, пролезшим в МГБ СССР, как Рюмин. Выслушав мои доводы о возвращении дела на исследование, изложенные выше, он дал слово Рюмину, который стал меня обвинять в либерализме к врагам народа, в том, что я намеренно тяну рассмотрение дела

свыше двух месяцев и тем самым ориентировал подсудимых на отказ от показаний, данных ими на следствии, обвинял в клевете на органы МГБ СССР и отрицал применение физических мер воздействия к ЛОЗОВСКОМУ и др. Я вновь заявил, что Рюмин творит беззаконие, однако Маленков, задав мне несколько вопросов о работе Военной коллегии, заявил буквально следующее: "Что же вы хотите нас на колени поставить перед этими преступниками, ведь приговор по этому делу апробирован народом, этим делом политбюро ЦК занималось три раза, выполняйте решение ПБ". Я был тогда обескуражен таким ответом. Ведь Маленкова тогда мы знали как ближайшего помощника т. Сталина, верили ему, не допускали мысли, чтобы он был недостойным руководителем партии, каким он предстал перед нами после разоблачения его фракционной деятельности против нашей партии.

Я тогда, предполагая, что он до приема меня докладывал этот вопрос т. Сталину, чему у меня некоторое подтверждение есть, заявил Маленкову, что я передам его указание судьям; что мы, как члены партии, исполнили свой долг, доложил в ЦК свои сомнения по делу, выполним указание политбюро с убеждением, что у политбюро ЦК по этому делу есть особые соображения.

После беседы с Маленковым в здании ЦК меня догнал Рюмин и, обругав меня площадной бранью, угрожал мне расправой. Как установлено следствием по делу Рюмина, он в августе и сентябре 1952 года начал готовить материалы на меня.

Выполнив указание Маленкова и осудив ЛОЗОВСКОГО и других к тем мерам наказания, которые нам были указаны, я, вопреки настояниям Рюмина о немедленном приведении приговора в исполнение, предоставил всем осужденным право на подачу просьб о помиловании с тем, чтобы помимо обсуждения в Президиуме Верховного Совета СССР этих просьб, в которых все подсудимые категорически отрицали свою вину, вопрос этот еще раз был бы предметом обсуждения в политбюро ЦК, так как тогда существовал порядок, по которому решения Президиума Верховного Совета СССР о помиловании осужденных к смертной казни утверждались политбюро ЦК КПСС. Кроме того, на имя т. Сталина после вынесения приговора мною было направлено заявление ЛОЗОВСКОГО, в котором он полностью отрицал свою виновность. Однако никаких указаний не поступило, и приговор был приведен в исполнение.

Считаю, что я принял все зависящие от меня меры к законному разрешению этого дела, но меня в тот момент абсолютно никто не поддержал и мы, судьи, тогда, как

члены партии, вынуждены были подчиниться категорическому указанию бывшего секретаря ЦК Маленкова.

ЧЛЕН КПСС С 1927 года — партбилет № 04521575
15.08.1957 (А.ЧЕПЦОВ)

Казнь свершилась 12 августа 1952 года. Аресту или высылке подверглись все близкие и дальние родственники осужденных — им даже не сообщили ни о самом процессе, ни о его результатах. У некоторых продолжали принимать передачи для своих арестованных мужей уже после того, как те были расстреляны.

Все внимание было переключено теперь на "дело врачей". В тюрьме уже находились самые выдающиеся медики страны, среди них брат Михоэлса — виднейший терапевт, генерал, профессор Меер Вовси. Причем отнюдь не только евреи: профессора Владимир Виноградов (личный врач Сталина), Борис Егоров, Николай Шерешевский и другие широко известные деятели медицинской науки и практики. Но все они, независимо от происхождения, считались агентами международного сионизма. Им вменялось в вину умерщвление Жданова и Щербакова, подготовка террористических актов против Сталина и его соратников.

Суд над Лозовским и другими проходил втайне, суду над врачами предстояло стать публичным, то есть сыграть роль, которая первоначально отводилась делу ЕАК. Ни об зрелище деятелей ЕАК, ни о вынесенном им приговоре нигде не сообщалось, о "злодеяниях" же врачей было сообщено заблаговременно, причем (случайно ли?) эта радостная весть пришла к советскому народу (и ко всему миру) точно в пятую годовщину (день в день!) убийства Михоэлса: 13 января 1953 года. Отвлекая внимание доверчивых простаков на Западе, через несколько дней после этого Сталин выдал Премию мира, носившую его имя, Алье Эренбургу. Меж тем газеты захлебывались от слухов в честь доктора Лидии Тимащук, награжденной орденом Ленина "за помощь в разоблачении врачей-бийц". Две кликушествовавшие дамы от журналистики, сочинившие оды новой героине, — Елена Кононенко и Ольга Чечеткина — обессмертили этим свои имена. Донос заурядной стукачки, утверждавшей, что Жданова умертвили лечащие врачи, поступил еще при Абакумове, который не придавал ему серьезного значения. Теперь это ставилось ему в вину. Вряд ли когда-нибудь мы знаем, была ли Тимащук подсуетившейся одиночкой, действовавшей на свой страх и риск, или выполняла все-то секретное поручение. Так или иначе, ее дерзкая акция пришлась ко двору.

Статья в "Правде" о "врачах-убийцах", давшая начал новому витку оголтелой антисемитской кампании, появилась после того, как схема будущих событий была уже полностью разработана и утверждена. Короткая, но массированная пропагандистская кампания завершается публичным процессом, где выносятся, разумеется, всем без исключения смертные приговоры. Казнь совершается на Красной площади. Разъяренная толпа намеревается вырвать несчастных у охраны, чтобы подвергнуть их суд Линча, но солдаты героически отбивают натиск толпы. Осужденных вешают на Лобном месте. Немедленно вслед за этим повсеместно начинаются еврейские погромы. На следующий день "Правда" печатает, а радио передает обращение знаменитостей еврейского происхождения к Сталину с просьбой спасти их соплеменников с справедливого народного гнева депортацией в безлюдные районы Дальнего Востока, где они должны будут искупать вину убийц и предателей. Сталин отечески соглашается удовлетворить эту просьбу.

Есть серьезные свидетельства тому, что идеологом депортации был доктор философских наук Дмитрий Чесноков, главный редактор журнала "Вопросы философии" который совершенно неожиданно в октябре 1952 года, на XIX съезде партии, стал членом президиума ЦК (то есть по старой и позднейшей терминологии, членом политбюро) и переместился в кресло главного редактора журнала "Коммунист", что в партийной иерархии считалось значительно более высоким постом. Скорее всего, бурным скачком своей карьеры он обязан именно этой истинно философской идее. К началу весны 1953 года, когда идея должна была воплотиться в жизнь, Чесноков успевает уже подготовить теоретический труд, где научно обосновывает с марксистско-ленинских позиций историческую неизбежность и справедливость принятых партией и лично товарищем Сталиным мер*.

Процесс намечался на март, но уже в феврале был наспех сколочен в районе Биробиджана тысячи непригодных даже для хлеба барачников (есть непроверенная версия, будто они были подготовлены еще раньше), запасные пути под Москвой забили товарными вагонами без нар, отделения милиции крупных городов срочно составлялись списки подлежащих депортации граждан, а дво-

---

* Пребывание философа на партийном Олимпе длилось недолго. Уже 6 марта 1953 года, на следующий день после смерти вождя, он был отлучен. Но карьера его продолжалась. Он побывал и первым секретарем Горьковского обкома, и председателем Государственного комитета радио и телевидению, и на других крупных постах. До самой смерти в 1973 году он так ни разу и не напомнил о самой блестящей из своих философских концепций.

других ученых, ничуть не менее знаменитых, — историк Исаак Минц и философ Марк Митин, оба академики, вкупе с журналистом Яковом Хавинсоном, который одно время возглавлял ТАСС и был известен под псевдонимом "Маринин"; составили текст того самого письма, на которое должен был великодушно откликнуться великий Сталин. Будущих "авторов" по заранее заготовленному списку вызывали в редакцию "Правды", в кабинет омерзительного Давида Заславского, ставший боевым штабом всей операции. Почти все согласилось письмо подписать (в том числе, как ни больно, Василий Гроссман), и ни одного, я думаю, нельзя упрекнуть за это. Но иные, однако же, отказались — под каким-то благовидным предлогом. Отказался генерал Яков Крейзер. Отказался певец Марк Рейзен. Отказался писатель Вениамин Каверин. Но главное — отказался Илья Эренбург. Главное — потому что он не просто отказался, а в тот же день написал Сталину письмо. Текст письма опубликован французским биографом И.Эренбурга Эвой Берар. Поскольку у нас о самом наличии такого письма и писалось, и говорилось, но текст его неизвестен, я вынужден, не имея оригинала, привести его в обратном переводе с французского.

"Дорогой Иосиф Виссарионович!

Ввиду исключительной важности проблемы, с которой я столкнулся и которую я не могу решить сам, позволяю себе побеспокоить Вас.

Товарищ Минц и товарищ Маринин ознакомили меня сегодня с текстом письма в "Правду" и предложили мне подписать его. Считаю своей обязанностью поделиться с Вами моими сомнениями и попросить Вашего совета.

Я полагаю, что единственным радикальным решением еврейской проблемы в нашем социалистическом государстве является ассимиляция и слияние людей еврейского происхождения с теми народами, среди которых они живут. Я боюсь, что коллективная инициатива, исходящая от некоторого числа представителей русско-советской культуры, которых не объединяет ничего, кроме их происхождения, рискует обострить националистические тенденции.

Меня очень беспокоит тот удар, который может быть нанесен этим "письмом в редакцию" по нашим усилиям углубить и расширить всемирное движение за мир. Каждый раз, когда меня спрашивали в разных комиссиях и на пресс-конференциях об исчезновении в Советском Союзе школ и газет на языке идиш, я неизменно отвечал, что "черта оседлости" полностью уничтожена после войны и что новые поколения советских граждан еврейского происхождения не желают быть изолированными от тех народов, среди которых они живут. Публикация письма,

подписанного учеными и композиторами еврейского происхождения, рискует оживить гнусную антисоветскую кампанию.

Для прогрессивных французов, итальянцев или англичан термин "еврей" означает не национальность, а исключительно религиозную принадлежность, и клеветники могут использовать это "письмо в редакцию" в своих подлых целях.

Вы понимаете, дорогой Иосиф Виссарионович, что не могу сам принять категорическое решение, и лишь по этому я осмеливаюсь писать Вам. Речь идет о важном политическом шаге, и поэтому я позволю себе просить Вас поручить кому-либо поставить меня в известность о Вашем отношении к моему отказу поставить подпись под этим документом. Если ответственные товарищи проинформируют меня о том, что публикация письма и моя подпись могут принести пользу защите Родины и Движению за мир, тогда я подпишу "письмо в редакцию".

Есть свидетельства, что "ответственными товарищами", которым Сталин поручил побеседовать с Эренбургом, были Маленков и Каганович. Но это не столь важно. Гораздо важнее то, что акция затормозилась. А может быть, и была отменена. Может быть, ибо мы не знаем точно, что было бы, если бы процесс все-таки состоялся. Он не состоялся: дорогой Иосиф Виссарионович скончался. Сам по себе или при помощи Лаврентия Павловича — за пределами этого очерка. Александр Яковлев в интервью, которое он дал французскому советологу Лили Марку, полагает, что письмо Эренбурга сыграло важную роль в принятом Сталиным решении. Значит, процесс врачей не состоялся бы? После поднятого шума это было бы невозможно. Провести его при закрытых дверях тоже было невозможно — по тем же причинам. Но публичный процесс неизбежно предполагал выводы. Каки ми бы они были?

Первой, естественно, вышла на волю Полина Жемжина — на второй день после похорон Сталина: Бери:

---

* Вряд ли И.Эренбург не знал, что профессиональные борцы за мир и штатные "прогрессивные деятели" Запада (не все, конечно, и многие) как поддерживали раньше любую акцию Кремля, так поддержали и на этот раз. В хорошо ему известной и горячо любимой Франции известные "левые" дружно запыли в унисон с советской печатью, приклинная врачей-убийц — агентов международного сионизма: Жорж Конь, Пьер Эрве, Максим Родинсон, Франсис Кремье, Анни Бесс, хорошо известная теперь как Анни Крижель. Но, даже зная все это, Эренбург "бил" точно, используя те единственные аргументы, которыми располагал и которые могли подействовать на его адресата.

лично вручил ее мужу в старом своем кабинете — он снова (на “сто дней”!) вернулся к рулю Лубянки.

4 апреля (со дня смерти тирана прошел лишь месяц) весь мир облетела новость: врачи ни в чем не виновны, их “признания” получены строжайше запрещенным законом путем. Называлось и имя “главного виновника” — Михаила Рюмина. Он к тому времени в МГБ уже не работал: быстро разочаровавшись в своем новом любимце, Сталин в ноябре 1952 года перевел его в Министерство госконтроля СССР старшим государственным контролером. Министром был человек Берия — Всеволод Меркулов. Не исключено, что Берия и подобрал ему место: чтобы контролер все время был под контролем.

Арестовал Рюмина уже 16 марта ныне широко известный полковник Хват, мучитель Николая Вавилова, а указание об аресте дали самые близкие Берии люди Богдан Кобулов и Павел Мешик, вместе с Берией казненные в конце того же года. Еще один ближайший сотрудник человека в пенсне — Лев Владзимирский (и он будет казнен вместе с Берией), занявший пост, недавно принадлежавший Рюмину (начальник следственной части по особо важным делам), теперь руководил следствием по его делу. Он и написал Берии рапорт (от 15 мая 1953 г.), красноречиво говорящий сам за себя: “...Рюмин на допросах ведет себя вызывающе, голословно отрицает свою виновность... Нахально отвергает правильность предъявленных ему фактов, избрал это методом поведения на следствии... Считаю необходимым (подписано вместе с полковником Соколовым) наказать Рюмина, поместив его в карцер Лефортовской тюрьмы”. Берия наложил резолюцию: “Согласен”, подтвердив тем самым, что перемен в его ведомстве нет и не предвидится.

Не знаю, карцер ли подействовал, пытки, или совесть заговорила, но в июле пятьдесят третьего Рюмин признал, что следствие по делу ЕАК “велось необъективно... показания арестованных в ряде случаев фальсифицированы...”

Я лично допрашивал арестованных Шимелиовича и Маркиша... Показания по наиболее важным вопросам, и в частности по шпионажу, а также относительно создания Еврейской республики в Крыму при корректировке (!! — 4.В.) были слишком усилены. При подписи протокола Шимелиович возражал против необъективных записей, однако я сумел уговорить его и только лишь в одном случае, где речь шла о создании Еврейской республики в Крыму, разрешил ему внести в текст протокола собственные исправления.

Через некоторое время после подписания этого протокола Шимелиович написал заявление о том, что от всех своих показаний он отказывается... Отказ от показаний протоколом допроса оформлен не был. Причем еще в тот период, когда дело Шимелиовича находилось в производстве другого следователя, то к арестованному применялись жестокие меры физического воздействия.

Должен признать, что в 1952 году, когда я уже являлся заместителем министра госбезопасности, многие арестованные по делу ЕАК на допросах делали попытку отказаться от своих показаний как от вымышленных, однако я запретил передопрашивать арестованных и записывать их отказ, заявив, чтобы следователи не подвергали ревизии показания, которые арестованные давали ранее.

...Когда суд пытался возратить это дело на доследование, я настаивал на том, чтобы был вынесен приговор по имеющимся в деле материалам... Я постоянно чувствовал и понимал, что рано или поздно за эти преступления следственным работникам, в том числе и мне, придется нести ответственность".

Дело Рюмина, сравнительно небольшое по объему и, судя по всему, расследовавшееся в ускоренном порядке, примечательно тем, что такие, поражающие своей откровенностью (впрочем, кто знает, как полученные) показания перемежаются однообразными рапортами следователей примерно такого содержания (цитирую рапорт следователя Кузайкина): "...Начиная с сентября 1953 года Рюмин ведет себя неискренне, шантажируя следователей своей якобы близостью к руководителям Советского государства, высказывает угрозы". Не прознал ли он, что арестовавшие его, допрашивавшие и даже загнавшие в карцер Лефортовской тюрьмы Берия, Кобулов, Мешик, Владзимирский и прочие сами уже под арестом и что опять, в который раз, все ошеломительно меняется, делая немислимо крутые повороты, суля надежду на перемену и в его судьбе.

Но этой надежды, конечно же, не было. Никакой. Новым временщикам он был совершенно не нужен. В июле 1954 года Рюмина предали суду. Его судили генерал-лейтенант юстиции Зейдин и генерал-майоры юстиции Степанов и Скульдин: эти имена или совсем не встречаются или встречаются крайне редко в делах, которые рассматривала Военная коллегия Верховного суда СССР периода "культы личности". За Рюминым тянулся длинный шлейф злодеяний — одно их перечисление увело бы нас далеко в сторону, каждая загубленная судьба, которая была на его совести (не было совести, значит, и на ней ничего не бы-

ло), заслуживает отдельного рассказа. Приведу лишь один документ, ибо он касается одного из героев этого очерка. Уже известный нам Павел Гришаев подтверждает 15 апреля 1953 года, что "вместе с Рюминым оформляя 19 октября 1951 года арест Райхмана", Эйтингона" и Шейнина, причем никаких материалов на них вообще не было. Рюмин тогда объяснил, что арест якобы производится по указанию главы Советского правительства, который, просматривая показания Шварцмана, принял такое решение". Увы, придется защитить и Рюмина, и Гришаева: все так и было не "якобы", а на самом деле — указание дал Сам...

Суд установил, что Рюмин лично истязал арестованных деятелей ЕАК, арестованных по делу врачей профессора Бусалова и профессора Василенко, используя не только металлические палки, но и каленое железо...

Смертный приговор, вынесенный 7 июля 1954 года, Рюмин обжаловать не мог, но подал ходатайство о помиловании, которое по заключению генерального прокурора СССР Романа Руденко было отклонено. 22 июля 1954 года Рюмина расстреляли. А жертвы его — те, что остались в живых, постепенно, не торопясь (сами-то они торопились, а юстиция не очень), возвращались домой: Вернулись Аллилуевы, вернулась из Джамбульской ссылки академик Лина Штерн, вернулись арестованные и сосланные родственники казненных по делу ЕАК. Даже получив разрешение вернуться, они все еще продолжали подвергаться унижениям и преследованиям. Им долго не сообщали о том, что же случилось с их мужьями, отцами, братьями, потом отказали в московской прописке, потребовав срочно покинуть столицу. Этому издевательствам

---

* Леонид Федорович Райхман — генерал-лейтенант КГБ. Имеет прямое касательство к Катынской трагедии, к темным сферам вокруг Нюрнбергского процесса и прочим операциям Лубянки. В пятидесятые годы дважды арестовывался и дважды освобождался. В книге "Сталинская секретная полиция", изданной в 1985 году, Роберт Конквест пишет, что Райхман расстрелян. Между тем он благополучно здравствовал в своей московской квартире до марта 1990 года, успешно занимаясь космологией. Беседовавший с ним журналист Владимир Абаринов характеризует его как "неординарную личность". В сороковые—пятидесятые годы был женат на народной артистке СССР, выдающейся балерине Ольге Лепешинской, которая сначала встречалась с ним по работе, а потом стала законной супругой. Арест Л.Ф. Райхмана прервал этот союз.

** Наум (Леонид) Александрович Эйтингон вошел в историю дважды как "генерал Котов", участвовавший в гражданской войне на испанской земле в качестве командующего партизанскими силами, которые действовали в тылу франкистских войск, и под собственным именем как руководитель операции по убийству Троцкого. Успех принес ему сначала ордена, в том числе орден Ленина, а потом тюрьму. Другие его псевдонимы: "товарищ Пабло" (в Испании), "генерал Леонов" (в Мексике), "Валерий Сахов" и "Лева" (во Франции).

пришел конец лишь после того, как состоялся долгожданный акт формальной реабилитации.

Прокуратура долго и тщательно проводила новую проверку, хотя абсурдность обвинений, возведенных на честных людей, была очевидна для любого непредубежденного человека. Лишь 22 ноября 1955 года состоялось заседание Военной коллегии, которое вел (случай едва ли не уникальный) сам председатель Верховного суда СССР А.А.Волин. Приговор 1952 года был отменен за отсутствием в действиях осужденных состава преступления.

На этом акте элементарной и запоздалой человеческой справедливости по-прежнему стоял гриф "совершенно секретно". Он остается на нем до сих пор.

Ярослав Голованов

СВЕТ И ТЕНИ ЛУННЫХ ДОРОГ*

Глава III.

Абстракция становится реальностью

Существовало три вполне реальных пути к Луне. Первый предполагал использование суперракеты "Нова", которая могла бы обеспечить прямой полет по маршруту Земля—Луна—Земля. Второй и третий основывались на более скромной и дешевой ракете "Сатурн-5". Во втором варианте от корабля, выведенного на орбиту искусственного спутника Земли, отделялась лунная кабина (модуль), которая летела к Луне, садилась на нее, взлетала, возвращалась на земную орбиту и соединялась с основным кораблем. В третьем варианте основной корабль летел к Луне вместе с модулем и ждал его возвращения на орбите спутника Луны.

Надо сказать, что в течение всех лет работы над "Аполлоном" в печати время от времени появлялись сообщения и о других, чаще всего "сенсационных" вариантах. Например, буквально на следующий день после знаменитой речи Кеннеди Вернер фон Браун заявил, что благодаря "совершенно новому подходу" к конструированию мощной ракеты-носителя можно вывести на орбиту вокруг Луны экипаж из нескольких человек примерно на два года раньше, чем предусматривалось планами президента, а если этот "новый подход" разработать еще детальнее, то он, Браун, сможет "доставить на Луну даже паровоз, если кто-нибудь этого пожелает". Правда, потом о "новом подходе" и паровозе на Луне почему-то больше не вспоминали.

Летом 1962 года корреспондент агентства Рейтер передал из Нью-Йорка другую "новость" о проектировании 10-местного космического корабля для полета на Луну.

Подобные примеры можно множить, но не они иллюстрируют истинное положение в НАСА в то время. Выбором занимались люди серьезные, грамотные, отлично понимавшие меру возложенной на них ответственности. Тут

* Продолжение. См. "Дип" № 2.

не давили авторитетом, а требовали цифр. Эмоции допускались лишь как приложения к аргументам.

Объективный и детальный анализ всех трех вариантов полета на Луну показал, что третий вариант является наиболее реальным с учетом всех возможностей и сроков. Этот вариант — встреча на лунной орбите — был известен и обсуждался с 1960 года, когда его высказал доктор Джон Хоболт из исследовательского центра Ленгли. Кстати, сами американцы отмечают, что идея Хоболта не оригинальна. Подобная схема за много лет до него была представлена русским ученым Юрием Васильевичем Кондратюком, и Хоболт даже сравнивал себя с ним.

Хоболту помог Роберт Симменс, помощник Уэбба, и электронно-вычислительные машины. Машины бесстрастно доказывали, что Хоболт прав, а Симменс страстно убеждал в этом всех сомневающихся. В 1962 году Вернер фон Браун начал тоже склоняться к идее стыковки на лунной орбите. "Я был ему очень за это благодарен, — писал Хоболт, — я понял, что исчезло последнее препятствие".

"Программа "Аполлон" явилась своего рода вершиной гигантской пирамиды, в основу которой была положена индустриальная мощь и научная мысль Америки", — пишет в своей книге "4 октября 1957 г. Спутник и США" советский исследователь А.Алексимов. Можно добавить: наиболее передовая индустрия, совершеннейшая в мире технология, самая могущественная научная мысль, более чем щедро финансируемые правительством.

Уже к концу 1961 года Уэбб заключил контракты по программе "Аполлон" с сотнями компаний, расположенных в 47 штатах страны. Обозначались и "головные", как у нас говорят, предприятия:

Компания "Норд Америкэн авиэйшн". Она должна построить собственно космический корабль, двигатели всех трех ступеней ракеты "Сатурн-5" и вторую ступень.

Компания "Боинг". Сначала она строила только первую ступень "Сатурна-5", затем взяла на себя административные хлопоты по "оценке хода подготовки к выполнению лунной миссии".

Компания "Дуглас эйркрафт компани". Она строила третью ступень носителя.

Компания "Грумман эйркрафт инжиниринг" строила лунную кабину.

Массачусетский технологический институт создавал все навигационные системы.

Повсюду набирали рабочих, строителей, дорожников, связистов. Росли поселки, а в них требовались банки,

магазины, школы, больницы, кинотеатры, бары, кегельбаны — все требовалось, и все сразу.

...Как я предупреждал уже, предложенная вашему вниманию работа является сугубо неспециальной. А потому мы оставим организационные вопросы программы "Аполлон" и поспешим в белые апартаменты доктора Чарльза Бэрри, в которых, несмотря на всю автоматику и электронику, все равно пахнет больницей и где нас ждут девять новых счастливых, отобранных из 253 кандидатов специально для того, чтобы пройти по лунной дороге.

Глава IV. Трагедия на мысе Канаверал

Окончательный экзамен у доктора Бэрри выдержали Нейл Армстронг, Фрэнк Борман, Чарльз Конрад, Джеймс Ловелл, Джеймс Макдивитт, Эллиот Си, Томас Стаффорд, Эдвард Уайт и Джон Янг. Эти люди должны были увеличить возможность выбора экипажей "Джемини" и прицелься на Луну. Как мы увидим, многие из них своим мужеством и опытом обеспечили успех лунной программы: семеро из этой девятки станут командирами "Аполлонов", шестеро побывают вблизи Луны, трое высадятся на нее, двое отдадут этой программе жизнь. Сидя у доктора Бэрри, они не знали о том, что станут самыми популярными астронавтами США и самыми "долголетающими": Конрад, Ловелл, Стаффорд — эти трое побывали в космосе четыре раза*, а Янг — пять. Но что знали они о своем будущем, когда директор Центра пилотируемых полетов Роберт Гилрут представлял их официально на пресс-конференции в Хьюстонском университете. "Аполлон" еще не существовал, а они хотели летать и с головой ушли в работу по программе "Джемини".

Весной 1965 года начались полеты по этой программе. Новый корабль весил уже до 3,8 тонны и был рассчитан на двух астронавтов, а сама программа полетов — значительно расширена: в ней участвовало 10 кораблей. Общее время их полета около 40 суток. В ходе выполнения программы четыре астронавта дважды летали в космос (Янг, Конрад, Ловелл и Стаффорд), да и для всех остальных полеты на "Джемини" были хорошей школой. Не случайно все командиры "Аполлонов" были пилотами "Джемини". Поэтому в рассказах о "лунных" экипажах мы будем еще не раз вспоминать "Джемини". Последний полет "Дже-

---

* В 80-е годы при реализации программы "Спейс-Шаттл" к ним присоединится Роберт Криппен. (Здесь и далее — прим. автора.)

мини" состоялся в ноябре 1966 года. Через два месяца должны были начаться наземные тренировки в кабине "Аполлона".

Что касается корабля, то первый, разумеется, еще "сырой", как говорят конструкторы, корабль "Аполлон" был готов в начале 1966 года и доставлен на мыс Кеннеди для беспилотных испытаний. Ракете "Сатурн-1Б" надлежало поднять его на высоту около 460 километров, откуда он должен был вернуться, испытав по дороге аэродинамику и тепловую защиту спуска. Старт рассчитывали на 22 февраля, но за три часа до подъема во второй ступени ракеты потекла труба с жидким водородом. Старт отложили. Потом мешала погода, потом уже за четыре секунды до старта упало давление в резервуарах азота, — в общем, много было хлопот, но 26 февраля первый полет корабля "Аполлон" без экипажа все-таки состоялся и прошел успешно. В тот же день корабль был выловлен авианосцем "Боксер" в водах Атлантического океана в 4500 километрах от своей стартовой площадки.

Уже известно было, кто полетит на первом "Аполлоне": командиром был назначен Вирджил Гриссом — ветеран и общий любимец. В этом 40-летнем подполковнике ВВС было много от мальчишки: самый маленький по росту, он всегда и везде хотел быть впереди. Когда набирали астронавтов в первый отряд, Гриссома сначала забраковали: он страдал сенной лихорадкой, Вирджил устроил страшный скандал. Кричал, что в космосе неоткуда взяться селу, что он абсолютно здоров. Его приняли, и он полетел уже на втором "Меркурии". Это был суборбитальный полет, который длился всего 16 минут. После приводнения капсула наполнилась водой, и Вирджил чуть не утонул.

Океанская купель не охладила его пыл, и в марте 1965 года он стал командиром первого пилотируемого "Джемини". Гриссом и Янг летали почти пять часов и даже пробовали маневрировать в космосе. Теперь ему непременно хотелось первому полетать на "Аполлоне".

Если он не ловил рыбу (очень любил это занятие), всегда был на людях — неизменно веселый и приветливый. Никогда не обижался, когда подшучивали над его маленьким ростом.

— Когда я что-нибудь начинаю делать, я всегда боюсь, что не смогу сделать все так хорошо, как высокие, — улыбался Вирджил. — Когда я залезу в "Аполлон", я испугаюсь сначала, но это быстро пройдет.

О, если бы только знал он, как страшно он испугается

---

* Впоследствии мысу Кеннеди было возвращено его старое имя — Канаверал.

и как растянута этот страх на годы и века последние мгновения его жизни...

Старшим пилотом в экипаже Гриссома был Эдвард Уайт из второй группы астронавтов. Он тоже уже летал в космос на "Джемини-4" вместе с Джеймсом Макдивиттом и был первым американцем, который повторил сложный эксперимент нашего Алексея Леонова, выйдя в открытый космос. Врачи считали Уайта самым здоровым среди астронавтов, а астронавты — самым прожорливым. Обычно он съедал два обеда, но на его теле нельзя было найти ни грамма жира — клубок мускулов. Он лазал по канату легче, чем другой поднимался по лестнице. Проснувшись, он бегал, а днем не расставался с каучуковым мячиком — разминал пальцы.

Отец Эдварда был генералом ВВС и с двенадцати лет таскал его по всем базам и аэродромам. Никто никогда не спрашивал, кем он будет, это было ясно: больше всего он хотел — а потом лучше всего умел — летать.

Третий член экипажа — самый молоденький (31 год), морской летчик Роджер Чаффи. Его приняли в отряд сравнительно недавно — в третьей группе, в июне 1963 года, и в Хьюстоне его мало кто знал: он был молчаливый, диковатый. Мало о себе рассказывал. Гриссом и Уайт знали, что он футболист и играл в школьном оркестре, — вот и все, пожалуй. Чаффи, как и многие новички из третьей группы, очень хорошо знал технику, работал методично, упорно, поддразнивал друзей, когда они не могли в чем-то разобраться, но делал это как-то очень честно, открыто и по-доброму. Обычно "умников" не любят, а его любили.

У Роджера была очень хорошенькая жена Марта и двое ребятшек: сын и дочка. Как у Уайта. А у Гриссома — оба мальчишки. И любимый пес Сэм...

Старт этого экипажа планировали на ноябрь, потом на декабрь, передвинули на январь, затем назвали конец февраля 1967 года. Больше всего барахлила система жизнеобеспечения и топливные магистрали "Аполлона". Перед самыми Рождественскими праздниками астронавты примеряли скафандры. За две недели до этого Джим Леблан, испытатель, чуть не погиб в таком скафандре: он работал в вакууме, а кислородный трубопровод отключился. Два техника — Роттер и Хесс — успели спасти Джима и получили за это награды от директора Центра. Теперь все починили, укрепили-закрепили.

6 января "Аполлон" установили на старте, после пяти-месячного заточения в монтажно-испытательном корпусе. Серо-белый, он красовался на "Сатурне-1Б", как на пьедестале. Была назначена точная дата старта: 21 февраля.

В тот день в Белом доме состоялось подписание договора о мирном использовании космического пространства. Президент пригласил на церемонию фон Брауна. Из Хьюстона в Вашингтон прилетели пять астронавтов. Купер, Карпентер, Гордон, Ловелл и Армстронг должны были украсить своим присутствием это оживленное и нарядное собрание.

По иронии судьбы именно в эти праздничные минуты на космодроме умирали их товарищи.

Гриссом, Уайт и Чаффи тренировались в "Аполлоне". Сидящие на связи с кораблем вдруг услышали тревожный голос Чаффи:

— Пожар... Небольшой пожар...

Телеэкран, демонстрирующий работу экипажа, озарился яркой вспышкой и погас. Медики у своих пультов с удивлением отметили неожиданное повышение частоты пульса. На другом пульте поползла вверх кривая температуры внутри "Аполлона".

— Пожар в кабине! — крикнул Уайт, и Дик Слейтон, который услышал этот крик, даже не сразу понял, что кричит Эдвард, таким резким и непривычно настойчивым был его голос.

Через три секунды:

— Сильный пожар в космическом корабле!

Это был уже не крик, а леденящий душу вопль. Уже нельзя было понять, кто это кричит, стало ясно — творилось что-то ужасное, кошмарное.

В атмосфере чистого кислорода маленькая вспышка электрических проводов под креслом Чаффи выросла мгновенно, охватила все — кресла, приборы, пульты и три человеческие фигуры — сплошным гудящим пламенем. Они успели отстегнуть ремни кресел. Гриссом бросился к люку и пытался открыть его, но понимал, что сделать это он уже не успеет. Несколько мгновений Уайт помогал ему. Их тела нашли потом прямо на люке. На металле рукояток были отпечатки пальцев и запекшаяся кожа.

Последнее, что услышали операторы, был крик Чаффи, крик человека, жить которому осталось миг:

— Мы горим! Вытащите нас отсюда!!!

Все произошло мгновенно. Между первым возгласом Чаффи и моментом, когда из щелей лопнувшего от жара "Аполлона" повалил дым, прошло всего 14 секунд. Стенки корабля пламя прожигало словно газовой горелкой. Стартовая команда комплекса № 34 бросилась к "Аполлону", но, когда через пять минут люк удалось открыть, струя раскаленного воздуха и дыма заставила спасателей отступить. Примчались три врача, но все это было уже не нужно...

Тела астронавтов были обезображены пламенем до неузнаваемости. Известие о катастрофе задержали на два часа, пока не были предупреждены семьи.

Через три дня состоялись похороны. Уайта похоронили на военном кладбище в Вест-Пойнте, Гриссома и Чаффи — на Арлингтонском кладбище в Вашингтоне. Президент что-то шептал на ухо ооченевшим от горя вдовам и ласкал ребятишек...

Первым человеком, который влез в обугленный корабль, когда сбили пламя, был астронавт Фрэнк Борман. Бывают роковые совпадения: именно он, Борман, выступая в родном городке Гэри в Индиане после своего полета на "Джемини-7", сказал:

— Мы совершенно неизбежно потеряем какой-то экипаж. Это одна из тех вещей, которые постепенно начинаешь признавать... Я надеюсь, что публика смотрит на вещи достаточно зрело, чтобы понять, что нам приходится оплачивать космос не только деньгами, но и жизнями...

К словам Бормана тогда никто не прислушался, а зря. За месяц до катастрофы Борман был назначен командиром третьего пилотируемого "Аполлона", он варился в этой каше уже давно и дело знал.

Теперь, когда похоронили Гриссома и его друзей, об этих словах вспомнили. Почему Борман "постепенно начинал признавать" неизбежность катастрофы? Не потому ли, что на его глазах со скоростью все возрастающей, словно смерч, закручивалась в смертельную удавку вся эта, столь блестяще начатая "общенациональная программа"?

Примерно то же говорил и астронавт Джон Гленн: "У нас будут неудачи, обязательно будут жертвы. Пока же нам везет..."

Но можно ли считать везение законом? Очевидно, считали. Торопились: уж больно хотелось обогнать русских.

В самих Соединенных Штатах вывод был общий: это не случайность. Корреспондент ЮПИ правильно писал в день катастрофы: "Программе "Аполлон" сопутствует одно несчастье за другим..." Подсчитали: за время работы по этой программе пожар был двадцатитысячным происшествием в космическом корабле. В тот день, когда погибли астронавты, они успели обнаружить множество различных технических неполадок. Почти весь день шли перебои в линиях связи, какие-то шумы настолько мешали работать, что Гриссом спросил раздраженно:

— Если вы не можете слышать нас с расстояния пяти миль, то как же вы надеетесь услышать нас, когда мы доберемся до Луны?

Следственная комиссия нашла не только короткое замыкание электрических проводов, но обнаружила "плохое общее руководство, игнорирование техники безопасности, небрежное выполнение технических заданий и слабый контроль".

В гонке и браке в работе, ею вызванном, откровенно признавались и сами исполнители. Начальник испытательной лаборатории Даниэль Дрисколл из Хантсвилла утверждал:

— Стремление не отстать от всевозможных графиков испытаний, графиков поставок не должно становиться фактором, оказывающим влияние на ход космических проектов, небольшая ошибка в которых может привести к человеческим жертвам. Но, поскольку этому стремлению придается такое большое значение, у инженеров и ученых, работающих над проектами, появляется естественная тенденция искать поверхностные пути в решении сложных проблем.

Уолтер Липпман напечатал в журнале "Ньюсуик" одну из самых горьких и яростных своих статей: "Нам безжалостно напомнили, что соревнование за высадку на Луну — это не спортивное зрелище, когда достаточно заплатить за входной билет и болеть за свою команду... Центральная цель, определяющая решения НАСА, — это не исследование Вселенной и не просто высадка человека на Луну... Это — явно ненаучная попытка поддержать нашу амбицию и гордость и дать толпе цирк, захватывающее дух представление, дать пищу для похвальбы.

....Мы должны очистить от всего наносного великое предприятие исследования Вселенной. Мы должны отделаться от разрушительного вторжения пропаганды и рекламы, мы должны отказаться от высадки людей на Луну к какому-то произвольно установленному сроку..."

"Мы должны, мы должны, мы должны"... Программа Липпмана куда сложнее программы "Аполлон". Потому что послать на Луну двух человек все-таки легче, чем изменить миропорядок целой страны. Это сразу чувствуешь, когда читаешь высказывания тех людей, которые стояли у руля программы "Аполлон". Их понимание январской трагедии было совсем иным, их беспокойство объяснялось причинами.

Первая реакция: "Я не виноват".

"Сейчас все участники входят в высокие кабинеты с объяснениями только для того, чтобы выгородить себя и свалить вину на другого", — писала "Нью-Йорк таймс".

Вторая реакция: "А что, собственно, произошло?"

— Может быть, это лишь действие закона средних величин, — прокомментировал пожар сенатор от Миссисипи Джон Стеннис.

Третья реакция: "Мы все делали правильно".

Доктор Эдвард Уэлш — ответственный секретарь НАСА — прежде всего старался внушить журналистам, что, с его точки зрения, является самым главным:

— Несмотря на смерть трех астронавтов США будут продолжать осуществлять свою космическую программу, и все еще есть 50 шансов из 100, что они опередят русских, поскольку это касается высадки человека на Луну... Программа "Аполлон" останется в таком положении, в каком она была. Нет совершенно никаких оснований менять политику.

Не рискуя пойти на кардинальные переделки, частные проблемы постарались решить. "Аполлон" дорабатывался двадцать один месяц. Дата первого пилотируемого полета отодвинулась с 21 февраля 1967 года на 11 октября 1968 года.

Глава V. Четыре сваи моста на Луну

Начинались самые жаркие дни мыса Кеннеди. Никогда раньше здесь не готовили к старту сразу три космических корабля. Работа достигла предельной напряженности и шла круглосуточно. Вспоминая это время, обозреватель Говард Бенедикт писал в 1974 году, что "Аполлон" был по-настоящему чрезвычайной программой, осуществляемой чуть ли не с поспешностью военного времени.

В первый полет на "Аполлоне" назначили дублеров погибшего экипажа: капитана 1 ранга ВМС Дона Уолтера Ширру — он был командиром, майора ВВС Дона Эйзела и штатского летчика Уолтера Каннингема.

Ширра был ветераном: начал летать в 1963 году на "Меркурии", в 1965-м пересел на "Джемини". Он стал единственным американским астронавтом, который сумел полетать на всех трех типах космических кораблей.

Это был типичный военный — сильный, выносливый, решительный. Любил охоту и соленые анекдоты. Друзья подшучивали над ним за пристрастие к сувенирам: весь дом был завален каким-то хламом.

В отличие от "Уолли" (ласкательное от Уолтер) два других члена экипажа летели впервые. Эйзел был моложе своего командира на семь лет. Он поступил в отряд астронавтов вместе с Каннингемом в июне 1963 года во время третьего набора. За время своей воинской службы Дону пришлось немало поездить. Дочь его родилась в Южной Дакоте, три сына — в Триполи, в Дейтоне, в Хьюстоне. Он был человеком легким на подъем, веселым,

смешливым и знаменитым в компаниях тем, что очень ловко копировал популярных дикторов и телекомментаторов.

Третий член экипажа Каннингем, как и Ширра, был морским пилотом, но потом ушел из армии, окончил Калифорнийский университет, защитил докторскую диссертацию, занимался магнетизмом. Этого ему показалось мало.

— Я только тогда буду настоящим технарем, когда буду поближе к верхушке, — говорил Каннингем, показывая на вершину ракеты.

Став астронавтом, он серьезно повредил во время прыжка с трамплина шейный позвонок и мог остаться калекой. Но он не только выздоровел, а был допущен к полету. Врачи объясняли это его удивительным упорством и настойчивостью. Жил просто, скромно, ездил на дешевом автомобиле и, в отличие от подавляющего большинства американцев, любил сам его чинить.

Понимали ли они степень ожидавшего их риска? Мне кажется, понимали. Ширра, например, был рад, что носителям их корабля будет "Сатурн-1Б", а не "Сатурн-5" поскольку от этой более опробованной ракеты, как он говорил, "можно ждать меньше неожиданностей".

Ракета не обманула надежд командира. Утром 11 октября 1968 года "Аполлон-7" вышел на орбиту. По свидетельству специалистов космодрома, это был самый благополучный старт из всех, которые состоялись до этого по программе "Аполлон". Через три часа после старта космический корабль провел свой первый маневр: отстыковался от второй ступени носителя, а потом провел с ней воображаемую стыковку, сблизившись со 150 километров до 20 метров. Дальше подходить было опасно: неуправляемая ступень кувыркалась.

Все три астронавта старались быть максимально придирчивыми к своему кораблю и реагировали на любую мелочь, понимая, что тем самым они сослужат добрую службу следующим экипажам. Набрался длинный список "раздражающих проблем", как они называли эти микро-неполадки. Не шли биомедицинские сигналы с датчиков Эйзела. Два других космонавта также жаловались на датчики, причиняющие им неудобства. Загрязнились и мешают фотографированию почти все иллюминаторы. Неисправен датчик расхода кислорода. Подмерзал хлад-агент в системе терморегулирования. Заедла механизм фотокамеры. Насморк заставлял Ширру каждые 8 часов принимать таблетки для прочищения дыхательных путей и аспирин. Неудобными оказались спальные мешки, и космонавты предпочитали отдыхать в креслах. Дважды Ширра отменял сеансы телепередачи с борта космическо-

го корабля, мотивируя это подготовкой к будущим маневрам. "Мы еще не ели. У меня простуда. Я отказываюсь ставить под угрозу график полета в данный момент", — ворчливо радировал он в Хьюстон.

В Хьюстоне слушали и улыбались: в ворчании Ширры было что-то домашнее, успокаивающее. Над жалобами подшучивали:

— Доброе утро, Уолли, — вкрадчиво будил его сидящий на связи астронавт Уильям Поуг (он летал в 1973 году в третьем экипаже "Скайлэба"). — Мне сказали, чтобы я осторожно разговаривал с тобой сегодня, — продолжал он весело, намекая на раздраженность Ширры.

Они летали без малого одиннадцать дней — этого времени должно было хватить для первого путешествия на Луну и обратно. Пожалуй, только Ширра мог в полной мере оценить все достоинства нового космического корабля. Впервые в космосе они могли подогреть себе еду, впрыскивая в обезвоженные концентраты горячую воду. Да и сама эта еда была куда разнообразнее: от тушеного мяса до ананасового торта. Тут была специальная зубная паста, не дающая пены, туалетные салфетки и полотенца. Только вот бриться они не могли. Тогда еще не изобрели "космическую" бритву-пылесос, и на Землю астронавты вернулись порядком обросшими.

Это произошло на 163 витке. Они опустились в синие воды Атлантики в 27 километрах от авианосца "Эссекс". Три вертолета поспешили к ним на помощь, и через 35 минут они уже стояли на палубе корабля.

— Мы выполнили все поставленные задачи на 101 процент, — подытожил сделанное новый директор программы "Аполлон" доктор Лоу.

Благополучное возвращение отважной тройки и успех всего полета воодушевил всех, кто работал по программе "Аполлон". Еще в то время, когда экипаж Ширры летал в космосе, было решено, что восьмой "Аполлон" стартует до нового года. Раньше нетерпение подстегивали неудачи. Оказалось, что успех может подстегнуть еще сильнее.

Первоначально для полета вокруг Луны намечались Борман, Коллинз и Андерс. Но незадолго перед стартом с Майклом Коллинзом случилась большая неприятность: где-то на шее защемился нерв, и из-за этого иногда вдруг отказывали ноги — он падал. Астронавт встал перед дилеммой: или долгое лечение или очень серьезная, но быстрая операция. Коллинз выбрал операцию. Все сошло хорошо, но на "Аполлон-8" он опоздал. Ходил совсем убитый, а белый бинт на шее заставлял жалеть его еще больше. Вместо Коллинза полетел Джеймс Ловелл, который до этого уже дважды побывал в космосе на "Джеми-

ни". В первом полете его командиром был Фрэнк Бсман, и вот сейчас в "Аполлоне" эта ситуация повторила Фрэнк опять его командир.

Путь Бормана в космонавтику был трудным. Он родился хилым ребенком, часто болел, перенес две операции, врачи порекомендовали семье перебраться на юг: не должен был простужаться. Но в слабом теле Фрэнк был сильный дух. Он закалялся, занимался спортом, смел попасть в авиацию, летал на боевых самолетах. В время отбора в отряд астронавтов он истрепал врачам нервы, прошел бесчисленное количество комиссий и в конце концов добился своего.

Джеймс Ловелл был ракетчиком "со стажем". Еще высшей школе в Милуоки он построил пороховую ракету которая подлетела метров на двадцать пять и взорвалась с оглушительным грохотом. В морской Академии в Аннполисе темой его диплома тоже были ракеты на жидком топливе. В астронавты пошел не раздумывая, хотя ему долго пришлось усмирять свою больную печень. Пока Джеймс лечился, в НАСА потеряли его личное дело (как часто мы идеализируем американскую пунктуальность). Когда он позвонил в штаб-квартиру НАСА по телефону какой-то чиновник сказал ему рассеянно:

— А я думал, что вы отказались...

— Если бы я отказался, — сказал Ловелл, — я бы не стал тратить 10 центов ради сомнительного удовольствия поговорить с вами по телефону...

Журналисты называли этот экипаж тремя мушкетерами. Если Борман мог претендовать на звание Атоса, а Ловелл, безусловно, в чем-то напоминал Портоса, то Андерс вряд ли можно назвать Арамисом. Маленький хрупкий, тихий, он не был похож на гвардейца-ловеласа.

По происхождению Андерс поляк. Родился он в Гонконге, где отец его служил во флоте. Когда он возвращался на Землю, в Гонконге было большое ликование шествие с плакатами: "Человек из Гонконга облетел Луну!". Уильям сначала хотел стать моряком, но небо победило в споре с морем. Он был очень организованным пунктуальным, собранным пилотом. В экипаже именно Андерс олицетворял порядок и дисциплину. Его вера в технику могла бы раздражать, если бы она не основывалась на абсолютном знании этой техники.

— Риск, которому мы подвергаемся, — ничто по сравнению с риском Линдберга*, — говорил с улыбкой Андерс. Кстати, Линдберг был среди почетных гостей на старте "Аполлона-8", и Борман взял с собой в космос фо-

* Чарльз Линдберг был первым человеком, перелетевшим через Атлантический океан в 1927 году.

тографию, на которой он стоял рядом с отважным летчиком.

Андерса всегда отличала ясность цели, и даже в обычной человеческой жизни он стремился к ее оптимизации, к выбору наилучших средств ее достижения. Когда потом, после полета, его спросили, как у него хватило мужества отправиться в столь опасное путешествие, он подумал, помолчал и ответил с непререкаемой логикой счетной машины:

— Ценность моей жизни для моей семьи несоизмерима с ценностью этого полета для нашей нации...

Итак, три астронавта должны совершить полет вокруг Луны, который — по свидетельству газеты "Нью-Йорк таймс" — будет "самым честолюбивым и рискованным полетом в истории".

Риск действительно был большой. Никогда еще человек не летал в космос так далеко. Но дело не просто в расстоянии. Если при полете на орбите астронавт мог совершить аварийную посадку в любую минуту, на дороге к Луне очень трудно, да практически невозможно было остановиться и повернуть назад. Даже в случае серьезной аварии для срочного возвращения на Землю требуются уже не часы, а дни.

Не простыми были и маневры облета Луны и входа в атмосферу Земли. Если на орбите спутника Луны произойдет повторного включения двигателей "Аполлона", никакая сила не сможет вернуть корабль на Землю. Включать этот двигатель надо в тот момент, когда корабль находится над обратной стороной Луны и отсутствие связи с Землей в это время лишь усиливает драматизм ситуации.

При возвращении на Землю небольшое отклонение "вверх" могло привести к "промаху", а "вниз" — к резкому входу в плотные слои атмосферы, т.е. к недопустимым перегрузкам. Подобный маневр совершался до сих пор только один раз при полете беспилотного "Аполлона-5". Риск был и в том, что впервые вывести экипаж на орбиту должна была ракета "Сатурн-5".

— Я не хочу утверждать, — сказал Борман перед стартом, — что во время нашего полета не будет риска и опасности. Элементы опасности будут встречаться на всем пути.

Английский астроном Бернард Ловелл из обсерватории Джордзелл бэнк, перечисляя все угрожающие астронавтам ситуации, кончил так:

— Мысль об этом полете угнетает меня. Это чертовски глупо...

Глупо — не глупо, а лететь было нужно. Именно нужно. Эта терминология из речей президента перекочевала

теперь в речи астронавтов. "В нашей программе наступила такая стадия, когда нужно сделать этот шаг", — говорил Борман. Нужно, хотя полного доверия к технике еще не было. Несмотря на то что Ширра и его друзья провели испытания корабля по широкой программе, облет Луны был действительно необходим, коль скоро намечалась высадка на нее. Этот, как и последующие за ним старты, не ставил перед собой никаких иных задач, кроме общей и главной: обеспечить высадку. Когда кто-нибудь начинал заговаривать о научной программе, о возможных экспериментах, администраторы НАСА недовольно морщили носы.

— Цель состоит не в том, чтобы провести научные исследования. — терпеливо разъяснял Джордж Мюллер, заместитель директора НАСА по пилотируемым полетам, — а в том, чтобы сделать важный шаг в развитии наших способностей высадить людей на Луну.

Шаг этот был сделан 21 декабря. В 7 часов 51 минуту утра космический корабль оторвался от Земли.

— Внимание! — доложил Борман. — Я — "Джемини-8"...

На связи с кораблем сидел, увы, оставшийся на Земле Майкл Коллинз. Под общий хохот он ответил Борману очень спокойным, даже скучным голосом:

— Не теряй памяти. Ты летал на "Джемини-7", а теперь ты летишь на "Аполлоне-8".

Ошибки и волнения простительны: слишком много было в этом полете необычного. Впервые человек уходил в космос от своей родной планеты. Впервые он мог увидеть земной шар, именно шар. Эмоциональная палитра путешествия Бормана и его друзей была необыкновенно богатой.

— Мы видим Землю, — коротко доложил он Хьюстону, и все поняли, что он имеет в виду.

Во время телевизионных передач с борта "Аполлона-8" астронавты показывали землянам Землю.

— Ваша передача имела громадный успех на планете, соседней с вашей — на Земле, — сообщили из Хьюстона.

Передачу действительно смотрели миллионы телезрителей, даже 93-летняя бабушка Фрэнка Бормана. Кстати, смотрел ее и некий мистер Самюэль Шератон — секретарь единственного в своем роде "Британского общества верящих в плоскую форму Земли". Он вынужден был признать, что, "видимо, назрело время пересмотреть взгляд на некоторые вещи..."

Шутки шутками, но нервная нагрузка действительно была очень велика.

— Когда мы вышли на лунную траекторию, где никто никогда не летал, — рассказывал потом Борман, — во

мне что-то изменилось психологически... Вид Земли потряс меня! Трудно было поверить, что на этой малютке столько проблем, что там голод, войны, яростная схватка национальных интересов. Я почувствовал, что все мы — лишь часть земли, воздуха, воды, облаков...

Андерсу дорога к Луне показалась длинной и скучной.

— За нас сейчас в основном ведет корабль Исаак Ньютон, — радировал он в Хьюстон.

Не совсем представляю, как это могло быть, но, по словам самого Андерса, в течение всего полета "туда" он ни разу не видел Луны, пока они наконец не стали ее спутником.

Никаких отказов техники не было, и все шло хорошо, если не считать здоровья экипажа. У врачей создалось впечатление, что Борман перенес желудочный грипп. У него началась рвота, болела голова, расстроился желудок. Его товарищи тоже чувствовали недомогание. Все в Хьюстоне боялись, что они заболели гриппом "Гонконг" (опять Гонконг!), который свирепствовал на космодроме, и даже президент Джонсон, который приехал на Канаверал, угодил в больницу. Правда, астронавтам сделали противогриппозные прививки, но в космосе пришлось все-таки прибегнуть к помощи антибиотиков. Борман плохо спал, впервые в жизни он принял снотворное и проспал лишние 5 часов, но проснулся разбитым. Вылечили их, я думаю, не лекарства, а Луна. От них требовали комментарии и не получали: слишком переполнены были они зрением Луны, чтобы вести радиорепортаж.

"Самое удивительное, что я видел во время полета и во время всей своей жизни, это — Луна, — писал Борман. — Я чувствовал, что мы попали в мир научной фантастики, в мир невероятного освещения и мрачной красоты".

Когда Борман впервые увидел яркий голубой диск Земли, восходящий над лунным горизонтом, и попросил у Андерса фотокамеру, пунктуальный майор ответил кратко:

— Это не запланировано.

С трудом удалось убедить его.

— На орбите Луны мы вели себя как туристы в автобусе, — вспоминал Ловелл, — все время слышались возгласы: "Ой, смотри!.. Ой, смотри сюда!..", "А смотри, что здесь!.." Это черно-белый мир, в котором нет никаких цветов. Цвета в космосе есть только на Земле. Земля — самое красивое, что мы можем там увидеть. Люди на Земле даже не сознают, что у них есть...

Андерс сверял лунные кратеры по карте, составленной для них Гаррисоном Шмиттом, и благодарил геолога-астронавта за отличную работу. Он искал кратеры вулка-

нов или потоки лавы — хоть что-нибудь, что указывало бы на вулканическую активность, но найти ничего не мог. Он так описывает Луну:

— Обратная ее сторона выглядит как поле сражений яма на яме, кратер на кратере. Я ожидал увидеть горы хребты, пики, их было очень мало, а может, и совсем не было. Луна выглядела как грязный пляж. Это не очень поэтично, но это так.

Критическим моментом полета был уход с орбиты спутника после 10 витков вокруг Луны. "Включится ли двигатель?" — эта мысль неотвязно преследовала всех в Центре пилотируемых полетов. На телевизионных экранах мелькали цифры — секунды, которые остались до момента, когда начнется их обратный путь к Земле. 30... 20... 0! Что там? Никто не знает, ведь они летят сейчас над невидимой стороной Луны. В Хьюстоне дежуривший на связи с кораблем астронавт Джеральд Карр (он станет в 1973 году командиром последнего экипажа "Скайлэба") монотонно повторяет:

— Хьюстон — "Аполлон-8", Хьюстон — "Аполлон-8"...

— Говорит "Аполлон-8", — раздался вдруг далекий глухой голос Ловелла. — Мы включили двигатель по программе... Он сработал нормально...

— Говорите, говорите еще! — закричал Карр. — Так приятно вас слышать!

Теперь перед ними лежал обратный путь домой, на Землю. "К вам летит Санта-Клаус", — весело радировал в Хьюстоне Ловелл, намекая на приближающиеся Рождественские праздники. Отдавая дань традиции, они тоже полакомились припасенной для такого случая индейкой. У Бормана была бутылка коньяка, но решили все-таки не пить ее: мало ли что, все-таки космос... Бутылка эта вернулась на Землю, и коллекционеры предлагали за нее Фрэнку бешеные деньги, ведь это была единственная в истории бутылка, облетевшая Луну. Борман не отдал.

Коли заговорили о Рождественских праздниках, отметим одну интересную деталь: в эти дни им не шла зарплата. Во время пребывания в космосе Борман и его товарищи получали лишь обычную зарплату в зависимости от военного звания и выслуги лет. Борман получал больше, Андерс — меньше. Никаких дополнительных денег за полет астронавтам не начислялось. Однако до полета ведущие журналы и газеты США заключили с астронавтами (как и со всеми их коллегами и до и после "Аполлона-8") контракты на предоставление снимков и репортажей. Именно эта статья дохода делала американских астронавтов людьми состоятельными. Большие суммы они могли получить и за участие в различных рекламных шоу. Но не за полет!

Несколько раз на обратном пути состоялись телесеансы с Землей, пока, уже совсем на подлете, Борман не сказал:

— Внимание! Телестудия "Аполлон-8" кончает передачи... Следующие смотрите с Земли!

Вход в атмосферу прошел без неприятных сюрпризов. Ловелл успокаивал Хьюстон:

— Мы действительно в хорошем состоянии, хотя летели, как шаровая молния...

Был довольно сильный шторм, и, приводнившись, космический корабль перевернулся на волне. Через вентиляционное устройство пошла вода, хотя оно было закрыто. Очень сильно качало, и Борман, по его словам, убедился, что в моряки он не годится: командир "Аполлона" жестоко страдал от морской болезни.

— Я покидал прыгающий на волнах корабль не только с гордостью, но и с радостью, — признался Фрэнк.

Через несколько минут вертолет доставил их на борт авианосца "Йорктаун". Обросшие Андерс и Ловелл и чисто выбритый Борман шагали по красной ковровой дорожке под аплодисменты всей команды, которая преподнесла им новогодний пирог весом 250 килограммов.

Так закончился этот полет, открывший новый важный этап в истории космонавтики: выход человека за пределы поля тяготения Земли. Это была выдающаяся победа американской ракетно-космической техники. Однако в более фундаментальном смысле этот успех был достижением всего человечества.

(Окончание следует)

ЭТОТ УЖАСНЫЙ, УЖАСНЫЙ МИР

Линдсей Стюарт

ИСКЛЮЧИТЕЛЬН ДЛЯ ПТИЦ

Меня зовут Мейсон. У меня двое детей и красавица жена. Точнее, была красавица. Была жена. Сейчас остались лишь дети. Слава Богу, они слишком малы, чтобы до конца осознать ужас всего того, что случилось в прошлое воскресенье в парке на северной окраине Лондона. Сейчас моя жена Элизабет лежит в больнице, в Эпсоме, и ее лицо искажено маской ужаса и отвращения. Врачи говорят, что она постоянно кричит, даже днем. А еще они говорят, что ей больше никогда не быть красивой.

Раньше мы жили фактически по соседству с Риджент-парком, но сейчас переехали подальше от Примроуз-хилл — чтобы ни парка не было, ни всех этих птиц... Дети конечно, так и не поняли толком, что именно произошло во всяком случае, я надеюсь, что они не поняли.

— Палочка, пойдем погуляем в парк, покачаемся на качелях, — просят они, но я ничего им не отвечаю.

— Это из-за того дяди? — спрашивают они, и я всякий раз даю им какое-нибудь глупое объяснение, хотя они на верняка замечают, что от этих вопросов у меня на лбу выступают капли пота и я всячески стараюсь избежать встречи с их взглядом. Как жаль, что в столь раннем возрасте им пришлось столкнуться лицом к лицу со злом.

Многие из нас идут по жизни, даже не подозревая, что это реальное зло действительно существует, пока сами не столкнутся с каким-нибудь отвратительным, жестоким, и поддающимся осмыслению преступлением. Это как Агаты Кристи: прочитали и забыли вплоть до того времени, пока зло не коснется вас лично, но уж тогда вам не будет ни минуты покоя. Я хочу рассказать о том, как моя жена потеряла рассудок, а сам я приобрел привычку спать с открытыми глазами.

Каждое воскресенье мы всей семьей выбирались на прогулку в Риджент-парк и медленно двигались по

Фитцрой-авеню в сторону зоопарка. Совершив традиционный обход вольера со слонами, посетив бородатых козлов, которые охотно погрызли бы наши шляпы и перчатки, посмотрев на рысь и тигров, постояв, задрвав головы, у клеток с орлами и пройдя по серпентарию, мы обычно отпускали ребятишек поиграть в песочнице и покачаться на качелях у подножия Примроуз-хилл.

Все вполне безобидно, подумаете вы. Кто бы мог подумать, что именно на поросшем крокусами Примроуз-хилл каждое воскресенье во второй половине дня станет разыгрываться столь отвратительное действо? Возможно, вы с трудом поверите в то, что я вам расскажу, однако уверяю: все это чистая правда. Ведь я и сам там был и потому знаю. Более того, я много раз наблюдал все это и даже радовался этому зрелищу, пока наконец не понял, не прозрел. Впрочем, я хочу подкинуть вам одну маленькую зацепку. Скажите, вы никогда не замечали, какие жирные и здоровые голуби живут на Примроуз-хилл? Если замечали, то можете мысленно сделать маленькую отметку, поскольку теперь вам будет легче понять меня.

Мы уже раз десять, а то и больше бывали в этом парке, когда однажды на одной из его аллей заметили старика. Он сидел в кресле-каталке, которую толкал мужчина, очевидно, его слуга. Старик всегда был укутан в толстые шерстяные пледы или одеяла, носил темные очки и необычные, странной формы пластиковые перчатки. Я еще подумал тогда, что он, видимо, страдает какой-то болезнью кожи и перчатки защищают его руки от воздействия солнца и ветра. Бледное морщинистое лицо сплошь покрыто многочисленными щербинками, как у перенесшего оспу.

Моя жена сразу же обратила на него внимание. Каждое воскресенье ровно в три часа высокий, смуглый человек лет сорока вкатывал коляску в ворота парка. Обычно они отдыхали на одном и том же месте. Слуга неподвижно застывал за спиной хозяина, тогда как тот, держа в одной руке большой бумажный пакет, другой разбрасывал из него корм для птиц, с виду напоминавший крупные хлебные крошки, и едва слышно нашептывал что-то беззубым ртом. Через некоторое время и слуга присоединялся к процедуре кормления.

Они также заметили нас с женой. Старик несколько раз пытался улыбнуться ребятишкам, при этом был виден его красный язык, робко дрожащий между сморщенными губами, словно пытающийся вытолкнуть застревающие слова.

— Бедняга, — заметила тогда Элизабет.

Несколько недель мы с грустью наблюдали эту молчаливую сцену, пока наконец не решились приблизиться к

старику. Я уже тогда смутно почувствовал, что эдак что-то не так, хотя толком не мог понять, что именно все же осторожно предупредил жену, чтобы она не поддилла к старику, но Элизабет лишь беззаботно пожала плечами. Между тем слуга явно неодобрительно отнес к нашей инициативе, выразив это ледяным молчанием. Элизабет заговорила со стариком о погоде, и тот, приветливо улыбаясь, протянул ей белый бумажный пакет кормом, жестом показывая, чтобы она тоже покормила толпившихся вокруг голубей. Элизабет взяла пригорш крошек и бросила птицам — те с неистовством кинулись на корм, тесня и отталкивая друг друга, стараясь подобрать даже самую маленькую крошку. С виду эдак птичье лакомство было зеленоватого цвета, мягкое и рассыпчатое, как несвежий сыр. Элизабет морщилась, прикасаясь к этим крошкам, которые ко всему прочему оклепались липкими на ощупь.

Чуть приподняв брови, Элизабет спросила старика, чем он кормит птиц и почему они с такой яростью, почти с остервенением набрасываются на пищу, но тот лишь возбужденно взмахнул затянутыми в перчатки руками громко, радостно рассмеялся. Слуга же по-прежнему молчал. Затем, все так же не проронив ни слова, он резким движением развернул коляску и покатил ее к выходу из парка.

В следующее воскресенье мы все подключились к кормлению голубей, хотя, должен признаться, чувство неприязни и даже отвращения к этой процедуре ни на минуту не покидало меня. Не знаю, почему так было, но это действительно было так. Кроме того, я заметил, что за истекшее время старик странно съежился, словно немножко усох, уменьшился в объеме. Старость? Скрытый недуг? Я не знал.

Однажды — это было в воскресенье в конце мая — я заметил, что край одеяла, укутывающего ноги старца, чуть сполз, и стало видно, что у него только одна нога.

— Несчастный старик, — сказала тогда Элизабет. — Наверное, это какая-то серьезная болезнь, раз даже пришлось ампутировать ногу.

Спустя несколько недель исчезла и вторая нога.

С этого времени мы стали наблюдать за странной парой уже с некоторого расстояния. Мы просто не могли спокойно взирать на то, как он постепенно угасает, отданный в жертву какому-то загадочному грибку или неведомому паразиту, медленно и неуклонно пожирающему рассудок и тело старика и сея смерть вездеходом на своем пути. Возможно, отчасти дело было и в запахе, который исходил от его тела, — он продолжал висеть в воздухе даже после того, как мрачная пара покидала парк. Впрочем, я

не исключаю, что это просто наше подсознание сигнализировало нам, что здесь что-то не так. Могло ли быть такое на самом деле — не знаю.

Примерно через неделю после того, как мы узнали, что старик лишился ног, — это было в субботу — я проснулся ночью от стога Элизабет. Простыни под ней скрутились во влажный от пота жгут; слабо вскрикивая, она металась по постели. Я обнял жену, постарался успокоить, тогда как она не переставая бормотала что-то, отдаленно напоминавшее "руки", часто повторяя это слово, будто пытаюсь найти ответ на неведомый мне вопрос. Проснулась Элизабет в четыре часа утра вся в слезах. Я нежно обнял ее, спросил, что случилось, и поцеловал. Она задрожала всем телом, покачала головой и вновь погрузилась в сон.

На следующий день мы снова увидели старика — Элизабет прямо-таки рвалась к нему. Приблизившись почти вплотную, она встала рядом и пристально рассматривала его лицо. Он сильно похудел и осунулся; казалось, что старик потерял едва ли не половину своего веса. Неожиданно Элизабет заметила, что за темными стеклами очков, скрывавшими почти половину старческого лица, зияют черные пустые глазницы. Руки его, плотно обмотанные бинтами, были припеленуты к телу и укутаны пледом. На сей раз не было радостных вскриков и поцелуев пальцами, поскольку отсутствовали сами пальцы. В каталке сидело забинтованное, запеленутое с ног до головы безрукое, безногое, безглазое существо.

— Покормите их! — неожиданно забормотал он надтреснутым, сбивчивым шепотом. — Покормите их!.. — Это были первые и единственные слова, которые Элизабет когда-либо слышала от старика.

— Уходите, — неожиданно резко сказал слуга. — Не вмешивайтесь. Разве вы не видите, что он сильно болен.

Элизабет опрометью бросилась ко мне, лишь один раз оглянувшись назад — и именно в этот момент она увидела, как слуга откуда-то достал знакомый пакет со зловонными крошками и стал щедро разбрасывать их голубям. Птицы с обычным для них неистовством набросились на еду, отталкивая и подминая друг друга, кружа вокруг кресла, нацеливаясь на плечи и спину старика.

С этого дня Элизабет стала терять рассудок. Врач прописал ей какие-то таблетки и настоятельно рекомендовал полный покой. Она часами сидела в кресле в углу комнаты, беспрерывно теребя непослушными, нервными пальцами оборки лежавшей у нее на коленях подушки. Говорила она очень мало, лишь безразлично отвечала на мои вопросы.

Настало воскресенье, и я с детьми, как обычно, решил

пойти в парк. Мне не хотелось брать Элизабет с собой, но она настояла. Дети затеяли привычные игры на качелях, тогда как Элизабет присела на скамейку, напряженно глядя в сторону ворот парка. Я молча развернул газету.

Подняв через несколько минут глаза, я увидел, что Элизабет стоит метрах в пятидесяти от меня, по-прежнему не отрывая взгляда от входа в парк. Мне даже показалось, что она разговаривает сама с собой. Я посмотрел на часы, до трех оставалось несколько минут.

На этот раз у входа показался один лишь слуга. Ни кресла-каталки, ни старика. Только зонтик и пакет, правда, теперь он оказался гораздо больших размеров, чем прежде. Мне кажется, я уже тогда знал, что должно было произойти. Элизабет резко повернулась ко мне и издал дикий, истошный вопль. Слуга выронил пакет на траву, из него веером во все стороны брызнули крупные, мягкие, мясистые зеленоватые крошки.

Мартин Армстронг

ТОТ, КОТОРЫЙ КУРИЛ ТРУБКУ

Вообще-то я ничего не имею против прогулок под дождем, но на сей раз это был просто ливень, а мне надо было прошагать еще десяток миль. Поэтому я решил остановиться у первого попавшегося дома, что стоял примерно в миле от видневшейся вдалеке деревни, и заглянул через забор сада. Многого я не ожидал, потому что с первого взгляда понял — дом пустой. Все окна закрыты, нигде ни ставней, ни занавесок. Сквозь одно из окон на первом этаже я разглядел голые стены и пустой камин с решеткой. Сад совсем одичал, клумбы поросли сорняками, и если бы не забор, я даже не подумал бы, что это вообще сад. Проступали смазанные очертания прямых дорожек, а кусты пышно разросшейся цветущей сирени при каждом порыве ветра обрушивали на траву потоки воды.

Поэтому вы можете представить себе мое удивление, когда из-за сирени показался человек, медленно направившийся по тропинке в мою сторону. Причем меня поразило не столько то, что он вообще появился, сколько то, что шел он, казалось, совершенно бесцельно, с непокрытой головой и без плаща, несмотря на проливной дождь. С виду, скорее, толстый, одетый как священник, почти лысый, если не считать жиденького венчика седоватых волос, гладко выбритый, с горделиво посаженной головой и подчеркнуто сосредоточенным взглядом, который так часто встречается на портретах Уильяма Блейка. Я сразу обратил внимание на то, как безвольно свисали его руки.

По его одежде и, что казалось еще более странным, по лицу струились потоки воды! Можно было подумать, что он вообще не обращает внимания на дождь. Зато я обращал — голова у меня была совершенно мокрой и струйки воды стали стекать за воротник.

— Извините, сэр, — обратился я к нему, — нельзя ли мне войти и укрыться?

Он остановился и изумленно посмотрел на меня.

— Укрыться?

— Да, укрыться от дождя.

— А, от дождя. Ну конечно же, сэр, пожалуйста, входите.

Я открыл калитку сада и проследовал за ним по дорожке в сторону входной двери, возле которой он остановился и, чуть поклонившись, пропустил меня вперед.

— Боюсь, здесь вам будет не очень удобно, — сказал он, когда мы очутились в холле, — однако входите, сэр. Сюда, первая дверь налево.

Это была большая комната с пятистворчатым зеркалом, абсолютно пустая, если не считать сделанного из сосновых досок стола со скамьей и еще одного столика — меньшего размера, — стоявшего у двери и украшенного незажженной лампой.

— Пожалуйста, садитесь, сэр, — проговорил он, легким кивком указывая на скамью. В его манерах и выражениях чувствовалось что-то старомодное. Сам он, однако, не сел, а прошел к окну и стал смотреть на залитый потоками воды сад, все так же безвольно опустив руки.

— Насколько я мог заметить, сэр, — произнес я, — вы к дождю относитесь весьма терпимо. — Мне хотелось продемонстрировать ответную любезность.

Он обернулся, но как-то странно, всем телом, словно не мог повернуть только голову.

— Нет, нет! — воскликнул он. — Отнюдь. Если на то пошло, то я даже не замечал его, пока вы мне не сказали.

— Но вы же совсем промокли. Не хотите переодеться?

— Переодеться? — глаза его почему-то забегали, и в них промелькнула какая-то подозрительность.

— Ну да, сменить свою мокрую одежду.

— Сменить мою одежду? О, нет! Нет, сэр, ни в коем случае! Как промокла, так со временем и высохнет. Ведь здесь же, насколько я понимаю, дождь не идет?

Я посмотрел на него; кажется, это действительно его не интересовало.

— Нет, — ответил я, — слава Богу, здесь не идет.

— Боюсь, мне нечем вас угостить, — вежливо сказал он. — Ко мне приходит женщина из деревни, но только утром и вечером, а в остальное время я совершенно беспомощен. — Он развел руками и снова безвольно опустил их. — Правда, вы можете пройти на кухню и приготовить себе чашку чая, если что-нибудь смыслите в этих делах.

Я отказался, но попросил разрешения закурить.

— Ради Бога, — проговорил он. — Правда, сигарет у меня нет. Другой, мой предшественник, курил сигареты, а я предпочитаю трубку. — Он достал из кармана трубку и кiset — почему-то мне было приятно видеть, как он манипулирует своими руками.

Когда мы оба закурили, я снова заговорил. При этом

меня не покидало некоторое смущение оттого, что инициатива разговора неизменно исходит от меня, что если бы не я, то мой странный хозяин так и не проронил бы ни слова и продолжал бы стоять с опущенными руками, глядя или прямо перед собой, или в сад, или на меня.

Я окинул взглядом комнату.

— Вы, очевидно, недавно здесь поселились?

— Поселился? — Он чуть встрепенулся и устремил на меня свой сосредоточенный, несколько смущающий меня взгляд.

— Я имею в виду, поселились в этом доме.

— О, нет. Ну что вы, сэр, нет. Я здесь уже несколько лет, нет, точнее, сам я здесь примерно год, а другой, мой предшественник, прожил здесь лет пять. И вот почти семь месяцев, как его уже нет. Несомненно, сэр, — меланхоличная, задумчивая улыбка неожиданно изменила выражение его лица, — несомненно, вы не поверите мне... миссис Беллоуз тоже не верит... если я скажу вам, что я здесь всего-навсего семь месяцев.

— Но с чего бы мне не верить вам, сэр, если вы так говорите?

Он сделал несколько шагов в мою сторону и приподнял правую руку. Без особого желания я пожал ее — толстую, вялую, холодную, неприятно поразившую меня.

— Спасибо, сэр, — проговорил он. — Вы первый, абсолютно первый!..

Я опустил руку, и он оборвал фразу, снова, очевидно, погрузившись в свои мысли. Затем заговорил опять:

— Разумеется, все было бы прекрасно, если бы мой... если бы старая кухня моего предшественника не оставила ему этот дом. Лучше бы он жил там, где жил. Вы знаете, тот, другой, был священник. — Он приподнял руки, словно демонстрируя себя. — Это его одежда.

И опять ушел в себя, отрешился, тогда как его плоть в одежде священника по-прежнему была передо мной.

— Вы верите в исповедь? — неожиданно спросил он.

— В исповедь? Вы имеете в виду в религиозном смысле?

Он шагнул еще ближе, почти коснулся меня.

— Я имею в виду, — проговорил он, понижая голос и пристально всматриваясь мне в глаза, — верите ли вы в то, что исповедь в грехе или в... преступлении приносит облегчение?

О чем он собирался поведать мне? Я хотел сказать ему "нет", дабы уберечь и его и себя от исповедального потока этого несчастного создания, но вопрос его прозвучал с такой мольбой, что у меня просто язык не повернулся ответить ему отказом.

— Да, — сказал я, — я думаю, что, исповедуясь, человек обычно облегчает бремя, гнущее его разум.

— С вами так приятно, сэр, — проговорил он, в очередной раз вежливо поклонившись. — Настолько приятно, что я чувствую искушение переступить... — Опять этот странно небрежный жест, словно он старался отмахнуться от чего-то. — Достаточно ли у вас терпения, чтобы выслушать меня?

Он стоял рядом со мной, чем-то напоминая манекен из мастерской портного, случайно оставленный здесь. Его нога несколько раз касалась моего колена, и эта близость вызывала чувство неприязни.

— Не будете ли вы так любезны присесть? — проговорил я, указывая на противоположный конец скамьи, на которой сидел сам. — Мне так будет легче слушать вас.

Он повернулся, внимательно и серьезно посмотрел на скамью, после чего уселся на нее верхом, чуть наклонив свое тело в мою сторону. Уже собравшись начать рассказ, он неожиданно обернулся и посмотрел на дверь и на окно. Затем вынул изо рта трубку, положил ее на стол и поднял глаза на меня.

— Моя тайна, моя страшная тайна заключается в том, что я убийца.

Его признание ужаснуло меня — в общем-то, в такой реакции не было ничего необычного, но в глубине души я не удивился, услышав это. Довольно странный внешний вид и не менее странное поведение отчасти подготовили меня к тому, что я услышу нечто весьма мрачное. Затаив дыхание, я смотрел в его глаза, наполненные каким-то затаенным ужасом. Казалось, он ждал, когда я заговорю, но я не мог вымолвить ни слова. Да и что можно было сказать, Боже правый? И все же необходимо было разрядить столь гнетущую атмосферу:

— Это лежит бременем на вашем сознании? — Я не узнал собственный голос.

— Это преследует меня, — ответил он, неожиданно сцепив свои тяжелые, вялые ладони. — Достаточно ли у вас терпения?..

Я кивнул.

— Расскажите мне обо всем.

— Если бы не встал вопрос о наследовании этого дома, — начал он, — ничего бы не случилось. Другой, мой предшественник, так и оставался бы в своем доме приходского священника, а я... я вообще бы не появился на сцене. Правда, справедливости ради надо признать, что он, мой предшественник, не был счастливым в своем доме. Там он столкнулся с недружелюбием, подозрительностью. Потому-то он впервые и переступил порог этого дома — словно решил подвергнуть себя испытанию, пони-

маете? Завещан он ему был совершенно пустым, просто дом: ни мебели, ни денег, и он приехал и привез с собой самую малость — этот стул, эту скамью, кое-что из кухонной утвари, да складную кровать, что наверху. Понимаете, ему хотелось сначала попробовать. Его привлекала уединенность существования, но ему также хотелось убедиться и кое в чем другом. Видите ли, есть дома безопасные, а есть небезопасные, и вот прежде чем окончательно переселиться сюда, он решил удостовериться в том, что этот дом вполне безопасен. — Он сделал паузу, после чего очень серьезно проговорил: — Позвольте дать вам совет, друг мой, всегда, когда надумаете переезжать куда-то, особенно в странный, необычный дом, убедитесь в его, если так можно выразиться, благонадежности.

Я кивнул.

— Вполне согласен с вами, прекрасно понимаю, сколько неприятностей могут доставить сырые стены, неисправная канализация и тому подобное.

Он покачал головой.

— Нет, я не об этом. Здесь нечто гораздо более серьезное. Я имею в виду дух самого дома. Да разве вы не чувствуете? — Взгляд его стал острым, проницательным. — Ведь это очень опасный дом.

Я пожал плечами.

— Пустые дома всегда немного странноваты.

Он задумался над моими словами.

— А вы заметили, — наконец спросил он, — в чем странность этого дома?

По тому, как он спросил меня, я понял, что дом действительно странный, но это была уже его странность, основывавшаяся, как я полагал, на угрюмой многозначительности его слов, а потом сказал:

— Не более странный, чем другие пустые дома, сэр.

Он с недоумением уставился на меня.

— Удивительно, что вы этого не почувствовали. Впрочем, все это так — другой, мой предшественник, тоже сначала ничего не почувствовал. Даже эта комната, сэр, — ибо эта комната по-настоящему опасна, — сначала не показалась ему странной, нет, несмотря даже на некоторые весьма необычные свои особенности.

Будь за окном нормальная погода, я бы прекратил на этом наш разговор, потому что болтовня старика и его манеры вызвали у меня все большее чувство неловкости. Но погода была плохая: дождь не утихал и стало совсем темно. По всей видимости, вскоре должна была разразиться настоящая буря.

Старик встал со скамьи.

— Пожалуй, сейчас я уже могу показать вам, что в

этой комнате странного. Заметить это можно только когда стемнеет, но сейчас, кажется, уже достаточно темно.

Он прошел к маленькому столику в углу и стал возиться с лампой, пытаясь зажечь. Потом снова надел на нее закопченный стеклянный плафон, перенес на большой стол и поставил слева от меня.

— А сейчас сидите тихо, — проговорил он.

Я так и поступил. Прямо передо мной находился эркер с пятью стеклянными секторами-окнами.

— Сейчас вы сидите точно на том месте, где всегда сидел другой, мой предшественник. Здесь же он принимал пищу.

Я не смог подавить импульсивного желания повернуться и посмотреть ему в глаза. Неприятно было осознавать, что он стоит где-то сзади, чуть наклонившись, но я не могу видеть его. Как мне показалось, он удивился.

— Пожалуйста, не волнуйтесь, сэр. Просто повернитесь и скажите мне, что вы видите.

Я подчинился.

— Вижу окно.

— И это все?

Я присмотрелся.

— Еще вижу свои отражения — по одному в каждой секции эркера.

— Вот именно, — сказал старик, — именно! Именно это и видел тот, другой, когда в одиночестве принимал пищу. Видел, как пятеро других одиноко сидят за столом и едят. Он брал в руку стакан и видел, как пятеро других берут свои стаканы, зажигал сигарету, и пятеро других делали то же самое.

— Ну конечно, — сказал я. — И что, именно это и испугало вашего друга священника?

— Преподобный Джеймс Бэкстер, — сказал старик, — так его звали. Пожалуйста, не забудьте, друг мой: если люди спросят вас, кто живет здесь, скажите: преподобный Джеймс Бэкстер. Видите ли, никто не знает, что... что...

— Никто не знает, что вы сказали мне. Понимаю.

— Да, да! — проговорил он неожиданно упавшим голосом. — Никто не знает. Ни единая душа. Вы первый, кому я об этом рассказал.

— И вы не пытались провести какое-либо расследование? — спросил я. — Этот мистер Бэкстер, его что, не искали?

Он покачал головой.

— Нет. Даже миссис Беллоуз, которая с самого начала ухаживала за ним, не знает, что случилось.

Я обернулся и недоверчиво посмотрел на него.

— Не знает... вы хотите сказать, что...

— Не знает, что я — это не он. Видите ли, — пояснил

старик, — мы были очень похожи. Просто поразительно похожи! Прежде чем вы уйдете, я покажу вам фотографию и вы все сами увидите.

Я решил, что дождь там или не дождь, но уходить пора — если не считать плохой погоды, больше меня здесь ничто не удерживало. Я встал.

— Что ж, сэр, могу лишь выразить надежду на то, что вам действительно удалось облегчить свое сознание, когда вы раскрыли мне свою э... тайну.

Старый джентльмен неожиданно сильно разволновался. Он нервно сжимал и разжимал свои пухлые ладони.

— О, но как же вы можете уйти? Вы же не слышали даже половины всего. Вы же не знаете, как все это случилось. Я надеялся, сэр... вы были так добры... что у вас хватит терпения и внимания, чтобы...

Я снова уселся на скамью.

— Как вам будет угодно, — кивнул я, — если вам есть еще что сказать.

— Я только что сказал вам, — продолжал старый джентльмен, — что я... что другой... что мой предшественник обычно сидел за едой на этом месте и наблюдал, как пятеро других отражаются в стеклах, так? Когда он прикуривал сигарету, те пятеро делали то же самое — все одновременно...

— Ну конечно же, — сказал я.

— Да, конечно же, — кивнул старик. — Все было так естественно, как вы изволили выразиться. Совершенно естественно — вплоть до одного вечера, одного ужасного вечера. — Он умолк и с ужасом в глазах посмотрел на меня.

— И что же? — спросил я.

— Тогда произошла странная, отвратительная вещь. Когда он, мой предшественник, закурил сигарету, наблюдая за остальными пятью, как он обычно это делал, он увидел, что один из них, тот, что крайний слева, закурил не сигарету, а трубку.

Я искренне расхохотался.

— О чем вы, сэр!

Старик в сильном волнении заломил руки.

— Я понимаю, это звучит комично, но одновременно и страшно. Что бы вы подумали, если бы вам пришлось самому *увидеть* такое? Не привело бы это вас в ужас?

— Пожалуй, — согласился я, — если бы такое действительно случилось. Если бы я увидел нечто подобное, наверняка бы ужаснулся.

— Так вот, — произнес старик, — это *случилось*. В этом нет никакой ошибки. Это было ужасно, отвратитель-

но. — В его голосе звучал такой страх, будто он действительно видел все это своими собственными глазами.

— Мой дорогой сэр, — возразил я, — но ведь все это вам известно лишь со слов этого мистера... мистера Бэкстера.

— Я *знаю*, что это так и было, — он говорил очень убежденно. — Я уверен в этом, уверен даже больше, нежели бы сам видел это. Послушайте, это нечто появлялось в течение пяти дней, и все пять дней кряду мой предшественник с ужасом ждал, когда же пятое отражение станет нормальным, таким, как все. Ждал, когда оно само исправится.

— Но почему он не уехал... почему не покинул этот дом? — спросил я.

— Он не осмелился пойти на это, — проговорил старик сдавленным шепотом. — Не решился: он *должен* был остаться и убедиться в том, что это нечто действительно исправилось.

— Но этого не произошло?

— На шестой вечер, — проговорил старик, едва совладав с дыханием, — пятое отражение, то самое, которое воспротивилось послушанию, исчезло.

— Исчезло?

— Да, исчезло со стекла. Мой предшественник сидел, с ужасом уставившись на пустой пятый сектор, а остальные четверо в таком же ужасе взирали на комнату. Он перевел взгляд с пустого оконного стекла на них, а они смотрели на него или на что-то позади него, и ужас застыл в их глазах. И вот он начал задыхаться — задыхаться, — старик поперхнулся и тоже вдруг стал задыхаться сам, — задыхаться, потому что его горло сжимали руки, сжимали и душили его.

— Вы хотите сказать, что это были руки пятого? — спросил я и понял, что только мой собственный ужас как ответная реакция на ужас старика не позволяет мне цинично улыбнуться.

— Да, — просипел он и протянул свои толстые, тяжелые руки, уставившись на меня горящими глазами. — Да. Мои руки!

Пожалуй, впервые дикий страх охватил меня. Мы неотрывно смотрели друг на друга, пока он продолжал судорожно глотать воздух и хрипеть. Стараясь успокоить его, я как можно спокойнее сказал:

— Понимаю. Таким образом, вы и были этим пятым отражением?

Он кивнул в сторону трубки, лежавшей на столе.

— Да, — хрипло прозвучал его голос. — Это был я, тот, который курил трубку.

Я встал. Больше всего мне сейчас хотелось броситься

к двери; но что-то меня удерживало. Я почувствовал, что было бы бесчеловечно оставить его одного — жертву своей же собственной ужасной фантазии. Со смутным желанием привести его в чувство и облегчить истерзанное сознание я спросил:

— А что вы сделали с телом?

У него опять перехватило дыхание, гримаса исказила лицо; сцепив обе вытянутые вперед руки, он стал конвульсивно бить ими себя в грудь.

— *Вот*, — словно агонизируя, прокричал он, — *вот* оно, это тело.

Питер Флеминг

ДОБЫЧА

В холодном зале ожидания маленькой железнодорожной станции в Западной Англии сидели двое. Сидели они уже не меньше часа и, похоже, намеревались оставаться дольше. За окнами плавал густой туман; поезд явно опаздывал.

Зал ожидания представлял собой неприветливое зарешеченное помещение. Одинокая лампочка без абажура рассеивала мутный утомляющий свет. На камине красовалась грязноватая табличка "Не курить"; на противоположной стороне зала можно было увидеть похожее объявление. Тут же были развешаны рекомендации по борьбе с эпидемией свинной лихорадки 1924 года. От камина плотными волнами исходил горячий удушливый запах. Болезненно-белесый налет на давно невымытом оконном стекле пропускал свет из комнаты в клубы парившего снаружи тумана. Где-то сбоку с надсадной медлительностью монотонно капала вода, звонко ударявшаяся о лист железа.

И вот в этой застывшей, одеревенелой неподвижности комнаты сидели друг против друга двое мужчин. Их молчаливое общение было едва ли интенсивнее, чем обоюдное внимание к окружающей обстановке — его практически не было. Казалось, что продолжай они вести себя в том же духе, им суждено остаться незнакомцами.

Один из них — тот, что был помоложе, — переживал отсутствие контакта гораздо острее, нежели недостаток комфорта, а его отношение к собеседнику колебалось от сочувственного понимания до нерешительной обиды. Впрочем, настроен он был философски — как и у многих других представителей его класса и возраста, повседневная и потому едва ли осознаваемая рутина чередующихся удовольствий, свойственных знатности и богатству, постепенно притупила способность чему-то удивляться.

В свои двадцать с небольшим лет он оценивал людей, не занимавших сколь-нибудь значительного места в его собственной жизни, примерно так же, как щеголь разглядывает прогуливающих по парку гостей — со сдержанным вызовом, хотя и без особого любопытства. Быстрый в своих провинциальных эмоциях, он относился к человечеству как к музею, исправно глаза на любой новый экспонат и с неразборчивым усердием изучая очередной образчик человеческой породы. К каждому новому магическому кругу индивидуальности он относился исключительно по касательной и вообще считал себя знатоком людей.

Сидевший напротив него субъект явно заслуживал внимания. Ниже среднего роста, он обладал той особой худобой, которая как бы замещает собой недостающие сантиметры длины тела. На нем было очень потертое, почти до пят черное пальто и забрызганные грязью ботинки. Бесцветное лицо, хотя оттенок его не производил впечатления бледности — кожа была скорее темно-желтоватой с примесью серого тона. Нос заострялся в точку, скулы косо торчали в разные стороны; глубокие вертикальные морщины, сбегавшие с высоких щек, складывались в некое подобие врожденной широкой улыбки, хотя глубоко посаженные медового цвета глаза отнюдь не подчеркивали этого сходства. Но самой поразительной чертой головы была какая-то нелепость, неуместность всего ее облика. Почти на затылке притулилась слегка заломленная набок шляпа с узкими полями — загнать ее туда могла, пожалуй, лишь упрямая привычка, и в итоге сейчас это худое вопрошающее лицо свирепо взирало на молодого человека на фоне черного фетрового ореола.

Весь облик этого типа представлял собою не столько отчужденность, сколько *нетипичность*; даже неестественная манера носить шляпу — и та больше походила на ужимки и шалости дрессированного животного. Он как будто являлся частью иной, более древней плоти, на фоне которой обычный *гомо сапиенс* в шляпе-котелке выглядел чем-то вроде недавно перевернутой новой страницы истории. Сидел он сгорбившись, глубоко засунув руки в карманы пальто, и неудобство, которое он несомненно испытывал, происходило не столько от того, что стул был жестким, сколько потому, что это вообще был стул.

Молодой человек посчитал его явно некомпанейским собеседником. Проявляемые им самая живая симпатия и

последовательные энергичные атаки с различных сторон так и не смогли вывести того из состояния угрюмого безмолвия. Сдержанная угодливость его реплик охлаждала пыл молодого человека даже больше, нежели это могла бы сделать прямая резкость или колкость. Взгляды их встречались, лишь когда молодой человек подолгу смотрел на своего визави. При этом глаза незнакомца иногда наполнялись беспредметным весельем, он даже улыбался, хотя видимых причин тому не было.

Мысленно окидывая взором проведенный час, молодой человек видел перед собой лишь сплошную вереницу бесплодных попыток сближения и отчаянных банальностей, рассеянных повсюду наподобие ненужной амуниции, брошенной отступающей армией. Однако решимость, любопытство и необходимость хоть как-то убить время взяли верх над сиюминутной готовностью признать свое поражение.

— Если он не заговорит, — подумал молодой человек, — тогда это сделаю я. В конце концов, какое имеет значение, кому начинать. Расскажу ему обо всем, что недавно со мной произошло. И правда ведь, невероятная история! Постараюсь преподнести ему ее как можно лучше. Посмотрим, как он отреагирует, но уж равнодушным останется едва ли”.

— Насколько я могу судить по вашему виду, — резко и энергично проговорил молодой человек, — вы путешественник и охотник?

Незнакомец быстро поднял на него свои медовые глаза, в которых блеснуло едва уловимое изумление. Так и не ответив, он снова опустил веки и начал разглядывать бисеринки влаги, покрывавшие полы его пальто. Однако через секунду он снова посмотрел на молодого человека.

— Да, я приехал сюда, чтобы поохотиться, — сказал он сиплым голосом.

— В таком случае вы, должно быть, слышали о псарне лорда Флира — она расположена неподалеку отсюда.

— Я знаю ее.

— Так вот, — молодой человек явно оживился, не желая упускать инициативу беседы, — в его хозяйстве я жил. Лорд Флир — мой дядя.

Собеседник посмотрел на него, улыбнулся и кивнул головой с осторожной неуверенностью иностранца, который не до конца понимает, чего от него хотят.

— А не хотели бы вы, — продолжал молодой человек

несколько более самоуверенным тоном, — послушать одну примечательную историю о моем дяде? Она произошла буквально два дня назад. Думаю, это не очень утомит вас.

Блеск светлых глаз незнакомца вполне мог бы заметить ответ.

— Пожалуй, — кивнул он.

Безликость его голоса могла бы послужить образчиком неискренности, слабо прикрывающей нежелание разочаровать рассказчика, хотя глаза весьма красноречиво подтверждали, что он действительно заинтересовался.

— Ну так вот... — начал молодой человек, подвигая стул чуть ближе к огню. — Вы, вероятно, знаете, что мой дядя, лорд Флир, ведет отставную, но никак не бездельную жизнь. Правда, многие считают его отшельником и вообще некомпанейским человеком. Некоторым, кто знал его лишь понаслышке, он, возможно, казался романтиком. Будучи человеком предельно простых вкусов и неизбалованный чрезмерным воображением, он не видел причин нарушать своих привычек, ставших со временем нормой его жизни. Живет дядя в своем фамильном замке, который можно скорее назвать удобным, нежели шикарным, получает скромный доход от своих владений, иногда постреливает, много ездит верхом и время от времени выбирается в гости.

Дядя никогда не был женат. Будучи единственным сыном его родного брата, я воспитывался как предполагаемый наследник дяди. Однако во время войны произошли непредвиденные перемены...

Дело в том, что в период этой национальной катастрофы дядя, если можно так выразиться, проявил некоторое отсутствие патриотического духа, продолжая как ни в чем не бывало кататься и охотиться в своих владениях. Под сдержанным, но упорным давлением своих более патриотично настроенных соседей он в конце концов согласился отдать на военную службу двух своих слуг, умело помогавших ему на охоте. Однако это не успокоило воинственно настроенное местное дворянство, приславшее к нему грозную делегацию, которая заявила, что все ждут от него более существенной помощи родине, нежели одного лишь уничтожения лесных хищников, к тому же весьма ненадежным и довольно дорогим способом.

В этой ситуации дядя повел себя достаточно сдержан-

но и вполне разумно. На следующий же день он написал в Лондон и попросил выслать ему подписку на "Таймс" и предоставить одного бельгийского беженца на его, дядино, содержание.

Беженец оказался особой женского пола и к тому же глухонемой. Была ли одна из этих отличительных особенностей — или даже обе? — неизменным условием, выдвинутым дядей, — никто не знает. Однако особа заняла свое место в замке. Это была довольно тяжеловесная, малосимпатичная девица лет двадцати пяти с лоснящимся лицом и полными, покрытыми маленькими черными волосами руками.

Ее жизнь в замке во многом напоминала мне существование жвачного животного, с той лишь разницей, что протекала она в основном не вне, а внутри дома. Ела она много, бессонницей не страдала и каждое воскресенье принимала ванну, игнорируя это столь полезное для здоровья занятие лишь тогда, когда заставляющий ее это делать старший дворецкий бывал в отъезде.

Нелепой и, на мой взгляд, досадной стороной патристического жеста дяди стало его постепенно нараставшее влечение к этому малосимпатичному созданию. К концу войны уже не могло быть и речи о ее возвращении на родину, в Бельгию, и как-то лет пять тому назад я с вполне понятным чувством горечи узнал, что дядя официально удочерил ее и изменил завещание во многом в ее пользу.

Время, однако, сгладило мои горестные чувства. Я продолжал регулярно раз в год навещать поместье дяди — в последний раз я приехал сюда ровно три дня назад и собирался задержаться минимум на неделю, но судьбе было угодно внести поправку в мои планы. Я застал дядю — высокого, отлично выглядевшего бородача — в обычном для него неуязвимо здоровом настроении. Бельгийка же, как всегда, произвела на меня впечатление существа, невосприимчивого к каким-либо болезням, эмоциям и любым другим проявлениям людских слабостей.

За ужином в день приезда я почувствовал, что в обычно резковатой, лаконичной манере речи дяди присутствуют незнакомые мне нотки, и понял, что он чем-то встревожен. После ужина он пригласил меня к себе в библиотеку, и в том, каким образом было сделано это

приглашение, я почувствовал явный намек на предательское замешательство.

— Пол, — обратился ко мне дядя, как только я притворил за собой дверь, — я очень сильно встревожен.

Я вздохнул и изобразил на лице выражение симпатизирующей заинтересованности.

— Вчера, — продолжал дядя, — ко мне пришел один мой знакомый — у него поместье по соседству со мной. Пришел и сказал, что потерял двух овец, причем он уверял меня в том, что никак не может понять, что же именно с ними произошло. Дело в том, что овцы, по его мнению, были убиты каким-то диким животным. — Дядя ненадолго умолк, и мрачность его лица и манер показалась мне поистине зловещей.

— Волки? — предположил я самый простой и очевидный вариант.

Дядя покачал головой.

— Этот сосед не раз видел овец, которых задушили волки. Он говорит, что те были всегда сильно изранены — обкусанные ноги, изодранные тела, — загнаны в какой-нибудь угол и напуганы до смерти. В общем, никак не чистая работа. Эти же две овцы были убиты совершенно иначе. Я сам пошел взглянуть на них. У обеих были разорваны глотки, но никаких следов волчьих клыков на шкуре. И обе погибли на открытом пространстве, а отнюдь не где-нибудь под забором. И сделало это, я уверен, какое-то сильное и очень хитрое животное.

— А может, какая-то тварь из зверинца или цирка сбежала и... — снова предположил я.

— Они не заезжают в наши края, — отрезал дядя. — Здесь не устраивают ярмарок.

На некоторое время в библиотеке воцарилась тишина. Я ждал, не столько встревоженный разговором, сколько озадаченный волнениями дяди. Ждал и гадал, что же это может быть, но ни одно из моих предположений не объясняло его крайнего огорчения.

— А еще одна овца была убита сегодня утром... — с явной неохотой добавил он. — Точно таким же способом.

За неимением лучших идей я предложил прочесать окрестности — дескать, может быть...

— Уже! — бросил дядя.

— И ничего не нашли?

— Ничего... Кроме нескольких следов.

— Чьих следов?

Дядя неожиданно отвел взгляд, а под конец и вовсе отвернулся.

— Это были следы человека, — медленно проговорил он и подбросил в камин еще одно полено.

Вновь воцарилось молчание. Мне показалось, что эта беседа причиняет ему больше боли, чем облегчения. Я решил, что хуже не будет, если честно и откровенно выскажу все, что думаю по этому поводу, но затем передумал и просто спросил, чего же именно он так опасается. Ну ладно, три овцы это, конечно, определенная утрата, но не его же, в конце-то концов, а соседа, да и не всегда этим смертям оставаться тайной. Убийцу, кем бы он ни оказался, неизбежно схватят и прикончат. Смерть еще одной-двух овец — вот самое страшное, что может случиться в будущем.

Когда я наконец умолк, дядя бросил на меня тревожный, почти виноватый взгляд, и я понял, что он собирается признаться еще в чем-то...

— Сядь, — проговорил он, — я хочу кое-что рассказать.

И вот что он мне поведал.

Лет двадцать пять тому назад моему дяде пришлось нанять новую экономку. Со смесью фатализма и лени, лежащих в основе отношения холостяка к проблеме выбора слуг, он согласился с первым же предложением. Это оказалась высокая темноволосая женщина с косыми глазами; лет ей было около тридцати, и никто толком не знал, откуда она родом. Дядя ничего не сказал о ее характере, но отметил, что "сила" в ней чувствовалась. Через несколько месяцев ее пребывания в замке дядя стал как-то по-особенному "замечать" ее, хотя, принимая во внимание ее внешность, скорее следовало бы ожидать обратного. Да и она оказалась явно не из тех, кто остается безразличным к подобному рода знакам внимания...

Однажды она пришла к дяде и сказала, что ждет от него ребенка. Дядя воспринял это сообщение достаточно спокойно, во всяком случае, до тех пор, пока не понял, что она ожидает его женитьбы на ней.

Узнав про это, он буквально взбеленился, обозвал ее шлюхой и приказал покинуть его дом сразу же после родов.

С этого момента вместо ожидаемого с ее стороны отчаяния или задумчивости слуги в доме стали замечать, что она начала что-то напевать себе под нос по-валлийски,

одновременно искося и с любопытством поглядывая на дядю. Это почему-то напугало его. Он распорядился переселить ее дальше от его комнат, в дальнее крыло замка, и нанял новую экономку.

Когда ребенок появился на свет, дяде сказали, что женщина умирает и просит его прийти к ней. Испуганный и страдающий, он по длинным и малознакомым коридорам прошел в ее комнату. Увидев его, женщина начала что-то бессвязно бормотать, не отрывая взгляда от дяди. Казалось, будто она зубрит какой-то урок. Затем, остановившись, она потребовала, чтобы ему показали ребенка.

Это был мальчик. Сиделка — и дядя это заметил — держала его на вытянутых руках с брезгливостью, почти с отвращением.

— Вот ваш наследник, — хриплым, дрожащим голосом проговорила роженица. — Я сказала ему, как надо себя вести. Он будет мне хорошим сыном и сумеет отстаивать свое право на существование. — С этими словами она разразилась потоком диких ругательств, что-то кричала о проклятии, олицетворенном в ее сыне и смертельном для всякого, кого дядя сделает своим наследником через его голову.

Наконец ее голос затих; она откинулась на подушки обессиленная и измученная.

Дядя уже собирался было выйти из комнаты, когда сиделка шепнула ему, чтобы он посмотрел на руки младенца. Разжав пухлые беспомощные кулачки, она показала ему, что на каждой руке средний палец имел на одну фалангу больше, чем на соседних пальцах.

Здесь я не удержался и перебил дядю — вся эта история действовала на меня со странной силой, причина которой, видимо, крылась в настроении рассказчика. Дядя явно страшился, ненавидел то, о чем сейчас говорил.

— Ну и что все это значило? — нетерпеливо спросил я. — Эта лишняя фаланга?

— Мне понадобилось немало времени, чтобы разобраться в этом, — ответил дядя. — Мои собственные слуги, видя, что я не понимаю, почему-то не захотели мне ничего рассказывать. Но как-то я встретился с одним доктором, и тот сообщил мне, сославшись на старуху-знахарку, что... В общем, он сказал, что люди, родившиеся с такими руками, временами превращаются в оборотней. По крайней мере, — добавил дядя после некоторой паузы, — так считает большинство людей.

— А что это такое? — не отставал я, сам не замечая, что мое легкое верие нарастает с поразительной быстротой.

— Оборотень, — сказал дядя, — это человеческое существо... — он снова запнулся, как бы не веря тому, что сам же говорит. — Человеческое существо, которое время от времени превращается в волка со всеми присущими ему повадками и желаниями. Превращение это, или так называемое преображение, происходит ночью. Оборотень убивает людей, а при отсутствии таковых — животных, и пьет их кровь. В средние века, вплоть до XVII века, отмечалось много случаев, особенно во Франции, когда мужчин и женщин официально судили за действия, которые они совершили в образе животных. Как и ведьм, их нередко оправдывали, но в отличие от последних они редко оказывались невиновными. — Дядя сделал паузу. — Я читал старые книги, где были описаны в том числе и такие случаи, и как-то раз попросил одного знакомого психиатра рассказать мне, можно ли верить всем этим рассказам. Ребенок же...

— Да, кстати, а что случилось с ребенком?

— Жена одного из моих слуг взяла его к себе. Это была добрая женщина с севера, которая с радостью воспользовалась этой возможностью, чтобы показать, как низко она ставит все подобные предрассудки. Мальчик жил с ними около десяти лет, а потом неожиданно сбежал. Я не слышал о нем ничего вплоть до... — дядя почти виновато посмотрел на меня, — до вчерашнего дня.

С минуту мы сидели, не проронив ни слова. Воображение предательски обошлось с моей способностью мыслить логично и трезво, а кроме того, чего греха таить, я и сам немного испугался.

— Так вы думаете, что это ваш сын-оборотень убивает овец? — спросил я, не надеясь на положительный ответ.

— Да. Из хвастовства или ради предупреждения. А может — из-за неудачной охоты ночью.

— Неудачной охоты?..

— Именно, — кивнул дядя и с тревогой посмотрел на меня. — Я же сказал, что объект его главного интереса — отнюдь не овцы.

Впервые до меня дошел истинный смысл угроз роже-ницы. Значит, охота началась, и ее добычей являлся наследник замка Флир. Поняв это, я почувствовал заметное

облегчение оттого, что меня давно уже лишили этого наследства.

— Вчера я сказал дочери, — дядя только так называл свою приемную бельгийку, — чтобы она ни под каким предлогом не покидала вечером пределов замка.

Должен признаться, ночь я провел не вполне спокойно. По правде говоря, воображение у меня всегда было развито достаточно хорошо, и как я ни старался, мне не удалось полностью вытеснить из своего сознания видение этого зловещего, преобразующегося существа, бродящего в черно-серебристой ночи под моими окнами. Лежа в кровати, я поймал себя на мысли о том, что прислушиваюсь к затихающим, теряющимся где-то в окружающем замок лесе шагам...

Не знаю, приснилось ли мне или я действительно под утро услышал отголосок какого-то завывания, но, случайно выглянув в окно по пути на завтрак, я увидел незнакомого человека, который быстро удалялся по дороге от замка. Внешне он чем-то напоминал пастуха; у его ног вертелась одна из наших собак и мне почему-то показалось, что вела она себя с ним со странной неуверенностью и робостью.

За завтраком дядя сказал мне, что этой ночью была задушена еще одна овца — буквально под самым носом у сторожа. Голос дяди заметно подрагивал, когда он говорил об этом, глядя на свою приемную дочь. Та же спокойно, словно делала это на спор с кем-то, поглощала овсяную кашу.

После завтрака мы решили еще раз организовать облаву. Не стану утомлять вас пересказом всех деталей этого мероприятия и его полного провала. Весь день тридцать человек вдоль и поперек прочесывали леса и верхом, и спешившись. Как-то однажды неподалеку от места последнего убийства овцы собаки почуяли странный запах, который вели больше двух километров, но у шоссе он обрывался. Мы тогда решили, что это была скорее всего лиса или хорек.

Но вскоре оказалось, что этот день готовит нам еще немало потрясений. К вечеру, когда мы собирались возвращаться домой, дядя по непонятной мне причине сильно встревожился. Погода стояла неважная, сумерки быстро смешивались с густыми облаками, а до Флида было

еще далеко. Отдав последние инструкции насчет поисков, дядя распорядился повернуть лошадей к дому.

К замку мы подъехали по боковой дороге, которой редко пользовались. Это была сырая пустынная аллея, проходящая сквозь густой строй сосен и дубов. Из-под копыт лошадей слышался смягчаемый толстым мхом перестук камней. С каждым выдохом из их ноздрей вырывались тугие клубы пара.

Мы были, наверное, метрах в трехстах от ворот конюшни, когда лошади внезапно замерли как вкопанные. Их головы повернулись в сторону леса. В почудившемся нам неясном шуме все более отчетливо слышались отвратительные всхлипывающие завывания. Этот звук то возникал, то замирал, как бы стараясь заполнить собою окружающие нас сумерки, но через несколько минут стих, словно захлебнувшись в сладострастном, утробном бульканье.

Тишина тщетно пыталась совладать с этим звуком; его грозное эхо продолжало носиться над нашими головами. Мы были уверены, что слышим, как по твердой и гулкой, как железо, дороге ступают ноги... Две ноги.

Дядя спрыгнул с лошади и скользнул в чашу. Я последовал за ним. Вскоре показалась поляна. Единственная фигура, которую мы заметили на ней, была неподвижна...

"Дочь" дяди, скорчившись, лежала у самой дороги — массивное темное пятно на мерцавшей в лучах лунного света поверхности травы. Мы бросились вперед.

Для меня она всегда оставалась скорее нелепой, словно выдуманной личностью, нежели реальным человеком. И умерла она, как жила, поистине в традициях животного мира — с разорванным горлом.

Молодой человек откинулся на спинку стула, немного утомленный своим монологом и исходившим от камина жаром. Он вновь почувствовал неудобство окружающей его обстановки, о котором, увлеченный собственным рассказом, на время забыл. Наконец он вздохнул и как-то виновато улыбнулся незнакомцу.

— Дикая, невероятная история. Впрочем, я даже не рассчитываю, что вы всему в ней поверите. Возможно, для меня самого реальность случившегося несколько ускользает из-за совершенно неожиданного поворота последовавших за ним событий. Как ни странно, но со

смертью бельгийки я теперь стал наследником владельца замка Флир.

Незнакомец ответил ему долгой, задумчивой улыбкой. Его медового цвета глаза сияли; тело под длинным пальто резко напряглось, словно в мучительном, сладостном ожидании. Он молча поднялся со стула.

Молодой человек почувствовал, как острый, холодный страх пронзает все части его тела. Что-то непонятное, то, что скрывалось за этими мерцающими глазами, пугало его своей ужасающей неизбежностью, подобно занесенному мечу, готовому в любой момент пронзить сердце. Его прошиб пот, он был не в состоянии даже пошевелиться.

Теперь улыбка незнакомца показалась ему хищным, изголодавшимся оскалом; глаза фосфоресцировали тяжелым осмысленным вождением. Слюна липкой каплей свисала в уголке рта.

Очень медленно он извлек из кармана пальто одну руку и приподнял шляпу. Пальцы крепко сжимали ее поля, и молодой человек увидел, что на среднем пальце было на одну фалангу больше, чем на остальных.

Сэмюэл Хопкинс
Адамс

ТРУП ЗА СТОЛОМ

Впервые услышав историю про двух людей, застигнутых пургой в горах, я посчитал ее частью местного фольклора района Адирондак* и использовал в качестве сюжетной основы для короткого рассказа, написанного мною где-то лет тридцать пять назад и опубликованного в одном из журналов. В то время я предполагал, что мне удастся каким-то образом напасть на след реальных фактов, которые легли в основу этой истории. Я расспросил немало своих бывших однокашников по Хэмилтон-колледж, где впервые ее услышал, и хотя многие из них действительно помнили фабулу этого дела, никто так и не смог точно сказать, как все началось. Таким образом, это могло быть предание, построенное в большей степени на воображении, нежели на реальных фактах, о котором какой-то забытый ныне писатель написал в каком-то забытом журнале или книге. Но кто и где именно?

Октябрьская пурга застала двух геологов врасплох в самом центре Адирондака. Их звали Чарльз Кэрни и Стефен Истлоу. Они давно работали вместе и были близкими друзьями. Борясь со стихией, они упорно пробивали себе путь среди сугробов, и Истлоу, более сильный физически и бодрый духом, помогал своему напарнику, который совсем выбился из сил и был на грани отчаяния.

Еще немного, и ранние октябрьские сумерки скроют последнюю надежду, как вдруг Истлоу радостно вскрикнул. На фоне темнеющих вихрей снега он разглядел тонкий провод, покрытый слоями налипшего льда.

— Провод! Телеграфная линия!

---

* Горный массив в системе Аппалачей, США. (Прим. пер.).

— Да, но куда она идет? — закашлялся Кэрни. — И как далеко? Лучше зарыться и поспать.

— И не вздумай! — скомандовал Истлоу. — Это на-верняка линия, которую геологическая служба проложила прошлой весной между своей зимовкой и железнодорожной станцией в Норт-Крике. Нам надо продержаться еще немного. Пошли!

Истлоу был добрым другом и сделал все, что было в его силах, чтобы помочь Кэрни. Примерно через полчаса они добрались до небольшого домика. Им здорово повезло, они нашли не только запас дров, но обнаружили на полке несколько сухих початков кукурузы. В ветвях поваленного дерева скулил застигнутый бурей дикобраз. Истлоу пристрелил его из револьвера. Угроза голода отступила, но Кэрни был явно болен и метался в лихорадке. Докрасна растопив печурку, Истлоу уложил его в постель, надеясь на то, что к утру тому станет легче.

Телеграф был их единственной надеждой. Кэрни знал, как работать с аппаратом. Ослабевший после бессонной ночи, он добрался до стола и включил тумблер.

Оператор в Норт-Крике поначалу подумал, что двинулся рассудком, когда впервые получил сигнал из Лоунли-хилл. Текст был сбивчивый, но понять что-то было можно. На вершине горы в беду попали два человека, один из них с воспалением легких. Да поможет им Господь Бог! Люди им помочь не могли. Пока не могли. Пурга становилась все сильнее. Еще через двадцать четыре часа новое сообщение пробило себе путь — на сей раз оно скорее напоминало бред. Избушку осаждало ужасного вида зверье, над ней кружили ангелы с белыми крыльями и демоны со сверкающими, горящими глазами. Вскоре текст морзянки стал полностью бессмысленным.

Истлоу оттащил своего обессиленного друга назад в постель. На следующее утро в редкие минуты просветления Кэрни снова и снова тащился к столу, садился за ключ и нетвердой рукой выбивал свои точки-тире. Но до Норт-Крика его сигналы уже не доходили. Ветер и снегопад оборвали тонкий провод надежды.

Ближе к вечеру Истлоу, уложив своего бредившего товарища в постель, вышел наружу, чтобы собрать дров для печи. Вернувшись, он застал Кэрни сидящим перед передатчиком. Выглядел он вполне спокойно.

— Стив, — ровным голосом произнес он. — Стив, я, кажется, умираю. Но прошу тебя, Стив, — молил он,

блестя горячечными глазами, — не хорони меня до тех пор, пока не убедишься, что я действительно умер. Это может быть просто кома. — Он судорожно сглотнул. — Пожалуйста, Стив, не хорони меня живьем... — Голос Кэрни упал до шепота.

Пытаясь унять дрожь отчаяния, Истлоу поклялся товарищу, что не сделает этого.

События последующих дней очень точно описаны в дневнике Истлоу. В тот вечер он занимался приготовлением последних кусков мяса, оставшихся от туши дикобраза, когда его больной друг поднялся, добрался до своего места за столом и там умер. Проверив его дыхание и пульс, Истлоу убедился в том, что Кэрни мертв.

Наступившее трупное окоченение послужило для убитого горем геолога сигналом к тому, что пора заниматься похоронами. Найдя большой сугроб, он проделал в нем кочергой широкое отверстие, уложил тело, прочитал молитву и засыпал его снегом. Ночь для Истлоу прошла в кошмарных сновидениях, проснулся он в холодном поту.

Утром, когда он встал с постели, чтобы подбросить в печурку дров, Чарльз Кэрни сидел за столом — беззвучный, неподвижный, смотревший прямо перед собой...

В течение всего дня, пока охваченный ужасом и еще не веря в возможность случившегося, Истлоу бродил среди сугробов в поисках какой-нибудь пищи, труп продолжал оставаться на том же самом месте. Ближе к вечеру, собравшись с духом перед необходимостью сделать то, чего от него требовала реальность, он вернул тело Чарльза Кэрни в его импровизированную могилу. В вещевом мешке он нашел фляжку, наполовину заполненную бренди, выпил все содержимое и лег спать.

Ему пришлось проявить изрядную силу воли, чтобы заставить себя поутру подняться с постели. Дрожа всем телом, он вынужден был постоять минуту, прежде чем решился наконец открыть дверь в большую комнату.

Как и прежде, Чарльз Кэрни сидел за столом.

“Самое главное для меня, — писал в своем дневнике Истлоу, — постараться как можно дольше не сойти с ума. Теперь я знаю, что делать, если он придет снова”. И опять он целый день бродил по лесу, в отчаянии разговаривая сам с собой. Возможно, это были галлюцинации, но рассудок он определенно не потерял. Может, все это лишь кошмар наяву? Он вернулся к избушке и резко распахнул дверь.

Чарльз Кэрни сидел за столом.

В тот вечер, после третьего захоронения, Истлоу боялся ложиться спать. Он сел за стол прямо напротив пустого стула, отчаянно борясь со сном. Наконец усталость доконала его — он задремал...

Серый рассвет разбудил его. Напротив него, подернутый дымкой слабого света, сидел Чарльз Кэрни. Взор его был устремлен в никуда.

"*Да поможет мне Бог*", — написал Истлоу в дневнике. Это была его последняя запись.

Группа спасателей, в которую входили два лесника, врач и оператор телеграфа в Норт-Крике, устало приближалась к одинокому домику на вершине горы. Издалека казалось, что там уже давно никто не живет, по крайней мере над трубой не вился дымок. От двери протоптанная дорожка вела к сугробу, с одной стороны которого была проделана странного вида выемка. Доктор распахнул дверь — его встретили холод и тишина. За столом сидели два мертвеца.

Оба были застрелены в голову. Голова Истлоу покоилась на столе в луже свернувшейся крови. На полу, рядом с его свисающей правой рукой, лежал револьвер. Кэрни сидел вертикально на стуле — глаза открыты, выражение лица спокойное.

— Убийство и самоубийство, — воскликнул телеграфист. — Бедные черти!

Доктор между тем осматривал тела.

— Это не убийство, — сказал он и прикоснулся ко лбу Кэрни. — Нет крови. Когда его застрелили, он был уже мертв. Более того, думаю, что его предварительно заморозили.

Пятеро спасателей посмотрели друг на друга, словно были свидетелями небывалой мистификации. Один из лесников взял в руки дневник Истлоу и протянул его доктору. Тот задумчиво посмотрел на него, затем вышел из домика и стал рассматривать следы на снегу. Вернувшись, он закурил трубку, снова задумался и наконец сказал:

— Друзья, во имя семей погибших я призываю вас хранить молчание относительно того, что вы увидели. Я здесь выступаю дознавателем. Мое официальное заключение звучит так: смерть Чарльза Кэрни и Стефена Ист-

лоу наступила в результате переохлаждения, голода и пережитых лишений. Вы меня поняли?

Один за другим все кивнули. Только телеграфист проговорил тихим и спотыкающимся от смущения голосом:

— Я легче засну, если... если узнаю... что здесь произошло.

— Я тоже, — сказал доктор. — Нам остается лишь гадать. Думаю, что под воздействием шока от смерти Кэрни и ужаса от наступившего одиночества Истлоу стал вести себя как лунатик. Если выяснится, что в детстве он ходил во сне, это многое прояснит. На основании того, что я прочитал, могу предположить следующее. Ночью, все еще будучи во сне, Истлоу выкопал похороненного друга и снова усадил на стул, на котором в последний раз видел его живым. Зачем? Кто знает? Возможно, от страшного отчаяния, от одиночества, а может, из подсознательного стремления сдержать данное им Кэрни слово. По крайней мере, этим можно объяснить его выстрел. Как бы то ни было, подобную эксгумацию он производил неоднократно. Днем какие-то смутные инстинкты наверняка сдерживали Истлоу, особенно после второго перезахоронения, но ночью он не мог совладать с самим собой. Он засыпал, и демон сомнамбулизма вновь брал контроль над его действиями. В последний же раз он просто не выдержал такого напряжения.

Записи Истлоу были уничтожены, а тела обоих друзей похоронены на дне горного озера.

Читайте в следующем номере:

**Юрий КАМЕНЕЦКИЙ,
Эжен ШЕДРИН
Гороскоп президента**

Застольные беседы Гитлера

**Борис УТЕВСКИЙ
Убийца двадцати четырех**

**Дмитрий СТАХОВ
Казначей**

**Джек ФИННИ
Что нашли в карманах мертвеца**

АГЕНТСТВО БЕЗОПАСНОСТИ «ДЕЛЬТА»

Мы обеспечиваем безопасность еженедельника
"КОММЕРСАНТЪ"

Можем помочь и Вам!

● Охрана коммерческих тайн Вашего предприятия, установление изменяющихся источников утечки конфиденциальной информации, выявление подслушивающих устройств.

● Проверка коммерческой надежности потенциальных партнеров по бизнесу.

● Установление кредито- и платежеспособности фирм на территории СНГ и за рубежом (страны Западной Европы, США, Южная Корея) — в кратчайшие сроки (от 48 до 72 часов).

● Охрана Ваших офисов (с техническим оснащением), обеспечение личной безопасности.

● Обеспечение сохранности грузов.

● Выполнение частных конфиденциальных поручений.

Звоните нам в любое время суток!

Контакты:
(095) 940-1111

По вопросам рекламы
в "Делте" обращайтесь
по телефонам: 202-1111

OZON.ru
Всё, что нужно!

1023182265